

Астра

**РОЛЬ «ЗРЕЛОЙ ЖЕНЩИНЫ»
чувствительные истории**

Москва
Издательство «БПШ»
2009

РОЛЬ «ЗРЕЛОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Летней июньской ночью торговый корабль «Виктор Панаёнов», шел в северо-восточном направлении, в порт приписки после долгого плавания. Со времени торжественного спуска на воду и бутылки шампанского, разбитой о его борт, корабль вновь и вновь возвращался домой с полными трюмами. Флаг на мачте бился родной, российский, а грузы в трюмах стояли разные, из дальних и совсем дальних стран, обычный торговый груз: легкий, в виде коробок и ящиков с наклейками, и тяжелый — приборы, оборудование, промышленные станки

В это летнее время даже северные моря благосклонно встречают утомленных моряков кроткой синевою, светлыми зорями и короткими ночами. Но сегодня море штормило, на палубу серой стеной рушился ливень. В такую погоду судно двигается только по приборам на приборной доске, круглосуточно показывающим курс в бушующем море. Сейчас на мостике нес вахту Клим Ковалев, старший помощник капитана. Из своих тридцати семи лет он отдал морю почти семнадцать, и если не стал капитаном, то лишь по убеждению. Теперь же он и вовсе подумывал о списании на берег.

Внезапно его внимание насторожило ощущение, будто звенят, пересыпаясь, стальные опилки, знак тревоги, понятный только ему.

— Что происходит? — насторожился он. — Так. Что-то впереди! Стоп машина! Полный назад! Лево руля!

Теперь главное — быстрота. Корабль медленно отвернул нос влево.

На мостик вбежал капитан, без плаща, в наскоро застегнутом кителе.

— Что опять случилось, Клим? Что ты творишь?

Корабль становился на якорь. Гремя, разматывала якорную цепь мощная лебедка.

— Сейчас увидим, — ответил Клим, включая дополнительные прожектора. — Вон она, красавица!

Капитан не верил своим глазам.

Прямо по курсу мощный луч прожектора сквозь дождь и волну высветил всплывающую темную махину подводной лодки. На ее поверхности уже метались люди. Вот замигал сигнальный фонарь.

— Норвеги. Неполадки с электропитанием, — читал капитан. — Требуется техническая помощь, — он передернул плечами. — Попробуй-ка заметь их в такой волне! Придется помочь.

Он посмотрел на Клима. Только что они были на волосок от страшной морской трагедии! Только за один рейс старпом спасает их во второй раз. Что за чутье у этого человека?

— Силен, бродяга! А, Евгеньич?! То мель учуял, то подлодку! Как тебе удается?

В этом рейсе Клим уже успел отличиться. Для него самого было тайной, как это получается. Легкий шорох в ушах, похожий на шорох пересыпаемых из ладони в ладонь стальных опилок и все, он готов к действию. Возможно, способность эта перешла от пращура, северного знахаря. Такой же шорох, но мягче, слышался и при мысли отказаться от перемен, которые он наметил в своей судьбе, оставить все по-прежнему. Значит, только вперед.

Шторм стих. Светлело. Корабль стоял на якоре, пока капитан с механиком находились на подлодке.

Летние северные ночи в июне очень коротки. На востоке занимается новый день, и солнце катается по горизонту, будто яблочко по тарелочке.

Солнце краснo вечером -
Моряку бояться нечего,
Солнце краснo поутру -
Моряку не по нутру.

Солнце всходило золотым. Прощайте, морские приметы, байки, посиделки на корме в свободное от вахты время! Клим усмехнулся. Он видел, как прилетели два вертолета, вызванные с берега, как сверху, по воздушной лесенке на лодку спустились люди, журналист с кинокамерой, и ярко-оранжевый баул с гру-

зом. К завтраку с подарками и теплой благодарностью от норвегов моторный катерок отвалил от корпуса грозной подлодки и по веселой волне, под светлым небом понесся домой!, в сторону «Виктора Панаёнова». Они издали помахали руками Климу, показали пальцами полные двести граммов и вскоре сменили его на посту.

Корабль пошел дальше.

Капитан, Николай Васильевич Ромашин, Васильич, как по отчеству называют друг друга на флоте, плавал уже более двадцати лет. Из них пятнадцать лет вместе с Ковалевым. Он принял его молодым мичманом, вырастил до своего помощника и давно прочил в капитаны, но тот отказывался. А сейчас и вовсе уходил. Васильич вздохнул. Как спокойно с Евгеньичем! Кому рассказать — не поверят! Жаль терять таких людей. Капитан вздохнул еще раз и решил больше не думать об этом.

...Отоспавшись после вахты в своей каюте, Клим прошелся по судну, проверил в трюме крепление грузов, прошелся по отсекам и палубе, осматривая свое хозяйство. В конце обхода облокотился о бортик кормы, любуясь на закат. Сколько он их повидал за семнадцать лет!

— Прощаешься? — подошел капитан.

— Вроде того.

— Может, передумаешь?

Клим рассмеялся.

— Друг мой Колька! Не тяни кота за хвост и настраивайся на нового помощника. Долгие проводы — лишние слезы. В порту подберут подходящего.

— «Подходящего»? Сколько соли с тобой съели, в таких переделках бывали, а не могу понять, что тебя мучает? Объясни.

— Не расстраивайся, Васильич. Мне разобраться надо.

— С кем это? — капитан улыбнулся. — С братвой портовой, что ли?

— Еще не хватало! Нет, Васильич, разбираться мне нужно с самим собой. Судьба зовет, как говорится, а куда, не сказывает.

— Э-э, брось ты бабьи сказки, не ломай головы. Кисейная барышня, что ли? Статный сильный мужик, все при тебе. Не понимаю!

Помолчав, Клим тихо проговорил.

— Остановилось во мне что-то, Васильич. Все-то я здесь знаю, все-то мне известно. Движения, глубины нет. Застрыл. А, — он махнул рукой, — не объяснишь этого!

Корабль шел своим курсом, оставляя на мелкой волне широкий пенный след. Матросы занимались генеральной уборкой перед приходом в порт, драили особенно тщательно палубу, чистили медь, подкрашивали белым и голубым название родного судна.

— Не обижайся, Васильич. Всю жизнь буду тебя помнить.

— Меня не обидишь. А как семья?

— Я их обеспечу.

— Все-таки двое, сын и дочь.

— Взрослые уже.

— Какое взрослые... Разве что мать присмотрит, как обычно.

Они снова замолчали.

— А сам? Или зазноба призывает? Скажи уж.

— Нет. Жить буду один.

— Все с нуля?

— Все. Даже из города уеду. В Москву.

— Ого.

— Там есть речной порт, наймусь крановщиком. Если остановлюсь сейчас — пропаду.

Капитан обнял Клима за плечи.

— Не понимаю тебя, мужик, но уважаю. С Богом.

— Спасибо, Николай Васильевич.

Капитан повернулся и пошел к себе. Ворохи бумаг, радиogramм ждали его, да еще необходимо было составить доклад о происшествии прошлой ночи. Что ж, плохого ничего нет, напротив, честь и хвала Климу Ковалеву.

— Эх, — снова вздохнул капитан и даже махнул рукой. — Зачем, зачем уходит?

Эту ночь Клим спал в своей каюте. Снился ему — в который раз — темный зал, освещенная сцена, оттуда, лучась теп-

лым бирюзовым светом, приближалось прекрасное родное существо.

«Кто ты? Как найти тебя?»

Вдруг он ощутил все тот же шорох пересыпающихся стальных опилок.

— Что? Где? Скорее! — спустя секунды он уже помчался по коридору, загрохотал вниз в машинное отделение. — Скорее! Сейчас рванет, скорее!

Он успел тик в тик. За столиком, впившись глазами в книжку, сидел молодой механик. Ну, очень интересная книжка! Стрелки манометров давно зашкаливали, слышался грозный гул котлов, кое-где вырывались струйки пара, а тот, не видя, не слыша, настигал убийцу, чтобы освободить златокудрую красавицу!

Роман вылетел у него из рук, голова мотнулась в сторону. Клим молча привел его в чувство, сходу вырубил рубильник, вдавил до упора красную кнопку, щелкнул одним тумблером, другим. Гул стих. Вахтенный виновато стоял посреди помещения. Далеко у двери валялась пестрая книжка. Парень боялся сдвинуться с места, такая вина не прощается, он знал это. Клим повернулся к нему.

— Чтобы духу твоего не было на судне, щенок. Положишь рапорт капитану на стол и пошел вон из машинного отделения!

Выгнав парня, Клим усмехнулся и принялся шагать из угла в угол, поглядывая на приборы.

— Пас, еще пас, блок! Молодцы! Переход подачи, — командовал тренер из приподнятого над волейбольной сеткой сидения.

Со свистком в зубах он внимательно наблюдал за игроками. Соревновались смешанные команды подростков, юношей и девушек лет четырнадцати. По звуку приема мяча — подушечками пальцев, ладонью, обеими ладонями, лодочкой тренер отмечал мастерство. Все воспитанники спортивного лагеря были в прекрасной форме, успели хорошо загореть, несмотря на подмосковный июнь с его дождями.

— Катюша, играй, играй, не отвлекайся на маму. Гаси! Умница! — крикнул он тоненькой волейболистке, высоко подпрыгнувший над сеткой.

Ее мать, Ирина Константиновна, а попросту Ирина, потому что в свои тридцать два года была стройна и так же легка и спортивна, как ее дочь, сидела среди болельщиков. Она приехала навестить дочку, по которой скучала в своей московской квартире

— Левые выиграли. Набирается новая команда. Ирина, вы можете поиграть против дочери, — улыбнулся тренер.

Ему нравилась эта спортивная зеленоглазая женщина, актриса, лицо которой было так узнаваемо, и это нравилось всему лагерю.

— Почему бы и нет?

Она поднялась и заняла свободное место.

— Разыграли. Подача справа.

Игра пошла. Ирине хорошо удавались дальние подачи, удавались блоки у сетки и одиночные завершающие удары, она покраснела и казалась не мамой, а старшей сестрой своей Катюши, Киски, ростом почти догнавшей ее.

Спортивный лагерь «Святые ключи» расположился у северо-западной границы Подмосковья, справа от платформы с тем же названием, на высоком берегу реки Сестры. Через долину был перекинут длинный серебристый мост, казавшийся издали изящной игрушкой, с такими же игрушечными поездами, пробегавшими по его рельсам. Слева по ходу поезда из Москвы, за насыпью, высилась старая колокольня без навершия, с цепкие кустами и даже низенькой березкой вместо крыши; у подножья сохранились развалины церквушки да заросший старый пруд; посередине него блестела вода, скорей всего там и били ключи, давшие имя и деревне, и платформе, которая протянулась по обе стороны железнодорожного пути.

Воспитанникам лагеря запрещалось переходить рельсы к старой колокольне. Но Киску тренер отпустил с матерью до ужина.

Девочка, конечно, гордилась красотой и профессией своей мамы, но ее собственная расцветающая красота, без сомнения, занимала все ее мысли.

— Знаешь, мамочка, Витька Суворов пишет мне разные записки и даже рисует в профиль. Как ты думаешь, он любит меня?

— А как тебе кажется?

— Нисколечки. Я просто не обращаю на него внимания.

— А на кого обращаешь?

— Ни на кого. Они только о своих мышцах думают. Хвалятся, показывают.

— Наверяд ли. Везде есть серьезные мальчики, с которыми интересно общаться.

Они болтали о друзьях и подругах, о тренере, о том, когда закончатся работы над фильмом, в котором снималась сейчас Ирина, и в самом деле напоминали двух сестер.

— Мамочка ты моя милая, — говорила Киска, заплетая венчик из гвоздик. — Мы с тобой хорошо живем. Я тебе помогаю, да?

— Да, Киска. Ты — моя верная опора.

— Ты очень устаешь?

— Не очень. Если бы роль была по мне, я не уставала бы вовсе.

Осталась позади деревенька, раскинувшаяся на взгорье, они перебрались через насыпь и спустились к пруду.

День клонился к вечеру. Из камышовых зарослей раздавался лягушачий хор, летали стрекозы, их твердые крылья посверкивали цветным стеклянным блеском, и тяжело клонились к воде старые ивы.

Они присели на белое, свободное от коры, бревно и замолчали, думая о своем. В это время со стороны моста за их спинами прогремел поезд дальнего следования на Москву, несколько минут спустя прошумела пригородная электричка из Москвы.

— Я все понимаю, мама. Быть женщиной — очень ответственно.

Ирина даже выпрямилась от неожиданности.

— Да ты совсем взрослая, Киска, и рассудительная, как отец.

— Я похожа на него?

— Очень. Ты помнишь его?

— Помню. И фотографии остались. Когда выйдет твой фильм?

— В ноябре.

— Когда полетят белые мухи?

— Да. Тогда откроется фестиваль. Наш режиссер рассчитывает попасть в конкурсный показ.

Киска качнула венком, представляя, как будет рассказывать у костра о конкурсном показе фильма с ее мамой.

Тихий московский переулок начинался двумя старинными храмами с кирпичной оградой, над которой поднимались тополя. У храмов были серебристые шлемовидные купола, а за стрельчатыми окнами горели ясные огоньки лампадок. Глубже по переулку с обеих сторон уходили светлые дворянские особняки, между которыми стояли позднейшие, прекрасно стилизованные четырехэтажные дома с такими же окнами, белой лепниной по фасаду и каменными крылечками с навесами из литого узорного чугуна.

В этот ранний час в комнате второго этажа, за полуоткрытым окном, задернутым желтоватым тюлем занавески, беспокойно металась во сне молодая женщина.

— Мама, не уходи, мама...

Проснувшись, Ирина уткнулась лицом в горячую руку, приходя в себя после ночного кошмара.

Восемь лет назад в автомобильной катастрофе погибли муж Ирины и ее отец; а три дня спустя, от странных горловых спазмов умерла потрясенная мать. С тех пор Ирина жила с дочерью в опустевшей квартире.

Позавтракав овсянкой, джемом и чашкой кофе со сливками, она поутюжила цветастое платье и под села к зеркалу. На нее смотрела свежая молодая женщина с чуть вздернутым носом и нежной улыбкой. За эту улыбку ее когда-то и полюбил муж, да за зеленые глаза. Молодой, чуть старше нее. Как странно. Они с Сережей так любили друг друга, и вот его давно нет, а она живет и даже здорова.

Она откачнулась от зеркала.

— Меня не любят уже восемь лет! У меня нет ни любви, ни любимой работы. Я играю пенсионерку с мышинным хвостиком на затылке. Неужели это конец? Неужели ничего больше не бу-

дет? ... Как их много, молоденьких девчонок на студии! — Ирина зажмурилась. — Стоп! Ни слова. Иначе придется собирать себя по кусочкам. Если в каждой видеть соперницу, лучше не жить.

Через полчаса, легкая, с отлетающей сумочкой, она сбежала с крыльца и помчалась на студию.

Яркие афиши полуобнаженных красоток и красавцев украшали гримерную. Лампы струили ослепительный свет, жара была бы нестерпимой, если бы не кондиционеры.

Ирина опустилась перед безжалостными зеркалами. Она не опоздала, хотя добраться сюда по длинным темным коридорам с бесчисленными дверьми и табличками с именами режиссеров и картин, прокуренным лестничным площадкам, переходам и поворотами было не просто.

— Пришла, моя красавица, — обернулась к ней Анастасия, продолжая сильными руками растирать в мраморной чашке замороженный цветной грим собственного изготовления. — Подожди минутку, все равно там еще не готово, — она кивком головы показала в сторону съемочного павильона.

Анастасия была задушевной подругой. Семь лет назад Ирина устроила ее на студию, и за это время Настя-маляр поставила себя так, что с нею считались даже режиссеры и директора фильмов.

— Что? — уловила она настроение подруги. — Вернулась от дочки поздним вечером и затосковала в пустом доме, голуба-душа?

— Заметно? — Ирина опустила голову.

Анастасия усмехнулась и вздохнула по-женски сочувственно.

— Не журишь, солнышко. Все проходит.

— Вот именно, — Ирина уткнулась в лицо ладонями. — Настя, милая, неужели это все? Неужели никогда? Я же ничего не успела, я даже женщиной не была. Я держусь, как могу, но до каких пор? Ведь уже скоро, скоро... — она склонилась к самым коленям. — Не хочу стареть, не хочу, не хочу...

— Полно, полно, — Анастасия прижала к себе ее голову. — Не тебе бы говорить, не мне бы слушать! Мы тебя еще замуж отдадим, молодую-интересную. С такими-то глазами!

Ирина подняла лицо.

— Прости меня, Настя. Все как-то одно к одному. Маму во сне видела... Помнишь, как она за один день ушла?

Анастасия обняла ее и поцеловала в лоб.

— Все будет хорошо.

Ирина улыбнулась сквозь слезы.

— Утешительница ты моя. Что я, в самом деле... выплескиваю на тебя. Извини. Обидно немножко. Я могу играть интересные характеры, а тут...

Анастасия поцеловала ее в темя и отвернулась к своим баночкам.

— Терпи, казак. Что у нас сейчас? Пенсионерка? О-о, — она вдруг вспомнила нечто важное, — да ты же ничего не знаешь!

— Чего не знаю?

— Того, что происходит здесь, в родной киностудии. Тут такое творится, что все на ушах стоят.

— О чем ты?

— О том, что пора забыть слезы. Время чують верхним чутьем.

— Что чують? Говори же.

— То-то, — Анастасия наставительно подняла палец. — Сейчас надо и видеть, и слышать, и успевать туда, где ты нужна. А нужна там именно ты и только ты с твоей грацией, трепетностью, твоим искусством и мастерством.

Анастасия преобразилась. Из добродушной хозяйки она превратилась в хваткого дельца, знающего, как устраиваются кинопробы, договора и сделки. Обойдя Ирину, она повернула ее к себе, потом опытным взглядом посмотрела на нее в зеркало.

— Я не понимаю, — проговорила Ирина.

— Сейчас объясню. Костю Земскова знаешь?

— Ну?

— Ну и ну, баранки гну. Уже последнему лифтеру известно, что он, молодой и гениальный, надежда страны и киностудии, носится сейчас со сценарием «О зрелой женщине на изломе жизни» и не может найти актрису на главную роль. Он должен увидеть тебя, ощутить, как свою звезду.

— Впервые слышу. Костя Земсков, такой вихрастый?

— Больше ничего про него не вспомнишь?

— Лауреат в Каннах, кажется.

— И того с лихвой хватит. Теперь все зависит от тебя. Нельзя допустить, чтобы он выбрал какую-то француженку! У тебя есть русскость, она в глазах, в улыбке. Найди его, покажись. Действуй, действуй. Эти художники все могут решить в одну секунду. Даже во сне.

Ирина сникла. Эти просьбы, смотрины! Ну почему ей, талантливой, молодой, надо гоняться за кем-то, жеманничать, умолять?

— Не вздыхай. Надо значит надо, — поняла ее подруга.

В комнату уже заглядывали разные люди, и уже торопили, но после внушительного ответа хозяйки понимающе исчезали. Ничего не скажешь, Анастасия достойно поставила себя в глазах сотрудников. Оборотясь к столам, полным баночек с мазями, краской, пудрой хозяйка принялась за дело.

Это было ее царство. Под ее руками Ирина, свежая, нежная Ирина стала превращаться в строгую и сухую учительницу химии, с обожженным реактивами лицом и полузакрывшимся глазом. Сердце актрисы сжалось. Разве об этом она мечтала? Но такова была роль в картине. В заключение Настя натянула на нее парик с мышинными прядками, с хвостиком на затылке и отстранилась, любуясь на свою работу.

— Путная старуха получилась, ученики бояться будут. Ха-ха-ха! — и всплеснула руками. — Ой, типун мне на язык! Про юбилей-то мы и не вспомнили, две сороки. Мужу моему, Павлу Николаевичу, сорок лет в субботу стукнет.

— Сорок лет? — ахнула Ирина.

— Сорок, сорок.

— В эту субботу?

— В эту, в эту. Приходи помогать. Лучше пораньше, чтобы успеть.

— Приду.

Поднявшись с кресла, чтобы идти одеваться к роли, она обняла Анастасию за полные плечи.

— Солнышко мое! Всегда-то обогреешь, обласкаешь. Добрая женщина — это чудо света.

— Давай, Иришенька, с Богом!

К вечеру, после съемок, Ирина и впрямь разыскала Костю Земскова. Он сидел в буфете с бутылкой пива и воблой, охраняе-

мый негласным запретом на деловые переговоры во время еды. Ирина задержалась в дверях, постояла и... направилась к его столу. Была не была! Сделав первый шаг, она решилась и на второй, присела на соседний стул. Поняв, о чем идет речь, Костя стал дико хохотать, взлохматил свои вихры, сказал, что не знает ни о каком фильме, и тут же выдал себя, проговорившись, что думает о нем целыми днями, покраснел и убежал подальше от этих актрис с их вечными звездными притязаниями.

Несносно, несносно!

По приходе в порт Клим занялся обычной передачей груза. Таможня продержала его недолго, часа полтора, и получилось это случайно, потому что эта смена уходила в отпуск и спешила, чтобы не оставлять незавершенку. Клим расценил это, как знак удачи. Вскоре появился и заказчик, кавказец с плечами тяжеловеса, босс, как называла его команда черноголовых подручных. Он принял груз и рассчитался.

Другая партия груза, станки и тяжелая техника, были сданы по назначению тоже без задержки. Солнце еще не посмотрело на запад, когда с заявлением об уходе он направился в здание пароходства к начальнику порта. В кабинете шло совещание рыбаков. Он сидел в приемной, слушал доносившиеся из диспетчерской переговоры капитана рейда с подходящими кораблями, провожал глазами женщин. Некоторых он помнил, других уже не узнавал, поскольку редко сживал по приемным, все в море да в море, а за семнадцать лет милые девчушки, с которыми перемигивался когда-то молодой мичман, стали дамами с совсем иным выражением лица.

Наконец, совещание окончилось.

— Александр Николаевич, вас дожидается старпом Ковалев, — доложила секретарша.

— Пусть войдет, — отозвался усталый голос.

Клим вошел и положил перед начальником свое заявление. Прочитав его, тот посмотрел на Клим помаргивающими выпуклыми глазами, потом нажал кнопку переговорного устройства.

— Капитана с «Панаёнова» ко мне срочно! А ты садись, садись. Поговорим-покурим.

Нечасто увольнялись люди с выгодной и почетной морской работы. Минут через семь появился капитан корабля. Они обменялись рукопожатиями.

— Ознакомься, Васильич, — начальник кивнул головой на рапорт Ковалева.

— Да знаю, знаю.

— И что? Не можешь справиться? Экая глупость.

Николай Васильевич развел руками.

— Не могу. Уходит.

— Он у тебя в своем уме? В наше время списываться на берег!

И обратился к молчавшему доселе Климу.

— Подожди в приемной. Нам тут побалакать треба.

Клим вышел.

Начальник порта поднял брови и уставился на собеседника.

— Что происходит, Васильич? Мы не богатеи, чтобы разбрасываться такими кадрами. Рапорт подал, смотрите на него! Кошка между вами пробежала, что ли? Согласится он на капитанскую должность?

Тот покачал головой.

— Не согласится.

— Ты беседовал с ним?

— Неужели нет? — Капитан дернул плечами.

— А он здоров вообще-то? — начальник неопределенно крутанул пальцами возле головы.

— Здоровее не бывает. Нет, Александр Николаевич, тут другое, а что, мне не понять. Для него это очень серьезно.

Они помолчали. На мгновение им представилась сказочная жизнь, свободная от тягостей и ответственности, и показались они себе на мгновение галерными рабами, прикованными к разнавсегда сделанному выбору. А этот уходит, как орел в небо, и никакие законы ему не писаны. Но тут загудел на рейде стоящий под разгрузкой траулер и вернул их к действительности. Сказочной жизни без серьезной работы не бывает, и этот парень, Клим, все равно будет где-то вкалывать, выстраивая свою новую судьбу.

Начальник порта прошелся по кабинету. Из его окон виден был порт, причалы, разьезды машин.

— Так и решим. Подбирай себе нового помощника и закончим этот разговор.

Через пару дней все было готово. С документами в кармане Клим дал прощальный ужин команде своего корабля. Все сожалели о его уходе, но у каждого были свои дела на берегу, и, покутив в портовом ресторане до полуночи, мужчины разошлись.

Утро настало ясное и свежее. Цветники, зеленые лужайки, скульптуры и фонтанчики, столь привычные для служащих порта, доставляли истинную радость морякам. Начальник хозяйственного отдела даже зимой встречал экипажи оранжерей с вечнозелеными кустами и розами, да теплицей с овощами. Недаром славился по флоту этот северный порт!

Клим вывел из портового гаража свой «мерседес» и поехал домой, на окраину города. По пути тормознул у гостиницы и заказал номер на одну ночь.

Дома его не ждали.

Такое случается в семьях моряков. Пока муж плавает, изредка появляясь в доме, жена работает, хлопочет по хозяйству, управляет с подрастающими детьми, тратит его деньги и... отвыкает, отвыкает от мужчины, с которым когда-то связала ее любовь. Вернется он на неделю-другую и вновь уходит на месяцы и месяцы.

Он открыл дверь своим ключом.

Семья сидела за обеденным столом. Пахло пирогами, борщом, свежей зеленью. Его супруга была хорошей хозяйкой, полнеющая блондинка, замершая от неожиданности на своем месте. Между ними уже начиналось то отчуждение, о котором проговаривались старые моряки. Вот и сейчас она не знала, как себя вести. Зато младшая дочка-подросток вскочила со стула и повисла у него на шее.

— Папка! Я во сне видела, что ты приехал!

— Умница.

Поднялся и Шурка, старший сын, и тоже обнял отца, высокий, с пробившимися усиками

Два смешных чемодана, на колесиках, похожие на крокодилов, проехали по передней прямо в большую комнату. Много добра вместилось каждый такой чемодан. Сын получил кожаную

куртку, всю в блочках и молниях, дочь — все остальное. Для жены он положил на стол что-то мелкое, механическое, для работы.

— Как ты просила.

— Зоя, принеси прибор для отца, — сдержано произнесла женщина. — Мой руки, Клим, садись за стол. С приездом тебя.

Из резного деревянного буфета показалась бутылка коньяка. Она старалась быть хорошей женой. Того, что произойдет дальше, не ожидал никто. Клим выложил на журнальный столик пачки денег.

— Вот деньги, рубли и валюта, — начал он.

— Да, да, — подхватила Зойка, — все эти тряпки можно купить здесь и гораздо дешевле. Не трать больше валюту. Правда, мама?

— Уместные слова, — усмехнулся Клим. — Оставьте-ка нас с матерью, пойдите, погуляйте. Будьте во дворе, есть серьезный разговор.

Они ушли. Оставшись наедине, Клим сказал просто, словно о чем-то обыденном.

— Я ухожу, Оля. Не от тебя и не к другой. К самому себе. Этих денег пока хватит, устроюсь — буду присылать.

Ольга молча наклонила голову и ушла на кухню.

Собрать вещи бы делом одной минуты. Клим сбегал вниз. Во дворе поджидали взрослые сын и дочь. Присев на скамейку, он со всей серьезностью поведал им о своем решении. Увидел, как опустились их головы, как заблестели девичьи слезы.

— Все, — сказал детям. — Я пошел. Подростете — поймете, а сейчас примите, как данность. Я вас люблю и не бросаю, — он поднялся, держа в руке небольшой чемоданчик. — Живите, как жили. О деньгах не беспокойтесь.

В билетную кассу очередь была немалая. Все отпускники ехали через Москву, все были недовольны новым порядком покупки билетов с паспортом, но подчинялись. Заняв очередь, Клим поспешил в товарное отделение оформлять доставку машины. Это съело немало времени, но он успел и там и тут. С билетом и квитанцией в кармане направился в гостиницу.

Ночь была светлая, северная, городская. Солнце стояло за очертаниями кирпичных домов. Клим подумалось, что вот и

кончилось для него море, что он свободен и одинок под слабыми мигающими звездочками. Новая жизнь уже началась.

На другой день сын провожал отца.

Посадка уже заканчивалась. В купе шестого вагона с удобствами устраивалось на ночь семейство из трех человек, родители с дочкой. Они обрадовались Шурке, решив, что именно он будет их попутчиком.

— А вот я его пирожком угощу, ну-ка, еще горяченьким, — захлопотала хозяйка, ласково поглядывая на молодого человека.

Узнав, что едет не мальчик, а его отец, они сдержанно поздоровались с Климом. Забросив чемоданчик на полку, отец с сыном вышли на перрон.

Вокруг царил обычная вокзальная суэта. Спешили с чемоданами, везли на колесиках корзины и баулы, прощались, целовались. Пахло копченой рыбой, северными дарами для южных родственников. Все как обычно. Разве что среди пассажиров чаще обычного виднелись матросские воротники и бескозырки, или что ни взрослые и ни дети еще не успели загореть. На отдых отправлялись целыми классами, человек по двадцать, под призором руководителя, сумевшего пронять на совесть очередного спонсора.

Спешили по перрону и мальчишки-южане, вносили в купе ящики и коробки со знакомыми наклейками. Босс стоял скрестив руки и наблюдал за погрузкой. Клим усмехнулся, кивнул ему.

Отец и сын прошлись вдоль вагонов.

— Обижаясь на меня, Шурок?

Тот уклонился от прямого ответа. Клим отметил взрослое поведение сына-старшеклассника..

— Не усекаю, скажем так.

Клим потер рукой подбородок.

— Завис я, сын, завис, как твой компьютер. Вот и все.

— Как это, батя? — снисходительно посмотрел тот. — Мой компьютер, между прочим, не зависает.

Клим закурил, посмотрел себе под ноги.

— Когда-то в юности я, видно, выбрал не ту дорогу. Попробуй-ка угадай в шестнадцать лет! Вроде, все, как у людей, живи-радуйся, а мне мелко, глубины нет. Каждый день одно и то же, да и того понять не могу.

— У кого иначе?

— Я про себя говорю. Знаешь, почему я в море ходил? Не поверишь. Чтобы по берегу скучать, стремиться домой. А как вернусь с рейса — на берегу ничего не понятно, ну, и скорей на корабль, в море, о возвращении мечтать.

— Но ты же старпом!

— Поднаторел, верно. А понимать — ничего не понимаю. Только душа горит, просто пылает.

Он замолчал, заметив, что босс тонким кавказским слухом ловит их разговор. До отправления оставалось десять минут. Это много, когда душа твоя уже простилась с прошлым и ты весь устремлен в неведомую жизнь. Шук хмурил брови. Он не осуждал, и по-юношески готов был восхищаться отцом, как всегда восхищался им. И красавец-корабль, которым он гордился перед друзьями, хотя, сказать по-честному, старпом — это еще не капитан, а у его друзей отцы были и капитанами. Вообще, у него были хорошие друзья. И все, как один, шли в морское дело. Кто в училище, кто в армию, на флот.

— Не жалко бросать корабль? — спросил он.

— Нет, — с неожиданной беззаботностью ответил Клим. — Наелся под завязку. Новая жизнь зовет. Не пойму, какая, а зовет. Уходить надо, пока все на мази, вертится, работает, когда и без тебя справляются. Ясно?

— Ясно. Пока уговаривают остаться, да?

— Вроде того. Но это не главное.

— А что главное? — насторожился юноша и затаил дыхание, ожидая того сильного слова, что сразу решит и его проблемы.

— Главное — это твое решение, — Клим посмотрел на большие вокзальные часы..

Они помолчали, направляясь к вагону.

— В Москве один будешь? — ревниво спросил сын.

— Один.

— Силен, отец!

— Не сердись, Шук. Как устроюсь, вызову тебя. Поступишь куда-нибудь учиться. Москва же!

— Спасибо, батя!

— Какой я батя! Бродяга вселенская, а не батя. Все, прощай.

Поезд уже набирал скорость. Вскочив на подножку, Клим прошел в купе.

Нельзя сказать, что Птичий рынок — место, малоизвестное москвичам. Многие любят проводить здесь выходные дни поближе к весне, поближе к лету, и охотно покупают там все, что душе угодно, потому что купить здесь можно предметы простые, необходимые для жизни на природе с удочкой, ружьем, рюкзаком за спиной. Вот, любуйтесь, пока не поздно, пока не перенесли «Птичку» за кольцевую автодорогу.

Еще издали, при подходе к воротам уже встречают вас продавцы котят и щенков с чистейшими глазами существ, впервые увидевших этот мир, тут же предлагают цыплят, козлят, кроликов, не говоря уже о канарейках и попугайчиках. Где, в каком месте Москвы можно запросто купить козленка? Вот только волков не бывало. Хотя, может, и продали какого, еще слепым щенком, все может быть. На самом рынке тянутся тесные рядки под узкими навесами. Чего-чего здесь только нет! Вот развешены рыболовные сети с ячейками мелкими, средними и крупными на окуня, щуку, на семгу. Тут же выстроились удилица. А сколько лотков с приманкой, с мотылем и червями, аквариумы пустые и полные воды, украшенные зелеными водорослями, глотами. А какие рыбки! На любую мечту. Вокруг стоят любители и говорят, говорят, как на восточном базаре, у каждого свой рассказ, свой случай, смех и хохот.

Народу по выходным дням уйма! Кажется, рынок-то и работал лишь по выходным дням. Воистину, кто не знал *Птичку*, тот никогда не поймет, куда зовет душа в пустые часы выходного дня! Посетители, в основном мужчины молодого и зрелого возраста, которым все по плечу, прицениваются, торгуются, покупают весело, просто. Душа взлетает на птичьем рынке!

Здесь когда-то покупали снасти и припасы Павел и Сергей, муж Ирины. Все были молоды. Павел и Настя лишь недавно вернулись со строительства гидростанций, Ирина снималась в первых фильмах, а Сережа все решал свои задачи по сверхпроводимости. Какие бывали застолья, какие вечера! А всего-то по случаю поездки на Птичий рынок!

Сегодня на Птичьем рынке Ирина выбирала подарок для Павла. Она ходила уже целый час, даже отдаленно не представляя, что ей нужно, как вдруг увидела его, свой подарок. Вот он, зеленый пятнистый жилет, сплошь состоящий из карманов, с рюкзаком на спине, но совсем не военный, без броневой прокладки, хотя и украшенный погончиками и золотистым ромбом.

— Бронежилет, — подмигнул продавец, проследив ее взгляд. — Семнадцать карманов на любой случай. Все по уму, носи хоть целый магазин.

Жилетов висело несколько. Карманчики на липучках, на кнопках, на молниях, подкладка тоже с карманами изнутри, застежка на вытяжных металлических пуговицах. Длинный карман на груди для авторучки, и для сигарет, и для зажигалки, надежная, долговременная вещь, сшитая на хорошей машине умелыми руками. «Надо брать», — кивнула Ирина и посмотрела на продавца.

— Понравился? — спросил тот.

— Хороший жилет, — уважительно кивнула она.

— Какой размерчик желаете?

— Размерчик... — она стала в тупик. — На плотного такого мужчину выше среднего, вон как тот, — и показала на кого-то в толпе.

— Найдем, — он снял жилет с плечиков. — На свитер в самый раз. Не мужу, стало быть?

Она даже замерла от неожиданности. Ух, как спросил!

— Нет, — ответила она врасплох.

Он склонился поближе, посмотрел ей в глаза, сильный, складный.

— Такая милая женщина и без мужа, — произнес вполголоса, так, что ее бросило в жар. — Встретимся? Сегодня. Давай?

Она смутилась. Хотела отшутиться, но слова не шли. Он не отводил от нее светло-карих, подсвеченных солнцем, глаз.

Она отрицательно помотала головой. Он не согласился.

— А я б тебя любил, и ты б меня любила. Я вижу. Встретимся? Я подъеду, куда?

У Ирины перехватило дыхание. Как давно с нею не разговаривали так, не просили ее. Она молчала. Мгновение было упущено.

Он тряхнул головой.

— В общем, не жилет, а целая кладовка. Все под рукой, сигареты, закусок, а сюда... обмыть, как говорится, чтобы долго носить, — от неуловимого движения его пальцев в боковой внутренний карман словно бы в самом деле скользнула бутылка.

Он завернул покупку в бумагу, вложил в пакет и протянул ей, нежно коснувшись запястья.

— Зря расстаемся!

— Может быть, — грустно сказала она. — Всего доброго.

— Будь здорова, голубка, — нежно попрощался он.

В субботу с цветами и с ярким пакетом в руке она позвонила в знакомую дверь. Открыл Павел, плотный, уютный. Они обнялись. Ирина развернула свой дар. Из внутреннего кармана торчала бутылка «Смирновской», во внешнем блестели пачка сигарет, где-то тарахтели охотничьи спички.

— Ух, ты! — усмехнулся Павел. — Карман на кармане. Я в них не запутаюсь?

— Семнадцать штук с рюкзачком для одеяла.

— Не слабо.

Он подергал клапаны с липучками, расстегнул и застегнул молнии, надел и повернулся в обнове.

— Все под рукой, все по уму, — сказал словами продавца.

— Не тесноват?

— На свитер самый раз, — опять слово в слово ответил он.

Они вновь обнялись.

— Пашенька, — зашептала Ирина, — сорок лет — это не страшно?

— Какие сорок? Это Иван Ивановичу на десятом этаже сорок, а мне двадцать пять.

— Все шутишь.

— Ну, сорок и сорок, — небрежно ответил он. — Что делать? не я первый, не я последний. Вперед и с песней!

— А я дрожу как лист.

— Стыдись, Иришка.

— Ой, Пашенька!

— Не трусь, артистка.

— Не тру-усть... Значит, не просто?

Павел посмотрел на нее ласково и серьезно.

— Ах, ты, пичуга малая, — тихо проговорил он, лучший друг ее погибшего мужа. — Смелей, Иришка. Потерявший мужество теряет все.

— А не потерявший?

— Черпает силы в каждом дне.

Гостей пока не было. В гостиной уже белел скатертью длинный стол, уставленный соусниками, солонками, перечницами и стопками тарелок. Праздник ожидался немалый, хватило бы стульев и табуреток.

Настя окликнула ее.

— Пришла? У нас с тобой три часа на все про все.

— Успеем.

— Бери халат, передник, здесь все свои.

Они принялись перебирать рис, мелко резать баранину, морковку для настоящего среднеазиатского плова, такого, каким угощались когда-то в Нуреке. Одновременно подходило пышное сдобное тесто, начинки, приправы.

— Мои пироги весь дом знает. Как начну печь, дух на все этажи.

— Студень порезать?

— Хрен не забудь.

— Сделано. Ух, и злой! Аж до слез.

— Зелень не забудь.

— Настя, Настя, как тебе идет быть хозяйкой!

— А я везде хозяйка. Надо лишь поставить себя, — она понизила голос. — Думаешь, Пашка не хотел командовать? Ого! А я тихенько-тихенько, и снова королева. Пашенька! — крикнула она. — Не откажись, милый, протереть всю столовую посуду и рюмки с бокалами до блеска? А?

Павел вздохнул.

— Просто мечтал об этом. Скатерть я ту постелил, генерал?

— Именно ту самую. Умница моя.

Павел рассмеялся, подмигнул Ирине.

— Ишь какая, видишь?

Ирина взялась за дело. Застучала ножом, готовя салат, почистила селедку, прослезилась от лука. Две хозяйки управлялись на славу.

— Про Костю Земскова еще не рассказала тебе, — говорила, смеясь Анастасия. — Однажды возле студии он покупал яблоки на улице. Взял одно, другое, третье и стал подбрасывать одновременно все три. А продавец тоже умелец оказался, и давай перекидывать тоже по три яблока сразу. Так они и бросали друг другу, пока один гражданин из очереди осторожно не поинтересовался, мол, яблоки вообще-то продаются?

Собирались гости, становилось шумно. Ирина переделалась, на Анастасии тоже оказался другой наряд, в мелкий синенький цветочек, с открытым белым воротником.

Толстые альбомы времен гидростроительной молодости заняли всех. Их листали, покачивали головами, вздыхали. И выпивали по маленькой.

— Строили, строили... а для кого? Дяде в карман. Еще и недовольны.

— Хозяйки, несите закуски, мы уже начали!

— Начали так начали. Ириша, отнеси им селедочки и грибочков с луком. Холодец уже там. Пусть вспомнят молодость.

Наконец, все уселись. Были прочитаны стихотворные поздравления, разлито по рюмкам, и застолье началось. Плов внесли на блюде дымящейся горкой. Желтоватый рис, мясо, фрукты, горячий вкусный аромат поразили всех.

— Настя, дай рецепт!

— Ешьте, угощайтесь, пока горячий. Всем напишу с примечаниями, — раздавала тарелки хозяйка.

— Помнишь, Павел, прежние деньки? Целыми баранами угощались!

Праздник пошел.

Соседом Ирины слева оказался молодой человек лет двадцати пяти. Загорелое лицо, капризные губы. Ее представили как подругу хозяйки дома, известную артистку кино. Кто-то и в самом деле вспомнил ее лицо, но тут вниманием овладел плов, избавив Ирину от вопросов.

— А меня зовут просто Виталий, — простодушно улыбнулся сосед, наливая вино в ее бокал. — И я никому не известен,

я робок и стеснителен. Удостоите меня капелькой внимания. Чесно-слово. Вам, знаменитой, это же ничего не стоит?

Она рассмеялась. Вино уже туманило ее голову, делая все чудесным и доступным.

— Будем знакомы.

Он вновь наполнил ее рюмку.

— Вы очаровательны! Вы не видите себя со стороны! Ах, что за духи у вас! Я покорен.

— Так скоро! — она засмеялась. Как с ним легко! — А впереди еще много всего, — показала взглядом на разноцветные бутылки.

— Вы спасли меня от одиночества на пиру. Чесно-слово.

— О, как сказано!!

И все подливал ей, подливал, наполнял тарелочку то рыбкой, то салатом, и вновь подливал, подливал. И все проще и ближе становилось им сидеть друг возле друга.

— За вас, — поднял он бокал. — За ваши глаза, за то, что блистает в глубине их. За то, что они обещают.

«Плосковато, — отметила она бессознательно. — И как-то... не по-мужски», — но они уже опустошали бокалы сначала за нее, потом за него.

От его лица, от всего существа веяло молодостью. Блеск глаз, стройность и свежесть шеи, прихотливость губ... И она не замечала ни вкрадчивости его движений, ни пошловатости, ни выражения странной беспомощности, заметной, когда он умолкал. Он так молод! Ах! Легкость входила в нее. Как дивно, как прекрасно! Как же она жила? В душе она все та же. Как она любит радость, как готова к ней!

Гости вспомнили про актрису, она оказалась в центре внимания. Пришлось отвечать на вопросы, но тут появилось новое блюдо и все отвлеклись, а она ощутила свою руку в горячих ладонях соседа.

— Зовите меня просто Вит, — он провел пальцем от ее локтя до кисти. — Вы необыкновенная женщина. Подобной вам я не встречал.

— Ой, — она поморщилась.

Он не заметил. Он бросал внимательные взгляды на сидевших за столом женщин, потом вновь вернулся к Ирине.

— Я видел все ваши фильмы. Вы ослепительны, вы — звезда! Вы...

— Ириша! — поманила ее хозяйка.

Пора было подавать сладкое.

Смеясь, Ирина оперлась о его плечо и поднялась из-за стола. Плечо, его плечо!

На кухне царил порядок, словно невидимые руки собрали и вымыли использованную посуду, таган, даже вынесли мусорное ведро. Вот что значит жить с мужем душа в душу! А ведь хозяйка почти не покидала гостей.

— Очаровала молодца, — поздравила ее Анастасия. — Та якого гарного! Побудь, побудь с мужчиной, размыкай свое вдовство. Ты слишком серьезна, надо отпускать себя.

— Ни-ни-ни, Настенька, — замотала головой Ирина. — Эти мужчины... знаешь, они вдруг стали моложе меня.

— Расслабься, и помолодеешь. А какой парень! Кто он? Кто-то же привел его. Наверное, друзья сына.

— Вы незнакомы? Как романтично! В вашем доме объявился прекрасный незнакомец.

Из столовой доносился шум удавшегося банкета. Закипали чайники, заварка уже поспела. Хозяйка резала на кусочки слоеный торт с яблочным желе, Ирина десертной лопаточкой укладывала их на плоский дубовый круг, схваченный серебряным чеканным ободом с двумя витыми ручками. Потом пришла очередь пахлавы, пирога с лимоном. Капустный был давно уже на столе и сейчас под водочку гости доедали его крошки.

— Ах, Настенька, — прослезилась Ирина, — помнишь, как все меня баловали!

— Помню, голубка моя.

— И песню в мою честь сложили. Один сокурсник. Тра-ля-ля, тра-ля-ля...

Она украсила вазу с мороженым мелкими ягодами, полила ликером, и поставила на поднос вместе с розетками.

— Ну, неси, покрасуйся перед всеми.

— Ах, Настя! О чем ты говоришь...

— Не паникуй, Иришка, все еще будет... Неси, неси.

Ирина расставила розетки, опустила на середину стола вазу с мороженым.

В столовой раздались аплодисменты.

Она вернулась на кухню, и Насте вновь пришлось выслушивать ее воспоминания. Беда с подвыпившими подругами! Только бы не расплакалась окончательно.

— Однажды Сережа приехал на съемки, — говорила Ирина, — и вошел с гитарой. А его не было недели три. А я... вот любовь-то! я — ах! и сползла по стенке. Любовный обморок, подумать только!

На кухню осторожно заглянул Виталий. Не увидев соперников, он ободрился, сделал обиженное лицо.

— Это нечестно, — протянул капризно. — Все меня бросили, а мне скучно. С кем я танцевать должен?

И увлек Ирину в коридор.

Музыка звучала по всей квартире. Балконная дверь была открыта, над горбатыми крышами светилось ранне-вечернее небо. Можно было пойти погулять внизу по маленькому скверику и вновь вернуться к столу, к пирогам и чаю. Шумной гурьбой гости спустились по лестнице, захватив с собой ракетки и воланчик.

Виталий увлек Ирину в укромный уголок. О, волшебство! О, молодость! Где же она была, как жила? На глазах блеснули слезы. Виталий осмелел. Крепко прижал к себе, поцеловал глубоким мужским поцелуем, от которого она ослабела вконец.

— Когда тебе позвонить? Завтра. Жди меня. О, что это будет!

Ночь в поезде набегают быстро. Сначала просто смотрят в окно, замечая, как уходят окраины города и мелькают северные короткие пригороды с деревянными домами и серыми стенками из поленьев возле них. Вот начались луга, высокие сосны, поляны, полуосвещенные заходящим солнцем, длинные тени на невысоких холмах. Леса обильные, темные сплошняком идут вдоль полотна, насыщая нетерпеливый, после морских просторов, голод глаз.

Попутчики уже рассказали Климу, что они, Смирновы, дружная, многодетная семья, что старшая дочь давно замужем, у нее свои дети, младшенькая — вот она, с родителями, а сыновья служат в армии, но, слава Богу, не в горячих точках, причем

старший сын всего неделю как демобилизовался и собрался жениться в Брянске.

— В Брянске? — вежливо удивился Клим.

Супруги поведали ему историю романтической любви солдата и местной девушки, полностью одобряя его выбор.

— Раз невесту там нашел, в Брянске-то, да решил у нее остаться, значит, на свадьбу туда и едем. Другой сын еще служит, у него еще все впереди, — тревога промелькнула на лице матери. Женщина прижала к себе пригревшуюся дочку. — Вот младшенькая, утешение наше.

Всем своим поведением показывала она, как крепко стоит в жизни, как однозначно и непоколебимо устроен для нее мир, и как она горда и счастлива.

— Одно слово, Смирновы, — удовлетворенно закончила она. — На каждом шагу друг другу нужны. И дети воспитаны так же. А вы в командировку? — без перехода спросила она, рассчитывая на ответную откровенность.

Клим улыбнулся. Нерушимая твердыня этого семейства была ясна с первого взгляда. С высоты их воинствующего превосходства вполне ожидаемы были и настороженность, и враждебность к его шатким устоям, даже прямое нападение, поэтому ответил кратко, чтобы не дразнить.

— У меня несколько иные обстоятельства.

— Что ж супруга не проводила?

Он не успел ответить. В проеме купе нарисовался босс, он принес Климу тарелку апельсинов.

— Угощайся, капитан.

— Спасибо, Магомед.

Клим предложил всем. Муж соседки с опаской покачал головой.

— Ну и громила.

— Угощайтесь, пожалуйста, — Клим посмотрел на девочку и протянул ей самый крупный апельсин.

Но та боязливо вжалась в мать.

— Вы с ним знакомы? — любопытно спросил сосед.

— Да, — небрежно ответил Клим, — на моем корабле весь их товар прибыл. Не опасайтесь.

— На торговом флоте ходите? — с серьезностью осведомился сосед. — Кем, если не секрет?

— Старшим помощником капитана.

— О-о.

Ответ всех успокоил, Смирновы потянулись за апельсинами. В купе запахло субтропиками.

Климу хотелось забраться на верхнюю полку и думать о том, на что он, наконец-то, решился, и что предпринять в первую очередь, но дорожный обычай требовал беседы, и он выдерживал как мог все более и более прицельные вопросы соседки. И проиграл. Несмотря на его уклончивость в воображении многолетней матери нарисовался весьма невыгодный образ сидящего напротив человека, едущего без семьи, в полную неизвестность. Даже Шук, крепко обнявший отца у нее на глазах, не поколебал его. Женщина замолчала до самого утра.

Его оставили в покое.

Клим лег на спину, стал думать, пока не заснул. Во сне увидел освещенную сцену, синее сияние, родное и близкое.

Поднялся на самой заре. В рассветных сумерках, среди лесов и озер мчался длинный голубой состав. Сизые туманы лежали в долинах, просвеченные кое-где рыбацкими кострами, доносился запах дыма, речной воды, свежей примятой травы. Все это медленно поворачивалось, уходило вдаль, сменялось новыми реками, оврагами, полными утренних рос, зеленой густой листвы, по которым ходили туманы. Поезд мчался на юг.

Клим стоял в коридоре, смотрел в окно. Он что-то обдумал ночью, дорешил, неясное, но, судя по внутренней уверенности, необходимое, и стоял сейчас с ощущением правоты сделанных шагов.

Еще в вагонных купе мирно спали пассажиры, защищенные от утренних лучей оконными плотными занавесками, а мальчишки-кавказцы с бесшумной проворностью уже сновали по тихому коридору с тряпками и маленькими ведрами в руках. Они уже работали «с товаром», под наблюдением босса. Это ведь только со стороны может показаться, что купить-продать — это ничего не стоит. Как бы не так!

На Клим никто не обращал внимания, лишь изредка, когда на изгибах пути их прижимало к нему, они вежливо извинялись.

Подошел босс.

— Красивая природа, да? — заулыбался он.

— Да, — ответил Клим. — Ничего лучшего на земле нет.

— Есть и получше.

— Горы?

Кавказец поцокал языком.

— Горы, дорогой, горы.

Они посторонились, давая пройти его ребятам. В коридоре начинали греметь раздвижные двери купе, выпуская людей с полотенцами. Заря за окном разгорелась, выкатилось солнце, одновременно с ним возникли пышные белые громады облаков с алыми зоревыми, краями.

— В Москву едешь? — поинтересовался босс.

— Да.

— Москвич?

— Нет.

— Помощь нужна? — тихо спросил тот.

— Нет.

Внизу, под ними, под одним из многочисленных мостов, туманилось озеро, едва отражая солнце и бело-розовые облака. Опоры мелькали мимо окон, слышался усиленный грохот колес.

— Подумай, капитан, — сказал он со значительностью. — Для хороших людей ничего не жалко.

— Для своих людей, имеется в виду?

— Конечно.

— Благодарю.

Ребята закончили дела, и исчезли за дверями купе.

— Крепко ты их держишь, — одобрил Клим.

— А как же, дорогой! На твоём корабле тоже крепкая дисциплина, я знаю. Так ты подумай, подумай. Гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда сойдётся.

Клим усмехнулся.

— Может быть.

— Конечно, дорогой. Знакомый честный человек — это клад для нас, капитан.

Они перемолвились ещё парой слов, и тот отошел.

За окном зацветала темная липа. Её жёлтые шарики лопнули, цветочки раскрылись и разлили в воздухе медовый, ни с чем не сравнимый аромат, заполнивший все комнаты. Утро пришло свежее, летнее. Как много обещал день! Ирина потянулась и откинула одеяло.

— Как все получилось? — она прижала к груди руки. — Волшебная сказка! Он придет. Сегодня.

Напевая, она прошла по квартире.

— Что он мне говорил? Милый мальчик! Пусть будет все. Все! — Она запела. — «Как он молод и свеж, как он любит меня!"

По комнате летали пушинки, опускались и вновь взлетали от сквозняка. Это только снежинки летят вниз и вниз, а тополилки взмывают вверх в дуновениях ветерка, который слишком плотен для них!

— Восемь лет без любви! О, Вит! Звони, звони. Неужели это возможно?

И вдруг спохватилась.

— Ах, растяпа! Жду в гости мужчину, а в доме одни фрукты. Мясо, острый соус, зелень, сыр. И бутылка хорошего вина.

Через Пятницкую у метро размещался маленький рынок. Ирина купила мяса, уже отбитого для жарки, взяла упругую свежую зелень, и душистую приправу. Скорее, все должно быть готово к его приходу.

В доме было тихо. Телефон молчал.

Ах, он, верно, уже звонил, пока она покупала продукты. Конечно, звонил. Сейчас она разгрузит сумку, приготовит мясо, красиво разложит и прикроет салфеткой

— Сегодня, сегодня... Я должна быть ослепительна! Я умею быть ослепительной!

Время шло. В квартире вкусно пахло жареным мясом. Ирина отутюжила шелковое платье, вышла на балкон, откуда виден был переулок, прислонилась к дверному косяку.

Телефон молчал.

День разгорелся, перешел через середину и стал вызревать.

Часа в два на душу набежала тень. Почему он не звонит, почему не спешит побаловать вниманием, где же его чуткость, право? На шее, близ железок, ощутилось слабое подергивание. Как у мамы. Она уселась в кресло... и улыбнулась.

— Он придет вечером! Вот что значит долго не встречаться с мужчинами. Я просто отстала от жизни. Раньше... Сережа... он звонил спозаранку, спешил услышать мой голос. Но когда это было!

Телефон молчал.

Ближе к вечеру ощутился легкий укол. Он пронзил душу, и воображение готовно и ревниво подсказало свою картинку.

— У него другая! Они любят друга, они ровесники, она моложе его...

С горлом творилось нечто неладное. Пришлось обвязать шею теплым шарфом и придерживать рукой. Как мама. Конечно, раздайся сейчас телефонный звонок, он излечил бы ее мигом. Но в квартире стояла тишина, только сигналили время от времени потревоженные автомобили в переулке.

Ирина прошла на кухню. Готовое к трапезе, угощение на-смешливо ожидало на столе. Лишь ваза была без цветов, наполненная отстоянной водою.

— Да что за страдание! Можно ли так поступать!

Боль охватила виски. Никогда с нею не случалось такого, она всегда была здорова, всегда готова к работе, к дальним поездкам хоть в Серпухов, хоть куда. В девять раздался звонок. Помертвев, Ирина схватила трубку.

— Я слушаю!

Звонила Киска.

— Алло, мамуля? Ты здорова?

— Конечно. Как ты поживаешь?

Но чуткая Киска уже уловила что-то.

— Мамуля, ты правда здорова?

— Да, да. А что?

— Голос какой-то...

— Тебе показалось, доченька. Или, может быть, после вчерашнего банкета у Насти. Павлу, знаешь ли, исполнилось сорок лет, и вот был этот юбилей. До поздней ночи.

— Вот теперь понятно. Головка болит? А я было испугалась. Тогда приезжай завтра и привези ананас.

— Ананас?

— Я проспорила Ленке, а у нее день рождения. Понимаешь?

— Прекрасно понимаю, выберу самый спелый. Еще чего-нибудь хочется? Не ей, а тебе?

— Жевачку кругленькую, синюю.

— Привезу. Целую тебя.

— До завтра.

Ирина положила трубку и опустилась возле нее на пол.

Разговор с дочерью подбодрил ее, боль почти прошла, она решила махнуть на все рукой и первая посмеяться над собою, но через полчаса все вернулось.

— Он меня бросил! — вошла в грудь новая игла. — Я старуха для него. Ста-ру-ха. Все. Неужели?

Приложив к лицу руки, она принялась ходить из угла в угол, все глубже погружаясь в боль.

А в это время в кафе на Новом Арбате сидела компания молодежи, обычные девушки и юноши. В выходные дни за умеренную сумму такие ребята проводят вечерок в сверкании огней, под звуки ритмичной музыки, с бутылочкой сока или единственной бутылкой вина, сладостями, мороженым. Отношения между ними просты и доверительны, потому что все трудятся и никто ни от кого не зависит.

Был здесь и Виталий. И он был старше всех.

За последние три-четыре года он как-то отстал от своих ровесников. Школьные друзья стали серьезными людьми, и лишь он, словно мальчик, все ждал, что кто-то позаботится о нем, уладит его дела, рассчитывая на женщин. Иногда это удавалось. Но за этим столом некому было опекать его. Он злился.

Все пили напитки из больших пестрых бокалов, бросая в них округлые кусочки льда. Шутили, танцевали. Виталий, по странной упрямости, раз за разом приглашал молоденькую девушку из-за соседнего стола, словно не замечая соседок, сидящих с ним рядом. Девушки переглядывались и пожимали плечами.

— Кто знает, как получить прозрачные ледышки? — поинтересовалась одна из них, рассматривая на свет кусочек льда,

слегка обтаявший за вечер. — В моем холодильнике без пузырьков не обойдешься.

Ребята задумались.

— Может, под струей?

— Я знаю, — поспешил Виталий. — Их замораживают под током.

— И под лаптем тоже, а, Вит? — съязвил плечистый парень. — Классно.

— Ну, ты... — Виталий свирепо посмотрел на обидчика, вскочил из-за стола и убежал.

Ребята засмеялись.

— Он у нас мнительный.

— А мнительные пусть дома сидят. Навязался в компанию, так помалкивай. Надоело его вранье. Дешевка, — поморщился тот, накаченный парень с золотым перстнем на большом пальце.

Глупая выходка подпортила настроение всем.

— Убежал, спрятался. Как ребенок...

— Вернется, никуда не денется. Впервой что-ли, — пренебрежительно откликнулся кто-то.

И Виталий вернулся. Сел, надутый, ни на кого не глядя.

Время шло к закрытию. Все стали сбрасываться по счету. И лишь Виталию нечего положить. Затравленно озираясь, он тихо обратился к своему обидчику.

— Займи мне и сегодня тоже, а? Я верну, честно-слово. Сразу за все.

— Когда? — жестко спросил тот.

Все опустили глаза. Виталий заметался.

— Скоро, — залепетал он. — Как только ...

— Когда?

И вдруг молния словно озарила Виталия.

— А-а... через час. Я кретин! — он схватился за голову. — Я совсем забыл! — он расцвел на глазах и уверенно потребовал внимания. — У меня есть любовница, актриса, старше меня. Честно-слово! Красивая, известная. Вы ее знаете, ее все в лицо знают. Она сама на меня вешается, а я что, отказываться должен? Честно-слово! Эти старушки напоследок такое выделывают! Сейчас я ей позвоню, она сразу привезет.

Все молчали.

— Чесно-слово! — уверял он. — Только позвоню.

За него уплатили по счету, но поворот событий заинтересовал всех. Уже на улице, направляясь к Манежной площади, они вновь вернулись к нему.

— Звони, — обидчик протянул мобильный телефон.

Виталий принялся торопливо рыться в карманах в поисках номера телефона. Посыпались истертые бумажки, квитанции. Нашел.

— Сейчас. Чесно-слово! Так.

...Обязанная шалью, Ирина горестно смотрела на экран. Что-то мелькало перед глазами, в голове звенело, болело горло. Нет, она уже не ждала. Ей было страшно: вот так же, держась за горло, после нервного потрясения ушла ее мать.

Вдруг зазвонил телефон. Она вздрогнула.

— Привет! — весело сказал молодой мужской голос.

— Здравствуй, — Ирина испугалась.

— Ты ждала меня? — уверенность Виталия возросла.

— Д-да.

— Тогда приезжай.

— Как?

— Молча, как.

— Прямо сейчас?

— А тебе не все равно?

Она молчала. Он понял, что оплошал.

— Приезжай скорее. Я соскучился.

— Куда? — спросила Ирина.

— Аа... к Охотному ряду, к памятнику Жукову.

Это было близко. От Новокузнецкой до Театральной.

— Н-ну, хорошо, — согласилась она.

— Захвати faïve, — сказал он.

— Что?

— Пять.

— Пять чего?

— Баксов, конечно. Или десять. Десять.

— Долларов?

— Да. Жду.

В трубке раздались гудки.

Ирине стало зябко в теплую летнюю ночь.

— Деньги...

Но это же Вит! Он ждет ее!

В светлом платье с мелкими блестками она выбежала из дома. Ничего, ничего, пусть бьется у горла этот странный пульс, все пройдет, едва она прильнет к груди Вита. Любовь излечит. Голова работала ясно, слишком ясно. Можно, можно ехать на свидание к молодому мужчине, но где взять молодые иллюзии? Летучие восторги юных лет? Ах, в молодой любви по-прежнему — одна сумятица. Зато есть и страсть, зрелая страсть.

Она увидела Виталия издали.

— Вит!

Он поднял руку, но не сделал навстречу ни шага. Пусть видит его компания, как его любит, известная (все узнали?) актриса.

Его компания наблюдала чуть поодаль. Вот бежит к Виталию эта красотка, вот он раскрыл объятия.

— Давай.

Она протянула деньги.

— Спасибо, — небрежно бросил он, — ты меня очень выручила. Я тебе отдам. Чесно-слово, отдам. А теперь мне надо идти, меня ждут, — он оглянулся на своих. — Я тебе позвоню.

Ирина ахнула, схватилась за горло. Чувствуя себя обнаженной под взглядами его друзей, она повернулась и побежала назад, к метро.

Дома ей стало хуже. Постановывая, она бродила по квартире, бродила, пошатываясь, наконец, в халате спустилась в переулок. Ночная темнота редела, но окна в домах еще были темны. У тротуаров стояли дорогие иномарки, летел с тополей пуховый снегопад.

Куда-то ей надо было ехать? Ах, да, в лагерь, с ананасом.

... Длинные тени островерхого здания перекрывали половину привокзальной площади. Несмотря на ранний час, мелкие торговцы уже раскидывали столики, натягивали палатки. Электрички сменяли одна другую, толпы прибывавших в Москву пассажиров устремлялись к подземному переходу, к станциям метро, и быстро исчезали, чтобы смениться новыми и новыми волнами. Ирина неуверенно пересекла площадь, неловко задела столик продавца с красивой горкой фруктов, охнула от грубого ок-

рика, купила в другом месте ананас и нашла себе место в вагоне поезда.

— Свежие газеты, последние новости, — прошел по вагону газетчик.

— Шоколад, открытки, жевательная резинка.

— Мороженое, мороженое...

— Календари, карты, прищепки, носки...

Они шли чередой, эти продавцы, зарабатывая свой хлеб.

Ирина сидела сжавшись, словно от холода. Закрыв глаза, она ехала станцию за станцией, не ведая, что ее надломленные брови видны всем пассажирам.

— Дочка, — осторожно окликнула ее старушка, сидевшая напротив вместе со старичком. — Не убивайся, доченька!

Ирина открыла глаза.

» О, старость, старость, убогая, седая», — нервический озноб завьюжил по душе.

Поезд мчался дальше. Как любила она его стремительный бег по зеленому Подмоскovie, как смотрела всегда на дальние взгорья и холмы, желтые дороги к деревням! Но не сейчас.

— Дочка! — не унималась соседка. — Что стряслось-то? Поделись, поможем чем-либо?

Ирина, не открывая глаз, молча помотала головой.

— Не приставай к человеку, — тихо одернул ее старик. — Мало ли.

— Жалко. Мы уходим, доченька, не пропусти станцию, — предупредила ее бабуля.

Поезд подходил уже к Святым ручьям, когда еще один сердобольный человек, военный, скорее всего, врач, попытался помочь красиво одетой женщине.

— Мадам, — сказал он, наклоняясь к ней, — не нужна ли вам помощь? Позвольте вызвать машину и проводить вас? Вам нельзя оставаться одной.

Ирина вздрогнула.

— Оставьте меня! — вскрикнула жалобно, — вы все старые, некрасивые, на вас страшно смотреть!

Мужчина отпрянул.

— Больная, — проговорил кто-то.

— Несчастливая.

Ирина поднялась, держась за горло, выбежала в тамбур и оказалась на платформе как раз на своей остановке.

Отшумев, электричка, умаяясь, плавно прошла по насыпи и втянулась в арочные перекрытия моста через реку. Стало тихо. Дальние леса темными волнами очерчивали горизонт, спускаясь в широкую долину, по которой медленно скользили тени облаков. Слева за деревьями по-прежнему высилась старая колокольня.

Но именно здесь, среди всей благодати, Ирине стало совсем худо. Словно бы там, в вагоне, люди всем миром удерживали, охраняли ее, подбитую, но живую. Теперь она была беззащитна. Нетвердо ступая, она побрела зачем-то вверх по насыпи, и опустилась на рельсы как раз напротив колокольни. Вороны, сидевшие на ее наверхие, беспокойно переступили на месте, даже взлетели от волнения.

На стальных рельсах лежал шелковистый отблеск солнца, под ними лежали шпалы, пропитанные ржавой смазкой, качались под ветром желтые цветочки сурепки, а в висках, застилая все, разгоралась темная боль, и билась, билась в горле.

Ох, и не понравился матери семейства молчаливый сосед! Смирнова словно клещами вытянула из него несколько главных слов, из которых составила довольно точную картину. Да как он смел бросить семью, зачем колесит по стране, не заботясь о жене и детях?! Наутро она пошла в наступление на того, в ком почуяла угрозу устоям всей своей жизни.

— И где жить будете, тоже неизвестно? И детей не жалко? — не отступалась она.

«Все верно, так и будут убивать, — вздохнул Клим, — ее правота — святые заботы всех матерей, без которых не вырасти ни одному человеку. Вот только выросши, человек ищет самого себя на этой земле».

— Детей я обеспечил, — спокойно ответил он.

— Обеспечил! Парню отец нужен. Вон времена какие, глаз да глаз, пока до армии, а не то свяжется с бандюгами. Мало у нас наркоманов? Мало беспризорников? А почему? Потому что некоторые ...

— Люся! — придержал ее муж.

Она затихла, но не надолго.

— То же и за дочерью надо, — она обняла дочку и поцеловала ее.

Клим молчал. Ему захотелось вновь залечь на верхнюю полку, думать, переживать удивительный сон, но постели были скатаны, белье сдано, поезд мчался по Подмосковию, мимо платформ дальних пригородных поездов. За окном разворачивались холмистые равнины, поля, дачные поселки. Скоро, скоро и та Москва, и та неизвестность станут превращаться в действительность. Вот о чем хотелось думать.

Соседка уже не скрывала своего гневно-разоблачительного торжества.

— Чудно! — она скрестила на груди руки. — Жена-то ваша, поди, весь век только и ждала мужа с моря, только и ждала, смотрела вдаль.

— Как водится.

Клим смотрел на нее отдалено, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя.

— И дождалась награды, бедная женщина! Ух, моя бы воля...

— Люся! — прикрикнул муж.

Она замолчала.

Клим спокойно опустил руку ребром ладони на стол.

— Все верно, но тут иной случай. И достаточно. Всем ясно?

Смирнова с дочерью возмущенно проследовали в коридор.

Клим сосредоточился. Что-то, что-то... Но тут оживился сам хозяин, скромный, с пролысиной, человек, похожий на бухгалтера.

— А вообще-то, как говорится, не боязно тебе? — проговорил он. — Одному-то не страшно? Ведь один, один!

Клим понял его, но отмахнулся. Не до того.

— Посмотрю.

— Под этим делом не начудишь чего? — еще определеннее сказал сосед и щелкнул себя по горлу.

— Не волнуйся.

Клим кивком дал понять, что понял его. Нечто уже приковало его внимание. Знак. Нечто стало обретать силу уверенности.

Сосед же разговорился.

— Я тебе честно скажу, когда супруги дома нет, я, как говорится, сам не свой. Однажды сбежал от нее в дом отдыха, давно еще, по молодости. И не смог. Боюсь одиночества, не ручаюсь за себя. Недавно остался один на даче, красота вроде, работы много, а...

Но Клим не слушал его. Знакомое пересыпание стальных опилок насторожило его, он привстал, осматриваясь по сторонам.

— Что происходит?

— Где? — сосед тоже оглянулся.

— Здесь, сейчас. Что? С кем? Успеть, скорее, скорее, — поезд грохотал по мосту, внизу голубела широкая вода, вдали показалась старая колокольня. Клим заметался. — Поезд! Остановите поезд! Где стоп-кран? Где связь с машинистом?

Распахнув дверь купе, он рванулся по коридору. Люди в растерянности расступились перед его напором.

— Остановите поезд! Срочно! Остановите поезд! — и помчался в конец коридора к стоп-крану,

Но тут соседка с истошным криком намертво схватилась за него.

— Держите его! Люди! Спасите! Я его знаю! Сюда, сюда!

Ей удалось замедлить его стремление, на крик сбежались со всех купе, навалились, подмяли и чуть не раздавили упавшего под телами Клим. Колеса грохотали по мосту, мелькали арочные опоры, мальчишка-кавказец в общей суматохе вскочил было поверх всех, и только босс невозмутимо смотрел от своей двери.

— Помогите, — хрипел Клим из-под груды тел, — хоть кто-нибудь помогите же!

Этот зов ушел в пространство, в высокое небо. Там возникли два блика, два узких света и заскользили вниз, туда, где сидела, не помня себя, Ирина. Ветер трепал ее волосы, платье, разносил аромат ананаса из сумки.

— ... Хочешь уйти? — внушал один из лучей, и вся ее боль стихла, стало легко и покойно. — Хочешь? Мгновенно, взлететь и лететь, легко, свободно... Хочешь? — звук шел изнутри нее, и свежая прохлада уже оведала щеки.

Она слушала его как освобождение и готова была следовать ему, когда возникло что-то иное, как бы из глубин ее существа.

— «Жить, жить, жить», — слышалось ей.

А поезд уже набегал с моста, и машинист жал на все гудки, рев сотрясал окрестности. Бесполезно... Эта женщина на рельсах ничего не слышит!

«Жить, жить, жить», — и вдруг она увидела свою дочь, Киску, повзрослевшую, с ребенком на руках, на фоне незнакомой стены с двумя яркими тарелочками.

— Жить! — вскрикнула Ирина.

Сознание вспыхнуло. Под налетающим свистом и воем, вскинув руки, она покатила вниз с насыпи в бурьян. Машинист высунул голову, свирепо крича ей что-то, с облегчением глядя на кувыркания тетки вниз по склону.

Еще не скрылись последние огни состава, как в бурьяне под косогором началась очистительная истерика Ирины. Она рыдала так отчаянно, что даже вороны не выдерживали, взлетали и вновь опускались на край колокольни. Наконец, она села. Поезд давно скрылся, и только зрачок семафора краснел издали. Потирая ушибленную ногу, она поднялась. Постояла, глубоко дыша, с удивлением осматриваясь вокруг новыми глазами.

— Мама! Я справилась, мама! Я жива!

Летний день вершился в тишине и светости. Возле нее на белое бревно села бабочка, медленно раскрывая и закрывая шоколадные крылья с голубым кружком. Глубокое спокойствие омывало сердце.

Пассажиры настороженно следили за Климом.

— Может, милицию позвать? Не похож на пьяного-то. В тельняшке. Эй, моряк, не шути так. А почему поезд ревел, как на пожаре?

Двери купе загремели, люди ушли готовиться к окончанию путешествия, которое чуть не омрачилось странным происшествием. Видя, что Клим больше не рвется, расступились и остальные, самые осторожные. Тяжело дыша, он полусидел поперек коридора. Ворот рубашки его был надорван, на щеке багровела сса-

дина. Соседка, гордая тем, что спасла весь вагон, возвышалась над ним насмешливой горой.

— Ты буйный. Тебя жена выгнала. Бродяга. Ишь, учудил!

Но в голосе ее не было прежней твердости, и вообще весь ее пыл как-то угас. Потому что лицо его было светло и спокойно. Глаза смотрели перед собой, и в них было нечто такое, что мальчишка-южанин, заглянув в них, изумленно оглянулся на босса.

— Э-э... кто это, э?!

И тяжелый налитый босс, весь в черной шерсти, легко откачнулся от косяка своего купе, сделал два пружинящих шага, протянул руку Климу, легко поднял и даже отряхнул пару раз от пыли.

— Вставай, дорогой. Отдохни.

Клим поразился, как изменилась Москва с тех пор, как он был в ней лет девять назад. Теперь она мало отличалась от европейских городов, лишь уличной рекламы казалось не в пример больше. Управление Северного речного порта находилось на Химкинском водохранилище. Над пятиэтажным зданием, разделенным на две половины полувинтовыми лестницами, развевался флаг речного флота, а внизу лежали два настоящих морских якоря. Речники берегут свою славу, но втайне склоняются перед морским флотом. Созвонившись с вахты, он поднялся на третий этаж. Седой дородный человек в черной форме с золотыми начищенными пуговицами и якорями, пролистал его документы и откинулся в тяжело скрипнувшем кожаном кресле.

— Старпом дальнего плавания, морской волк, и к нам простым крановщиком? Что за финт? С такой характеристикой мы сразу предложим ...

— Не надо, — отклонил Клим. — Я хочу окончить курсы крановщиков и через две недели сесть на портовый кран.

— Тогда уж и на грейдер тоже.

— Можно.

Кадровик снял очки и всмотрелся пристальнее. Перед ним сидел решительного вида человек, повидавший, судя по лицу, много чего за семнадцать лет плавания, с ясным прямым взглядом, твердым подбородком и свежей ссадиной на щеке. Сидел он

прямо, без напряжения, словно бы знал, что все его предложения будут приняты. Вот они какие там, в море! Давненько не видал старик таких молодцов!

— Хорошо, Ковалев, — отдуваясь в седые усы, сказал он. — Будешь, кем наметил. Ведь оно не зря делается, правда? И ты человек не прост, а себе на уме.

Клим кивнул.

— Ну-ну, — кадровик повернул к себе настольный вентилятор. — Люди на разгрузку требуются всегда, а в середине навигации особенно. Как у тебя с жильем?

— Никак. Я всего два часа как с поезда.

— Родные в Москве имеются?

— Никак нет.

Речник помолчал, отдуваясь, потом поднял на Клима светло-голубые глаза.

— Значит так. Вижу, ты птица стреляная и просто так ничего не делаешь. Вижу также, что намерения у тебя твердые и ты не сбежишь от нас обратно. Что-то повернулось в твоей жизни.

Клим улыбнулся. Вот кто стреляный воробей-то, настоящий речной волк, вот кто видит человека насквозь.

— Не бойся, я не гадалка, — запыхтел тот. — Слушай внимательно. В нашем ведомственном доме, вон, через шоссе, десятиэтажном, белого кирпича, есть две квартирki. Одну, из двух комнат, мы дадим тебе, да и пропишем поскорее, пока не сняли с баланса. Ясно? Вот тебе направление на курсы и распоряжение в наше домоуправление. Все.

— Благодарю, — серьезно ответил Клим.

— Устраивайся, — кадровик грузно приподнялся и пожал ему руку. — Рад был познакомиться.

Прошло две недели. Они были заполнены учебой на курсах, среди молодых ребят, которые сходу обозвали Клима дядя, но быстро прониклись уважением и стали называть по имени. Уважение не завоевывается, оно возникает как ответная волна. Клим уселся в жесткое кресло портового крана и принялся разгружать ящики с ранними помидорами, фруктами, арбузами, которые доставляются водным путем из астраханских и волгоградских областей, или парился в кабинке грейдера, что двумя челюстями подхватывает гравий и песок с длинных барж и выносит далеко

на береговую насыпь. Это был строительный материал для московских комбинатов, за ним выстраивался длинный хвост грузовых машин. Он обедал в столовой, «не употреблял», был ровен, не говорлив, и никому не приходило в голову исповедоваться ему или лезть в душу с расспросами. В квартире обживаться было проще. После ремонта она засверкала чистотой, как каюта, появились занавески, мебель, кухонная утварь. Клим обставился с расчетом на приезд сына. На стену наклеил картину-обои с изображением стройного парусника, идущего по волне, постелил на пол широкий, во всю свою комнату, кусок светло-зеленого, с листочками, ковролина, чтобы делать силовую гимнастику, в комнату сына купил ковер.

И стал жить в ожидании знаков, которые направит ему судьба.

Но все было тихо, за исключением местного переполоха, который произвело его появление.

В его холл выходили двери еще двух квартир. Одна из них была глухо закрыта, и смутные слухи о художнике-пьянице, находящемся на излечении, окружали ее тайной. Зато в третьей квартире... О, в третьей квартире проживало белокурое румяное существо, приятное во всех отношениях. Даже через общую капитальную стенку проникало обаяние Любочки, томление молодого тела, вздыхающего на кружевных пуховиках и подушках! Жила она одна, уверяя, что была когда-то замужем, работала в портовом жилуправлении, с домовыми книгами, где было написано кто и с кем проживает в этом большом портовом доме.

Двор уже знал, что Клим старпом дальнего плавания, что поселился и прописался один, и почему-то оставил семью. Не пил, со всеми здоровался. Следовательно....

— Люба, не теряйся, Люба, берись, — наперебой советовали со скамеек. — Он уже купил письменный стол и пылесос. Денежный непьющий мужик.

Люба вздыхала. Она была прекрасная хозяйка, готовая к семейной жизни всеми клеточками своего существа, но как, как это сделать?

— Хорошая девка, да невезучая, — судачили на скамейках, — стоящего мужика никак не отыщет.

— Пьют все нынче, поэтому. Был Гришка, да тоже пил по-черному, художник несчастный. А ведь могла быть пара. Эй, Любочка! Поди, дорогая, постой возле нас. Ну, что, все не решишься? Смотри, прозеваешь. Такого мужика уведут из-под носа.

— Да кто ж уведет-то? Такой упорный, даже не смотрит.

— Найдется какая-никакая, вокруг пальца обведет, будешь локотки кусать. Берись, Люба. Сам спасибо скажет.

— Вы так думаете?

И Люба начала охоту по все правилам, надеясь на счастливый случай да на свою удачу. Частенько в лифте он встречал ее, хорошенькую блондинку то с рыжим котом на руках, то она сама звонила в дверь, чтобы посмотреть с его балкона, где гуляет ее Рыжик. Для этого случая на ней струился блестящий халат, облегая роскошные формы; ее маленькие ножки прятались в бархатные домашние босоножки, оставляя розовые пятки. Но все впустую. И все же случай выпал. Как-то раз она пулей слетела с пятого этажа, увидев в окно Клима, несшего в руках свежую горбушу, свисавшую мокрым хвостом из оберточной бумаги.

Они столкнулись в дверях.

— Не подскажете, как поджарить это великолепие? — спросил он, смущенно улыбаясь.

У нее захолонуло сердце. Вот она, судьба. Смелей, Любаша!

— Нужна мука, соль, масло... — Любочка смотрела ему в глаза, минута решила все. — Знаете, легче сделать, чем рассказывать, — и ухватила рыбину из его рук.

Он молча усмехнулся.

Ах, как она старалась! В своей уютной кухне она поджарила рыбу, отдельно позолотила в масле лук, отдельно положила на тарелочки зелень и молодой картофель. Переделалась. Перевела дух.

Он пришел с бутылкой сухого вина. Они ужинали на безукоризненно-белой скатерти, пили из ее хрусталя в окружении ее ковров и цветов.

Всем хороша Любочка! Что за хозяйка! А что за квартира у нее! Балкон весь в цветах, точно райский сад. Право же, куда они смотрят, положительные непьющие мужчины? Они легли на крахмальные простыни. Он приласкал ее белое тело, такое податливое, отзывчивое.

... Она играла, как могла, в искушенную женщину. Пусть, ну пусть ему будет хорошо с нею! Уже полночь, напившись чаю, они вновь легли, пусть, ну пусть ему будет хорошо с ней!

Потом разговорились. И он вдруг сказал.

— Ты не обидишься на мои слова?

— Какие? — сердечко ее захолонуло.

— Ты никогда не была замужем, как уверяешь.

— Была, — пролепетала она.

— Нет, милая. Ты стараешься, не понимая. Ничего, это поправимо, — он усмехнулся.

— «Вот мне и сказали!»- горьким бабьем воем завывало ее сердце.

— Научишься. Наука нехитрая, — он хлопнул ее по теплой попке.

— Нет уж, — она вскочила и завернулась в блестящий халат, — не понравилась и не надо!

Дело началось обыденно и закончилось так же.

Уже не раз, возвращаясь домой, Клим видел соседа, сидевшего на коврик у дверей своей квартиры. Похоже было, что Гриша так и спал здесь, среди дверей других квартир, на красно-белых кафельных шашечках. Лечебное учреждение, где его подлечивали, закрылось из-за скудного финансирования, и Гриша вернулся в пустую квартиру.

— Не надоело? — наконец, остановился Клим.

— Не твое дело, — буркнул сосед.

Клим закурил, присел на корточки, протянул пачку, мол, угощайся. Тот взял.

— Не могу один жить, — доверчиво проговорил он, затаиваясь.

— Поживи у меня.

— Спасибо. Не стоит. Вот заходи, посмотришь. У меня все есть для работы, и заказы есть, да только я боюсь один.

Они вошли. Хорошая квартира напоминала о лучших временах, когда живы были мать и отец. Жилье получал отец, то ли он плывал на теплоходе, то ли служил в Управлении, но спился. Не удержался и сынок. У бедной матери не выдержало сердце, ее

похоронили соседи, пока сын был на лечении. Вернуться в такую квартиру... любой сбежит. Женщина, женщина нужна была ему, женщина, основа жизни. В квартире было много книг, светлое место у окна занимал стол, на нем лежал граверный камень, стояли баночки с красками, кисти. Везде была пыль и запустение.

— Давай-ка уберем твою каюту, вымоем, ототрем до глянца, оно повеселее будет. Берись за швабру, за тряпки и щетки. Потом примешь ванну, я тебе спинку потру до скрипа, а после баньки поедем жареного мяса. С вишневым соком, идет?

Они подружились. Прежних его дружков Клим отшил подальше, затем разобрался с его заказчиками, с теми, что норовили расплатиться стаканом водки, а не деньгами. Вместе они много ходили пешком, в парке между прудами.

— Смотри, Клим, утка нырнула. Сколько она пробудет под водой?

— Считаю по пульсу.

— Тридцать ударов. Почти полминуты.

Клим читал его книги, узнавал об искусстве, они посещали музеи, Клим слушал рассуждения о светотени, о том, как бредущие своими тропами созидатели находят или не находят свою звезду. Или рассказывал Клим. О море, о дальних странах, о женщинах с далеких островов, рассказывал интересно, сидя в кресле под плывущим парусником. Клим следил за тем, чтобы и капли спиртного не попадало Грише, но тот и сам чувствовал, что если дрогнет, схватится за стакан, то полетит вниз, вниз, уже без всяких надежд. Как много значит в жизни дружеское плечо!

А вскоре, как и обещал, приехал Шурка, Шук, красивый тренированный юноша. Он решил поступать в Академию питания. Клим так и присел, когда услышал этот выбор. Ну, в Физтех, в МАИ, в Университет, хотя все это непросто. Но Академия питания?

— Эй, парень, ты в своем уме? Что тебе делать в поварском колпаке? Разве мало достойных институтов в столице?

Шук снисходительно смотрел на отца.

— Ты, батя, бравый моряк, но не знаешь, что в скором будущем люди станут здоровее и долголетнее не за счет лекарств, а за счет питания, витаминов, пищевых добавок и прочего. Каждый будет знать свой организм, как пять пальцев, и то, что ему следу-

ет выбрать из тысяч видов продуктов — свежих, подобранных именно для него, и лишь слегка обработанных. Меня интересует биохимия и процессы внутри человека, энергетические обмены и возможности человеческого организма, как представителя космической земной цивилизации.

Клим пожал парню руку и пожелал успеха.

У Гриши пошла резьба гравюры, его где-то приветили, взяли на работу. Клим, конечно, съездил туда, увидел опасность все того же свойства и круто поговорил с ребятами. Это произвело впечатление.

— Не беспокойся, отец, — сказали ему. — Мы его побережем.

Трое мужчин жили сосредоточенно и словно приближались каждый к своему рубежу.

И во дворе дома шла своя жизнь. Играли дети, беседовали, покачивая коляски, молодые мамы, на скамеечках обсуждали новости старушки. И Люба-Любовь с сумкой в руке была во дворе, остановилась поболтать с подружкой. Из подъезда показался Гриша — стройный, артистичный, кудрявый и ясный. К нему уже привыкли, к такому, радовались за него и вновь поглядывали на Любу, вечную невесту этого дома.

— Привет старожилам, — подмигнул он бабулькам, и те разом загалдели.

— Гришенька, сокол ясный, какой хороший стал! Ровно в мать. Постой с нами!

— Некогда, уважаемые, — он коснулся сердца и продолжил путь.

— Здравствуй, Любовь! — мягко сказал ей, коснулся руки, и она не нашлась, как ответить. — «Помнишь ли дни золотые-любобные, прелесть объятий в ночи голубой?» — пропел он, подмигнул и помчался дальше, а Любаша вспыхнула и зарозовелась белым лицом.

С некоторых пор в почтовом ящике она находила то букетик ромашек, то васильки, то шоколадку.

А он был уже далеко, нес в папке готовые свежие гравюры тончайшего, почти прозрачного, письма, слегка оживленные акварелью. Минуя стайку разноцветных колясок, он развел руками и улыбнулся всем сразу.

— Эх, девчонки, как же хорошо на вас смотреть!

Они засмеялись.

— И не говори, Гриша! Мы сами себе завидуем!

— Счастья вам! Здоровьячка голопузикам!

— Тебе удачи, Гриша!

А он уже мчался к метро, легкий, кудрявый, слегка задумчивый, отрешенный, как настоящий художник.

Зато Шук сегодня был хмур и резок.

— Папа, скажи честно, справедливость есть?

— Что случилось, сын?

Клим забежал с работы и разогревал для обоих флотский борщ.

— Честно скажи — есть или нет?

— Есть.

— Есть?

— Есть.

Шук перевел дух. Брови его разошлись.

— Не виляешь, батя. Верю тебе. Ну, а смысл жизни есть?

— Нет.

— Нет?

— Жизнь шире любого смысла. Это сложный вопрос, Шук.

И похоже, что ответы на него в каждом возрасте иные.

— Ладно. Понял.

— Что случилось, сын?

Парень поднялся из-за письменного стола, на котором веером были разложены учебники.

— Да ничего не случилось.

— А все же?

Шук посмотрел на отца горестным взглядом.

— Говорят, на экзаменах нарочно сыпать будут, чтобы деньги выжать. Если так, то школьных учебников мне не хватит, надо знать на уровне хотя бы второго курса. Все, я пошел, мне в библиотеку нужно. Ваша старомодная справедливость давно пробуксовывает, как колеса на болоте.

— На болоте?

— Да, да. Вокруг такое творится, я не представлял, пока в Москву не приехал. Ты отстал от жизни на своих кораблях. Сейчас все вокруг покупается и продается. Все, все, все!

Шук кричал, руки его подрагивали. Клим спокойно опустился в кресло. Была суббота, но он работал. В порту не хватало рабочих рук, и шестидневная рабочая неделя стала нормой.

— Справедливость справедливости рознь, — сказал он, глядя на сына. — Образование всегда стоило дорого, мы только не знали об этом. Сколько нужно денег? Заплати и не думай об этом. Когда начнешь работать, тогда и разберешься. Не время сейчас лезть напролом и качать права, ничего не сделав в этой жизни.

Шурка собрал сумку с конспектами. Сейчас он был вспыльчив, как порох. Объяснение отца его не удовлетворило. Волновали грядущие экзамены, учеба в столичном ВУЗе. Как ни смотри, а он был провинциалом, хотя и с широким размахом в душе.

Пока сын готовился и сдавал свои экзамены, Клим и Гриша уходили гулять по окрестностям. После работы и по воскресеньям, когда в порту, подняв стрелы, застывали портовые краны, они, пользуясь хорошей погодой, а иной раз и в дождичек, предавались размышлениям — чисто мужское занятие.

Однажды они обошли водохранилище по дальней плотине, ведущей к судоходному каналу, к шлюзам, опускающим суда к Москве-реке и дальше, к Беломорканалу. Отсюда Химкинский речной вокзал на другом берегу казался хрупкой игрушкой, отделенной от них синей ширью водохранилища. Дул ветерок, к широким гранитным плитам дамбы бежали прозрачные волны, пронизанные зелеными лучами, и веселый плеск воды необычайно украшал тишину. Друзья стояли на обочине шоссе, пролегавшем по гребню плотины, вдоль которого по обеим сторонам белели низкие столбики. Покато и шершаво уходил в воду правый бок плотины, вглубь, вглубь, без дна, которое было, очевидно, так же низко, как глубочайший овраг слева, по другому боку плотины, выложенному такими же грубыми гранитами, давно поросшими травой и кустарником. Чуть дальше высились украшенные скульптурами сооружения судоходного канала, столь же прочного, сработанного на века, в сером граните. По нему к шлюзам тянулись вереницы речных судов.

— Когда это было построено? — тревожно оглянулся Гриша. — Тогда, что ли?

— Да, в тридцать седьмом, — негромко отозвался Клим.

— А это для кого беседка? — Гриша кивнул на белые ротонды, красовавшиеся по обоим концам плотины. — Для часовых, что ли?

— Похоже. Для охраны, да.

— У них и прорабы, и проектировщики, даже архитекторы и художники были заключенными. В откосах и хоронили, я слышал.

Клим молчал. Помаргивая, Гриша смотрел вдаль над оврагом и еще дальше, на широкую пойму далеко внизу, по которой блестела извивами синяя Москва-река.

— А ведь их глаза тоже видели эту красоту. Лес, овраг, дальнюю пойму. Как происходит, когда один человек может скрутить миллионы людей? Я раб, пока не пойму этого.

— Это крутая работа, Гриша. Попробуй-ка уразуметь, что в человеке готово к подчинению и зачем ему это надо?

— Ты уже понял?

— Отчасти. По себе.

Так и шли дни за днями и ничего, казалось, не происходило в жизни Клима. Лишь внутренняя сила, спокойная, словно литая, наполняла его, не тревожа вопросами ни о смысле жизни, ни о назначении его на земле. Ни прошлой растерянности, ни скуки — ничего. Он работал, уставал, жил, как все, и все же знал, что все это не просто так.

Шук стал студентом и на радостях укатил домой, на север, а когда вернулся, уже желтели деревья, накатывала осень.

Хорошие дела начались и у Любаши с Гришей.

— А что, Люба, Гришка-то ноне совсем другой стал, — подсказывали соседки. — Выправился, зарабатывает. Моряк человека из него сделал. Не теряйся, Люба, Гришка сам к тебе идет.

Он и шел. И стала любина квартира ему жилым домом, а своя — рабочей мастерской.

Фестиваль российских фильмов и в самом деле начался с картины «Школьные лестницы», той самой, где играла Ирина.

Премьера происходила в большом кино-концертном зале. Перед показом была запущена по телевидению богатая реклама, протрубившая о новых достижениях отечественного кинематографа, мол: «Всем, всем, всем! Ты поддержал российские кино? Ты взял билеты на первый просмотр? Все в кинозал!»

И народ повалил. О, реклама! О, желание сказки!

Уже прошла церемония открытия и начался фильм, собравший полный зал. Все шло хорошо, раздавались то аплодисменты, то хохот, то наступала тишина, именно там, где надо.

Артисты и все участники картины собрались в боковой зале, с окнами, сверху донизу закрытыми сборчатыми шелковыми занавесями, отогнув которые можно было увидеть мокрый асфальт и летящие последние листья.

Никто бы не узнал в Ирине, мягко-стройной блондинке в длинном синем бархатном платье, браслетах и узорных туфельках суховатую учительницу химии с мышинными хвостиками на затылке. Учительница получила на славу, так неожиданно вдруг сверкал ее взор из под седоватой челки, так угадывалось ее женское прошлое и не остывший темперамент; сценаристу пришлось даже дописать кое-что для такой химички. Держа в руке бокал шампанского и прислушиваясь к звукам фильма, доносившимся из зала, Ирина пробиралась на цыпочках к Анастасии, которая крепко стояла в кругу кинодельцов и вела коммерческие переговоры. Они давно не встречались, с тех самых пор, как фильм был отснят и велся его монтаж.

Вдруг, словно из-под земли, перед ней появился Виталий. Он был по-прежнему статен и спортивен, но красота его словно пожухла, на лице читалось беспокойство.

— Привет! — произнес он беззаботно, глядя на нее остро и внимательно: как она? готова ли служить ему? Он не вспоминал о ней с того вечера, но, прочитав на афише ее имя, пришел в надежде на авось: вдруг получится?

— Здравствуй, — удивленный взмах умело подкрашенных ресниц и учтивый наклон прически был ему ответом.

— Как жизнь? — бойко продолжал он, оглядываясь. — Как жизнь-то, спрашиваю?

— Жизнь... — протянула она со значением. — Это философский вопрос, — и подняла указательный палец.

И Виталий сломался. Он даже согнулся в спине! Она услышала жалобный стон о том, как ему плохо, как ничего не получается, как его унижают и смеются над ним; и как он искал ее, потому что только она в целом свете, единственная из единственных, понимает его. А ей, мгновенно и мельком, подумалось о том, что этот человек едва не лишил ее жизни, и как следует быть осторожной в своих отчаяниях, навеянных неудачами, которые, может быть, только кажутся таковыми, а на самом деле возносят тебя на ступеньку выше той, где ты стояла до встречи с так называемой «неудачей».

— Ты ослепительна, — проговорил Виталий и вдруг зашептал. — Возьми меня к себе. Я так устал, я больше не могу. Тебе ведь нужен молодой мужчина.

Нелегко было слушать это.

— Je regrett, — ответила она по-французски. — Я сожалею.

И ушла, постукивая узорными каблукками. Понуро, с кислой улыбкой поплелся прочь и он.

Только двое во всем зале увидели и восприняла происшедшее. Первой была, конечно же, Анастасия. О-о, она увидела несравненно больше. Что ее подруга приняла бой и с честью вышла из поединка, утвердилась в чем-то своей душе, это само собой, но не только, не только! На ее глазах Костя Земсков, тот самый, что в упор не видел Ирину, вдруг застыл на месте с бокалом в руках, потом поставил, не глядя, на столик и заходил, забегал, как гончий пес, кругами по зале, откидывая назад длинные светлые волосы. Ближе, ближе, разглядывая ее лицо, ее походку, каждую складочку на бархатном платье.

«Ага, — возликовала Анастасия. — Наша взяла!»

И дальше она увидела, как Костя, такой модный и знаменитый режиссер, взял под локоток Ирину и отвел в дальний угол к самому крайнему окну. Склонив головку, Ирина слушала и подымала брови, как бы удивляясь повороту беседы. «Да, — улыбнулась она в конце его страстного монолога, — Да, я согласна». И приподняв слегка край длинного василькового бархата, удалилась и от него.

— Что? Получилось? Ага! — подкатилась к ней подруга. — Ура!

— Ш-ш-ш, Настенька, тихо, тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить. На главную роль позвал. Говорил, что все наизусть знает, а вот концовку никак не найдет, даже помощи попросил, как у «зрелой женщины»...

Они обнялись.

— Бросай все и сотвори нам женщину на изломе жизни!

— Ничего не брошу, радость моя, — засмеялась Ирина, — творчество — не заменитель жизни, оно тоже внутри нее.

На сцену перед погасшим экраном они вышли все вместе. Зал шумел, аплодировал. Успех получился полный, значительный. Не впервые Ирина выходила вот так на сцену. Но сейчас... что-то происходило. В зале кто-то присутствовал, кто-то, значительный только для нее. Мягкое излучение шло слева, из партера.

«Клим»- прозвучало в ней.

В ту же минуту это мягкое излучение преобразовалось в мужчину. Он поднялся из ряда слева и направился к сцене. Он встал у подмостков, возле лесенки. Свой сон — сцену, и на сцене — ее, таинственную, в синем — он видел сейчас наяву.

«Ирина» — услышал он.

Едва закончилась торжества, Ирина спустилась в партер. Клим подал ей руку. Они смотрели друг на друга.

— Где-то я тебя встречал, — припоминая, сказал Клим. Грохот вагонов отдаленно прогремел где-то вдали.

Ирина улыбнулась.

— Нет, нет, это невозможно, — и провела пальцами по его ладони. — Ты кто?

— Грузчик.

— А в душе?

— Путник. Где, где я тебя встречал?

У всех на виду он подхватил ее на руки и понес к выходу. Ее руки в кольцах и браслетах обняли его шею.

— Нет, это не первая встреча. Где-то я тебя видел.

— Во сне, — улыбнулась она.

— Не только, не только.

Он опустил ее на пол.

— Ирина?

— Да. Клим?

— Да.

— Наконец-то.

Костя Земсков изумленно смотрел на них. Непосредственный и порывистый, он в толчее оказался возле них.

— Ребята! Ирина! С ума сойти! Какие у вас лица! В жизни не видел! Кто вы друг другу?

— Кто? — взглянула Ирина.

— Две половинки, — ответил Клим. — Нет. Одно целое.

— Давно вы встретились?

— Сию минуту.

Костя присвиснул, промахнул рукой по волосам.

— С ума сойти. Я вас люблю. Вот она, моя развязка!

...Уже сыпался снежок и льдом затягивало акваторию водохранилища. Навигация заканчивалась. Крановщиков ожидал долгий отпуск.

— Ковалева к начальнику Управления, — донеслось по громкой связи, которая была везде: в мехмастерских, в грейдерной, в столовой.

Клим прошел мимо двух морских якорей и появился в приемной начальника.

— Проходите, пожалуйста, — пригласила секретарь.

Он вошел в кабинет.

— Привет, Клим! — начальник порта протянул ему руку. — Рад видеть в добром здравии. Не надоело дурака валять?

Клим прищурил смеющиеся глаза.

— Допустим. И что?

— Большие дела начинаем с открытием весенней навигации, — проговорил тот. — Прямые перевозки. Проводка морских сухогрузов из Балтики в Москву. Сечешь?

Клим кивнул.

— Высокий класс.

— Берись?

— Пожалуй.

— С Богом!

В тот же день он получил узкий, в одно окно кабинет. Из окна видно было широкое водохранилище, судоходный канал, дальние шлюзы и низкая пойма, уже побелевшая от снега. В тот

же день провел совещание, пригласил механиков, капитана рейда. Просидели долго. На нем снова была черная форма с золотым позументом. Лишь руки, рабочие руки крановщика, неловко держали тонкую авторучку. На столе справа светился монитор, все было привычно, по-деловому.

Он засиделся допоздна, и когда вечером сошел по лестнице в вестибюль, на вешалке не было ни одного пальто. Зато по-прежнему сидели два молодца в форме охранника.

— Добрый вечер, — он подал им ключ от кабинета, расписался в тетради и направился к выходу.

И тут его окликнули.

— Капитан!

От окна откачнулась борцовская фигура босса. О, как давно, словно в прошлой жизни видел он этого мощного человека!

— Привет, — Клим пожал ему руку, — какими судьбами? Что, арбузы сопровождаешь на сухогрузах?

— Не совсем, — переступил тот с ноги на ногу. — Интересуемся прямыми перевозками из Балтики в Москву. С кем поговорить, не подскажешь?

Клим изучающе посмотрел на него, качнул головой и усмехнулся.

Усмехнулся и тот.

Прошло пять лет.

Полная мера человеческого счастья осветила жизнь Ирины и Клим. Как они нашли друг друга, какими кружными путями?

Роль «зрелой женщины» удалась. Ее удостоили наградой на Берлинском фестивале, отметили в Каннах. Но Костя на этом не остановился. Теперь у Ирины был свой режиссер, который и впредь хотел снимать ее в своих картинах, один характер за другим, в самых головоломных сюжетах. Успеть, успеть, пока актриса молода и любима публикой.

А еще произошло следующее. Киска вышла замуж за Шука, за Александра Ковалева, с которым познакомилась в родном доме, когда Клим переехал к ним жить.

— Здравствуй, — пятнадцатилетняя Киска протянула ему тогда загорелую руку. — Ты Шук, сын Клим?

— Да. Я — Александр Ковалев, и действительно его сын.

— Похож.

Она с интересом разглядывала его.

Шук изо всех сил старался не быть робким провинциалом. Он знал, что нравится девчонкам. Уже на первом курсе его заметили веселые раскованные москвички. Но эта девушка...

— Ты студент? — она независимо подняла свой носик.

— Первокурсник, — ответил он, кашлянув.

— Занят по горло, да?

— Вообще, да. Сейчас у нас самые зачеты. А что?

— Да ничего. Просто у меня еще не было знакомых-студентов.

— Значит, я первый, — небрежно улыбнулся Шук. (И буду первым, — вдруг понял он, — что угодно пройду, но такую девчонку не отдам никому.)

Киска, что-то уловив, удивленно подняла брови.

— Пойдем поедим, — предложила она. — У мамы на кухне много вкусного. Любишь сырую морковь?

— Не знаю, — ответил он, чтобы не поддаваться ей.

На кухне она взяла со стола свежую морковь и принялась ее грызть.

— Бери, бери, не стесняйся, — предложила Шуку.

— Не хочу.

В каждом ее движении сквозила расцветающая прелесть. У него перехватило дыхание. Шук повел себя на удивление по-мужски. Откуда в нем оказалось столько выдержки? Порой он словно забывал про нее, уезжал со студентами в турпоходы, не звонил, даже не объявлялся домой, оставаясь у ребят в общежитии, и ей, уже привыкшей к его вниманию, не хватало его, она скучала, обижалась. В другое же время они не расставались неделями. Катались на лыжах, уезжали в пригородные леса на институтскую лыжную базу, или носились по Москве, точно два школьника, ели мороженое, заваливались домой голодные и съедали все, что было на плите и в холодильнике. Так бежали месяцы, годы. Один, другой, третий. Родители работали, жили в любви и дружбе, и дети, глядя на них, задумывались о своей встрече.

Ирине нравился Шук. Конечно, она подкармливала «сыночка» домашними обедами, ездила на Речной вокзал, чтобы

приготовить ему шей и котлет, но времени не хватало, и Шук обходился тем, что покупал на улице или в институтском буфете.

— Кем ты станешь, Шук? — спрашивала его Киска.

Отвечал Шук не сразу. Он поменял уже десять мнений о своих будущих занятиях и теперь увлекался космической медициной.

— Я хочу быть специалистом по космическому освоению Вселенной. А для этого необходимо такое питание, чтобы энергия людей превращалась из одного вида в другой с наименьшими затратами.

— Оо, — покачалась на стуле Киска. — Ты будешь сам летать или давать советы?

— Возможно, и полечу.

— Ты станешь известным и богатым человеком. Как моя мама.

Они уже привыкли друг к другу, но не настолько, чтобы она не ощущала в нем, рослом и плечистом, мужчину. Друг-то друг, но... Ему же стоило немалого труда сдерживать свои порывы, так хорошела Киска с каждым днем.

На третьем году пришла телеграмма от Зойки. Сестра Шука выходила замуж. Конечно, она приглашала их обоих, отца и брата, но помчался только Шук. Клим послал подарки. Шук уехал. Во внутреннем кармане его пиджака лежало письмо от отца другу-капитану рыболовного сейнера с дружеской просьбой взять сына-студента в практиканты в любом качестве. Там это было несложно, зато какая судьба ожидала молодого человека! Клим это было яснее ясного. Море, работа, звезды, рассветы-закаты.

— Ты уезжаешь на свадьбу или на практику? — недоверчиво спросила Киска, в мечтах которой Шук уже занимал первое место. — Когда я тебя увижу?

— Через три месяца. Зато по возвращении...

— Что?

— То... жди меня.

— Я-то буду ждать, — проговорила семнадцатилетняя красавица, — но помни песенку.

— Какую? — насторожился Шук.

— Ту самую, — лукаво улыбнулась она. — « Эй, моряк, ты слишком долго плавал... »

Она тоже была не прочь помучить своего воздыхателя, чтобы не зазнавался. А то едет невесть куда!

Эх, молодость! Страсти твои жгут огнем, и при всем счастье юности нет более жестоких ран, какие могут нанести друг другу влюбленные!

Шук начал простым матросом, учился вязать узлы, драить палубу, шкерить рыбу — многое, что делает из юнги настоящего мужчину. Как студент-пищевик, Шук усердно всматривался в жизнь моря, в богатую иодом донную растительность, в планктон, которым питаются киты, самые крупные млекопитающие на земле. Он был благодарен отцу.

Но мама... он соскучился по ней и боялся встречи. Но, обняв мать, увидев, как она устроила свою жизнь, успокоился. Она прекрасно выглядела, и даже помолодела, занятая своим делом, копчением и упаковкой вкуснейшей в мире морской рыбной мелочи. Вот откуда тяга к загадкам питания, вот они, материнские гены! Они даже посмеялись над семейной склонностью.

— Я первый подумал об этом, — уверял Шук, глядя на мать голубыми, как у нее глазами. — Кто пророчит об оскудении запасов пищи на планете? Пищи столько, что можно прекрасно жить еще несколькими миллиардами.

— Умница, — мать гладила по головке сыночка, уплевающего ее копчености прямо с веревочек, с дыма. — Учись, учись, Шуренок.

Нет, мать не казалась брошенной и покинутой. Отец был прав в своих решениях. Отец. А ведь и Киску для сына тоже нашел отец! Киска снилась ему почти каждую ночь, словно в многосерийном фильме.

А как ждала его Киска! Она сама не ожидала, что станет так скучать по Шуку!

— Мама, когда же он приедет?

— Не знаю, Катюша, спроси у Клим.

И она шла к Климу.

— Клим! — говорила требовательно, — если последняя открытка была из Мельбурна, а перед нею из Сиднея, то когда появится Шук?

— Появится, когда срок придет. С моряками всегда так: нет его, нет, и вдруг здравствуйте, встречайте с подарками.

Ах, эти открыточки из заокеанских портов! А письма! В них Шук делался таким нежным, что у Киски голова шла кругом, а сердечко будто падало в пропасть! Лето, лето, скорее проходи! И эти сложные вступительные экзамены тоже! Она хочет думать только о Шуке. Он такой же отважный, как его отец, но он ее Шук, веселый, сильный! Впрочем, экзамены тоже не шутка!

Он вернулся в октябре. Всего хлебнул в соленом море, и тропической жары и морозных штормовых северных непогод, когда обледенела палуба, снасти, сети, а надо было работать по колено в живом рыбном серебре. Киска уже училась трем иностранным языкам в знаменитом Институте иностранных языков. Влюбленная и уже привыкшая к любви, она ждала только Шука, свою судьбу.

И он явился.

— Шук!

— Катюша, любимая!

Помолвка прошла в полной цветовой квартире матери. Шук был в черном костюме, она в скромном светлом платье. Зато венчание и свадьба через полтора месяца превзошли все девичьи грезы. Мало того, что платье невесты было все в кружевах и с кружевным шлейфом, и съемки вел настоящий кинооператор, нет, среди гостей присутствовал сам Костя Земсков, которого, несмотря на титулы, все называли просто по имени.

— Желаю тебе счастья, Киска, не меньшего, чем у твоей мамы, — поцеловал он невесту.

— А Шуку счастья, как у его отца? — задорно ответила она.

— Умница, — всмотрелся в нее режиссер, и так внимательно, что Анастасия увидела в его глазах знакомое, глубоко спрятанное примеривание актрисы к очередной роли в его фильме.

Киска тоже легонько вздрогнула от предъощущения чего-то дальнего, ослепительного.

— Замечательно! — захлопала в ладони Анастасия. — Прекрасная пара, правда, Павлуша? — и тихо добавила. — Если Костя решит, то возникнет новая династия в кинематографе. Я так рада за них за всех.

Павел подошел к Ирине, расцеловался с ней от души, и тихонько шепнул на ушко.

— А ты боялась, помнишь? Жизнь полна даров для тех, кто не теряет присутствия духа, работает и доверяет ей.

— Да, Пашенька. Спасибо тебе. Живем дальше.

Павел напомнил ей давний разговор, и, не ведая того, все ужасное и чудесное, что случилось потом.

— Вы правы, друзья мои. Работа, присутствие духа — все верно. Но давайте оставим место и для любви, и для удачи. Клим, ты присоединяешься?

— С полной охотой.

Зажили молодые своей жизнью в квартире Клима в полной уверенности, что никто и нигде не был еще так счастлив, как они.

— Ах, Шук!...

— О, Киска, любовь моя...

Они забывали обо всем на свете. Они, но не природа-мать.

Антошка родился в начале следующего сентября. Это был здоровый мальчуган в четыре килограмма весом. Наступили легкие денечки. Киске пришлось взять академический отпуск. Шук уже писал диплом, тянувший, по преподавательскому мнению, на целую диссертацию, и уже работал на фирме, которая производила продукты питания для космических рейсов. Он был очень увлечен! Впереди ждали научные исследования для подводников, для альпинистов. Ему хотелось бы поехать в Тибет, на Гималаи, проплыть в подводной лодке под ледяным панцирем Северного полюса. Сколько творчества в жизни! А сын, а жена! Шуку казалось, что он летит по жизни, как стрела, оперенная счастьем.

Зато у Ирины появилось море новых забот. Рождение внука счастливо совпало с перерывом между съемками, и она помогала дочери, чем могла, варила им обеды трижды в неделю. Борщи, гуляши, котлеты, кисели, компоты. Конечно, не забывались и селедочка, чтобы молодой маме хотелось пить, чтобы молочко бежало ручейком, и фрукты-овощи, чтобы в питании ребенка присутствовали витамины и микроэлементы, как настаивал молодой отец.

Здесь, на этой кухне, в большом белокирпичном доме, и случилось то, чего она меньше всего могла ожидать.

Как обычно, она сварила полный обед и присела на табурет, прислушиваясь, не проснулись ли «детки», Киска и ее сыно-

чек. Эти милые хлопоты не утомляли ее еще и потому, что в такие дни сюда заходил с работы Клим. Они обедали и уезжали к себе домой. Вот заплакал малыш, и через несколько минут Киска в халатике, с ребенком на руках, слегка заspanная, но свежая и румяная, появилась на кухне. Сладок сон, когда дети маленькие!

— Как вкусно пахнет! Мамуля, можно я сначала киселя попью, а салат потом? — она потянулась к стакану клюквенным киселем и с наслаждением выпила его. — Замечательно! Мамуля! Давай поболтаем о том, о сем, а то у меня разговорный голод. Уже хочется в институт. Правда, правда.

Она повернулась, держа на руках Антошку, к матери лицом, как раз между двух тарелочек, которые висели на стене за ее спиной.

— А знаешь, эта соседка в соседней квартире...

Ирина замерла. Она не слышала, что говорила дочь. Не эту ли картинку она увидела тогда? Дочь с ребенком на руках, даже халатик, даже тарелочки за спиной были точно такими!

— Что, мамуля, что так смотришь? — насторожилась дочка, покачивая ребенка. — Почему такие глаза? Что-нибудь не так?

— Все так, Катюшка моя милая, все так, — ответила Ирина, задохнувшись от волнения.

Клим и Ирина давно рассказали друг другу самые замечательные события своей жизни. Их по-прежнему поражало то, как странно шли они к своему соединению, но погружаться в подробности иного рода казалось излишним. Главное, что они вместе, а досадные мелочи прошлого можно забыть и забыть.

В тот вечер к ним приехал Костя Земсков. Он был своим человеком в доме. По обыкновению, он подыскивал необычный сюжет. Развалившись на широкой тахте, он с наслаждением отдавался беседе с милыми сердцу людьми.

— Скажи, Клим, откуда у тебя это свойство предугадывать угрозу? Это касается лично твоей жизни, или тебе удается отвести беду и от других людей?

Клим задумался.

— Мой прадед, говорят, был северным знахарем и умел многое, о чем я и понятия не имею. Однако, кое-что, видимо, передалось.

Костя насторожился.

— Так-так-так! Значит, все это идет из глубины веков и передается по роду. Очень кстати, — он потер руки. — Для исторического фильма серии на три-четыре материала хватит. Там можно многое показать, и все нашенское, русское. Хроники поднять, летописи, предания. Да! И вывести на современность. Да, именно! Да!... А скажи, когда это случилось в последний раз? Ведь оно же работает, это свойство!

Клима несколько не занимали эти расспросы, а режиссерская кухня нередко раздражала, но он понял, что Ирина будет играть в этой картине, и нехотя продолжал.

— В последний раз меня за это чуть не убили. В поезде, уже в пределах Подмосковья. Там еще такой разлив реки и старая колокольня на том берегу. Как обычно, слышался звук сыплющихся железных опилок, и я ощутил впереди, прямо на рельсах, нечто родное, близкое. Кто это был, не ведаю, но действовать следовало незамедлительно!

— Как? — напрягся Костя, словно это он сам был сейчас и в поезде и на рельсах.

Клим усмехнулся.

— Остановить поезд, который шел в это время по арочному мосту. Это было безумие — тормозить состав в таком месте, но меня силой вынесло из купе в коридор к стоп-крану. Все решили, что это припадок помешательства. Пассажиры сбили меня с ног и я, придавленный к полу их телами, успел крикнуть, послать наудачу, в никуда, зов о помощи. Локомотив-то ведь тоже ревел так, словно предупреждал кого-то.

Он замолчал, удивленный устремленными на него глазами Ирины. В них было нечто необъяснимое.

— Ну?! — нетерпеливо вскрикнул Костя.

— Что-то мне удалось, — ответил Клим, поглядывая на нее. — Стало легко, будто угрозу ту сдуло, как пушинку.

Стиснув руки, Ирина выбежала из комнаты. В коридоре, прижавшись лицом в висящие пальто, она затихла. Мужчины не

шевельнулись. Было ясно, что все неспроста, и что может последовать нечто такое, во что нельзя, невозможно вмешиваться.

Через минуту-другую Клим все же вышел к ней в коридор.

— Что, родная?

Она прижалась к нему.

— Я расскажу сама. Идем. Слушайте, как все это было с другой стороны. С моей.

Предысторию своего появления на рельсах она поведала буднично, потому что Виталия для нее давным-давно не существовало. Но шелковистый отблеск стали, ржавые шпалы, покачивание желтой сурепки возникли перед глазами слушателей, как на картинке. И два блика. Их предложения, выбор.

— Жить, жить, жить... предлагал второй, и вдруг я увидела дочь с ребенком на руках. Клим, она была в том же халатике, что и сейчас, и за ее спиной на стене висели две тарелочки. Клим, я все это увидела сегодня наяву, когда была у Киски — халатик, дочь с ребенком и две тарелочки. Клим! А ведь ты не мог этого знать, тебя еще и в Москве не было!

— Да, тарелочки мне Гриша подарил, это было месяца через три. Так вот где мы встречались! А я-то не мог вспомнить.

Не в силах совладать с собою, вскочил и забегал по комнате Костя.

— Ребята! Как это необыкновенно! А скажи, Ирина, этот Виталий — не тот ли хмырь, которого ты отшила в тот давний день премьеры? Класс! Тогда я тебя и заметил.

— Он несчастный человек, — тихо сказала она. — Зачем он попался на моем пути?

— Как зачем? Чтобы ты преодолела проблему, может быть, всего своего рода, прошла чистилище и родилась вновь. А Клим проявил в себе новые способности. Все связано. Что ты ему сказала?

— Не помню. Что-то разочаровывающее.

— Настолько, что сник, как мокрая курица.

— Жалкий человек, — Ирина вздохнула.

— Не скажи, — возразил Костя. — А вдруг после той встречи он тоже переменялся, может, что-то повернулось в нем и судьба его не так уж горестна. Почему не предположить этого? Вы, я смотрю, сказки творите наяву, вот почему я к вам привя-

зался, — Косте не сиделось, в его воображении возникал новый фильм. Он вскочил, словно пружина. — А та колокольня, что вы видели оба, ведь она должна существовать? Колокольни же не горят. И прудок возле нее.

— Ах, давно это было, Костя. С тех пор я там не была. Киска выросла из детского возраста, спортивный лагерь был не для нее. В Святые ключи мы больше не ездили.

— Святые ключи... — восхищенно произнес Костя. — Как хотите, ребята, но мы должны повидать то место. Подумать только! Богатейшая натура. Поехали? Завтра же, в субботу. А?

Клим помолчал. Потом посмотрел на жену.

— Тебе не будет тяжело вновь оказаться там?

— Не знаю, милый. Можно съездить.

Наутро они тронулись в путь. Клим вел мерседес с мягкой уверенностью хорошего водителя. Светило неяркое октябрьское солнце, похрустывали прозрачным ледком лужи на шоссе, предмет особенного внимания человека за рулем. Вот осталась позади Москва, потянулись леса, еще совсем недавно веселившие глаз живописью осеннего убранства.

— Клим, — вернулся к вчерашнему разговору Костя, — а скажи, этот колоритный босс... как сложились ваши дальнейшие отношения?

Наступило молчание.

Климу не хотелось рассказывать при Ирине, как его встречали у подъезда, уже возле ее дома, черноволосые мальчишки с требованием открыть им доступ к документам по провозке грузов из дальних стран и Балтии в Москву на сухогрузах типа река-море, как прижимали к обочине его машину, как вызывал его начальник по ложным доносам, что он, Клим Ковалев, ведет запрещенные игры с таможней. Сейчас это в прошлом.

— С боссом просто так не расстанешься, — усмехнулся он. — Его ребята крутят свои дела помимо меня, а при встречах раскланиваются, как джентльмены.

Костя понял мгновенно. Кивнул и замолчал. Но видно было по сведенным бровям, что воображение его работает на всю катушку. Художник!

Наконец, показалась колокольня, и мост, и насыпь. То да не то! Над старой колокольней блестел на солнце красной медью

купол с золотым крестом в навершии. Возле стоял невысокий, тоже восстановленный храм с обычными для него оконцами, крыльцом и массивной, с накладками дверью. Вокруг пруда уже не теснились в беспорядке старые ивы, их не было вообще. Зато сам прудик был вычищен до чистой воды, уже со льдинками, а к его середине, там, где взрывали песчаное дно холодные глубинные ключи, вел деревянный, украшенный резьбой, низкий мосток.

Они вошли внутрь. Скромное убранство сельской церкви, деревянные полы из широких досок, горящие лампадки под образами встретили их. Службы в этот час не было, но из-за перегородки к ним вышел молодой батюшка.

Они разговорились.

— Давно ли приняли приход, отец Василий? — спросил Костя.

— Третий год служу. Раньше-то здесь была как есть мерзость запустения, только вороны каркали. Потом словно благословение пролилось, все стало строиться, с окрестных деревень народ сам повалил. За год осилили. Просто чудо, да и только.

Костя посмотрел на Клима.

— Чудо, да и только.

Всмотрелся в Клима и молодой поп. Но промолчал, не стал предаваться пустословию, распрощался и вернулся к себе.

— Все ясно, — сказал Костя, — такого финала и во сне не увидишь. Ну и ребята! Так закрутить не каждому и дано. Ну и жизнь!

Они сели в машину и поехали обратно.

МАРИАННА

В весенний мартовский день Сергей Плетнев был приглашен в одну из московских школ. Два года назад он, архитектор, закончил строительство нового Зеленого округа, где находилась эта школа. Он был сибиряк, работать любил, как говорится, горел на работе, и сейчас, возглавляя концерн «Возрождения», созидал прекрасные строения по всей стране. Поэтому дата встречи переносилась и откладывалась, пока, наконец, его машина не остановилась у школьных ворот.

Для начала его пригласили в просторный директорский кабинет, окна которого выходили прямо в густой лес, а на стенах красовались живописные работы школьников. Близ директрисы, седой пышноволосой дамы, сидела хорошенькая девушка с длинными каштановыми косами.

— Знакомьтесь, Сергей Иванович, — представила ее директор, — Это Марианна, наша отличница, «комсомолка, спортсменка» и лучшая художница школы. Да-да, в самом деле, — она улыбнулась его улыбке. — Она будет вести ваш вечер. Ее акварели висят здесь же, можете полюбоваться.

С вежливым выражением молодой человек повернул голову и заинтересованно встал, пошел вдоль стены, словно охотник по следу, всматриваясь в работы. У Марианны екнуло сердечко.

— Это ваше? И то? И рядом? Смело. Просто супер! Не ожидал, — проговорил он и даже развел слегка руками. — Я смотрю, вы не только прекрасно рисуете, но и способны к волевым решениям. Это редкость. Я восхищен. Поступайте в архитектурную академию.

Марианна была польщена. Ее часто хвалили, и каждый раз словно цветочек распускался в душе. Но ответила она независимо и почти дерзко, глядя в его простое лицо со светлым вихром волос надо лбом, про который говорят «корова языком лизнула».

— В Архитектурную? Никогда. Архитекторам нравится камень, а мне по душе легкое-взлетающее, изменчивое, как солнечный свет.

Директриса с горделивой улыбкой посмотрела на молодого человека.

— Она у нас такая, Сергей Иванович.

В его глазах вспыхнули огоньки

— За такой ответ полюбить можно. Вас пленяет игра линии и цвета? Откровения современного дизайна? Как тонко вы чувствуете свое призвание!

Директриса поднялась. Они прошли в гудящий голосами актовый зал. Пылая румянцем, Марианна открыла вечер, представила Сергея Плетнева и села в первый ряд.

Его выступление пролетело, как одно мгновение, а говорил он часа полтора. Рассказ о сплошном лесном массиве, в котором все начиналось, приправленный ужасиками, строительными хохмами и сожалениями о несбывшихся мечтах вроде велотрека, бассейна и маленького зоопарка, захватил всех словно приключение, свежо и неожиданно осветил ребятам их малую родину.

Марианна не сводила с него глаз. Как он сказал? *«За такой ответ полюбить можно»*? Как согревают эти слова! Их света хватит на целую неделю. Еще ни один взрослый мужчина не подержал ее так душевно, так бережно! На одно мгновение мелькнул краешек счастья. Это любовь? Это её сияние?

После его выступления она вновь поднялась на сцену и провела «пресс-конференцию», сидя с гостем за одним столом. В их школе часто происходили разные встречи и беседы, каждый отстаивал свою правоту во что бы то ни стало, чуть не до драки, поэтому народец в зале сидел тертый, подкованный. Сергей шутил, зубы его сверкали, Марианна добавляла огоньку, ей показалось, что они немножко сблизились, что-то будет, прекрасное, ослепительное.

В заключение она подарила ему большой, заготовленный заранее букет цветов.

С этими цветами, окруженный школьниками, он стал спускаться по широкой лестнице к выходу. Понравился Сергей Плетнев не только ей, многие девчонки нашли его красивым, спортивным, остроумным и... неженатым? Кольца на руке не было.

— А ваша жена тоже архитектор? — не утерпела Ленка, известная всем болтушка и хохотушка.

— Моя жена? — переспросил он и так белозубо и добродушно рассмеялся, что все поняли: «Он свободен».

Возле машины он передал букет Марианне.

— Вы чудесная девушка, Марианна. Буду хранить память о вашей школе. Желаю вам успехов на выпускных экзаменах. И на вступительных тоже.

Что было отвечать? «К черту, к черту?» Так он и уехал. Красавица Марианна помечтала-помечтала о нем, как о принце, улетела в грезах, и все. Школьница, выпускница... разве он вспомнит?

В белоснежной трехэтажной школе гремела музыка. Выпускной бал был в самом разгаре. За окнами актового зала в мелькании цветные вспышек, кружились танцующие, озаряемые то синим, то красным, то зеленым светом. На школьное крыльцо то и дело выходили юноши, закуривали и сбегали по ступенькам, направляясь в крытую шатровую беседку метрах в десяти от выхода. Там теснилась тусовка. Ребята сидели на поручнях, давно лишившихся деревянных перил, что-то выпивали, смеялись, в последний раз прочитывая надписи на покатоном железном потолке: «Сашка, я по тебе с ума схожу!», «Долой диктатуру родителей!», «I love you! I kiss you! I have you!», «Марианна, тебя любит... угадай, кто?», «Это мой телефон. Бабы, звоните ночью. Ваш Дима.», «Я хочу жить на воле, а не в набитом людьми доме!», «Мы, девчонки, хотим всего!», «Я правый, кто со мной? Ромик.», «Демократов на мыло!», «Спартак-чемпион!» и другие, более озорные и хулиганские. На каменном полу посередине горел костерок из веточек и бумажек, жиденький дымок достигал потолка, красиво обволакивал его и кудряво струился из-под кромки шатра. Покурив, молодые люди бросали окурки в огонь, бежали обратно к крыльцу, украшенному цветной мозаикой и выпуклыми медальонами классиков, и вновь исчезали там, где было тесно и весело, пахло апельсинами и где сегодня были так красивы их одноклассницы.

Школа стояла как раз на границе с лесом. Сразу за ее стенами начинался диковатый парк, незаметно переходящий в настоящую лесную чащу с болотами, кочками, высокими соснами,

поросшими сероватым мхом, с просеками, полными малины. Километрах в трех от жилого района зеленый массив пересекала кольцевая автодорога, через которую, бывало, перебежали, появляясь под окнами, лоси и зайцы. То-то переполоху на уроках! А однажды в ближайшем дворе заметили двух заблудившихся молодых волков: тесно прижавшись друг к другу, они дыбили за гривки, готовые до конца защищать свою жизнь в каменных сводах чужой норы. Вызванные охотники усыпили их специальными патронами, после чего все желающие могли погладить густой, с белыми выпушками, мех зверей, их теплые уши и лапы, потрогать настоящие волчьи клыки и даже срезать пучок серой шерсти на память.

Этот лес был главным сокровищем района. Даже зимой в нем никто не скучал! Под деревьями бежала, размеченная флажками и плакатами «Старт» и «Финиш» школьная лыжня, множество ближних и дальних дорожек и тропинок на все случаи жизни скрещивались, сливались, выводили к избушкам, детским деревянным лошадкам и качелям, горкам-ледянкам и лыжным аховым спускам, повсюду гуляло и дышало свежим воздухом окрестное население. Ну, а про лето и говорить нечего. Летом все здесь благоухало листвой, травами, цветами, наполнилось птичьим гомоном и тою радостью, что всегда мерцает под зелеными кронами.

Все жители новостройки почитали себя избранныками. И даже удаленность от метро лишь прибавляла убежденности. Жильцы семи высоких домов знали друг друга по именам, будто в деревне, копали огороды, жгли костры, купались в двух проточных прудах, в общем, жили как на даче со всеми городскими удобствами.

Сегодня, двадцатого июля, школа праздновала первый выпуск. Двадцать три человека начинали новую жизнь. Как бывает, в последнем классе сложились две пары молодоженов, чьи горячие романы весь год зажигали ровесников. Все остальные были просто влюблены или мечтали о любви.

Праздник удался. Уже поднялись из-за столов, уставленных поначалу бутербродами, сладостями, фруктами, цветными бутылками с газированными напитками и соками, а теперь опустевших и быстро убираемых проворными руками матерей из родитель-

ского комитета, и уже успели потанцевать и продолжали танцевать парами и толпой в цветном мелькании огней. На полу дватри умельца при всеобщем восхищении вертелись клубком, выкручивая спортивно-танцевальные приколы на спине, на голове под уханье «тяжелого металла». Но и танцами, наконец, пресытились, потянулись к учителям, «преподам», «старшим товарищам», простив им их вредности и придирки. В начале вечера их задарили цветами, а теперь, окружив, снисходительно рассматривали, как самых обыкновенных и ничуть не страшных людей.

— А помните, как я котенка принесла на урок? — засмеялась Марианна, одна из самых нарядных в этом зале, окруживших учительницу младших классов, просто одетую, приустановленную маленькую женщину. Ее имя, Клавдия Ивановна, ученики произносили как Клав-Диванна, но любили в первого класса, в той, другой, московской школе, откуда почти все они переехали три года назад.

— Я-то помню, Марианна, — мягко ответила учительница, — а вот помнишь ли ты, как второго сентября спросила у мамы: «А что, каждый день надо ходить?» Мы так смеялись тогда с Татьяной Алексеевной.

— В самом деле? — кокетливо изумилась девушка. — Как это на меня похоже! Терпеть не могу обязательных дел.

— Лукавишь, Марианна. Ты, конечно, художественная натура, но раз отличница-медалистка, значит, вполне от мира сего. А скажи-ка поделись, куда собираешься поступать? Если не секрет? В Академию живописи или в Строгановку?

— Вовсе нет. Я иду в Академию текстиля. Хочу работать с современными тканями, одеждой, прикладной художественностью. У меня все получится, все-все!

— Умница. Ты всегда была практичной мечтательницей, как ни удивительно такое сочетание, — согласилась учительница, любуясь девушкой.

Марианна и в самом деле была хороша в воздушном розовом платье с пышными сборками на талии, с красными пионами в пушистых косах. Все девушки были красивы в этот вечер в бальных нарядах, но косы сохранили немногие.

— А про меня что-нибудь вспомните, — попросил кто-то из выпускников.

— И про меня, про меня, — зашумели все разом.

Учительница улыбнулась.

— Ох, как давно это было, еще в той школе! Вот про Оленьку могу сказать, что она, еще совсем маленькая кроха, приходила в класс самая первая и чисто-начисто вытирала тряпочкой свой стол. Тихая, серьезная была девчушка, трудолюбивая, как пчелка.

— Она и сейчас такая же.

Все оглянулись на светловолосую девушку с веснушками. Та отступила на шаг назад.

— А как я в шкаф забрался и завыл среди урока, помните? — пробасил высокий юноша, местный хакер и сердцеед.

— Вот тебе за это, Сашок, — учительница дотянулась до его головы и легонько дернула за вихор.

Марианна выбралась из тесноты. Неподалеку сгрудилась другая компания, вокруг учительницы по литературе, там было шумнее и веселее. Двигая плечами, она протиснулась между двух молодых людей. Те расступились.

— О, Марианна, легка на помине, — засмеялись в кругу, — только что о тебе вспоминали. Как ты догадалась?

— Не скажу! — загадочно пропела девушка. — Вспоминайте меня почаще, особенно в июле во время экзаменов. Разрешаю ругать всякими словами, не стесняйтесь.

— Мы рассуждали о мечтах, которые сбываются, — пояснила Любовь Андреевна. — Помнишь свое сочинение: «Я мечтаю о необыкновенном человеке и необыкновенной любви. Я верю в судьбу и ее драгоценные дары. Я верю тебе, жизнь!»

— Это не сочинение, — заметил кто-то. — Это заявление.

— Если ты не возражаешь, я даже выписала кое-что на бумажку, — продолжала классная руководительница, — и зачитываю новым старшеклассникам. Звучит, как напутствие. Помнишь, Марианна?

— Прекрасно помню, до последнего слова, — воскликнула девушка. — Вот увидите, все так и будет Я все смогу...

— Не сглазь, — остерегли ее. — Разве можно об этом вслух?

— Можно! Смелость города берет, — отмахнулась Марианна, но тут же отошла прочь.

«И зачем я так раскрываюсь? Робкие пингвины, разве они поймут, как можно летать?» — подумала она с досадой и, скользя по паркету, как по блестящему накату, перебежала через весь зал к сцене, возле которой возились со стереосистемой умные мальчишки. Здесь же находился и Пал Палыч, маленький и плешивенький учитель математики, окруженный одними юношами. Остатки его волос стояли на темени, словно прозрачный нимб. По обыкновению, Пал Палыч был заметно пьян. Даже на уроки он приходил, бывало, сильно «подогретым», но это ничему не мешало. Его занятия были самыми живыми в школе, его олимпиады, загадки-считалки, сказки про пузатые лимоны-миллионы, стихи, приключения чисел — недаром половина выпускников собиралась поступать в технические вузы!

Сейчас Пал Палыч был нежен и добр.

— Вы, ребята, главное, не отчаивайтесь, если не получается с математикой. Не зачеркивайте себя. Бог с ними, с уравнениями, не в них счастье. Слышишь, Дима? — качнувшись, он оперся рукой на плечо рослого, остриженного по-солдатски парня с могучей тренированной фигурой.

— А я при чем? Полный улет! — невозмутимо отозвался тот. — Мне вообще все до фени. Мне послезавтра в армию, в Чечню на полтора года. Приходите на провода, Пал Палыч.

— Да-да, — отвечая на собственные мысли, покивал учитель. — Главное в жизни — это сама жизнь, ее вершение, осуществление, а не формулы и числа. Никому не верьте, что это иначе. Жизнь шире любой науки, нельзя жертвовать жизнью ни для чего... ни для чего.

— А в чем смысл жизни, Пал Палыч? — шутливо спросил кто-то, прикрывая усмешкой юношескую страстность этих слов.

— Ах... — вздохнул учитель. — Странно сказать — ни в чем. Ни в чем, друзья мои. Да-да. Жизнь вмещает в себя все смыслы, она неизмеримо сложнее и огромнее любого из них. Разве вот математика... — старик подумал, поморгал и безнадежно помотал головой. — Нет, и математика тоже. Живите, милые, вдумывайтесь, осознавайте. Да-да.

Он шатнулся и пошел к выходу, касаясь пальцами стульев, поставленных вдоль стен.

— Поговорили, — ухмыльнулся Дима. — Душевный старик. Ромик, проводи-ка его.

— До дома, что ли?

— В натуре. Слабó, что ли?

Зазвучала музыка. Он повернулся к Марианне.

— Потанцуем?

— Давай, — она вскинула руки на его борцовские плечи.

Зал вновь заполнился танцующими. Как и раньше, танцевали и в кружок, и разрозненной толпой, чтобы никому не было обидно. Те же, кто желал побыть вдвоем в полусумраке цветных вспышек, в первую очередь, молодожены, не отказывали себе в удовольствии прижаться друг к другу у всех на виду. Две пары на один класс — вот что значит близость к природе! Много, многое мог бы прошуметь темный лес.

Марианна и Дима танцевали свободно, не слишком близко.

— Когда ты уходишь? — спросила Марианна, поглядывая на него снизу вверх. — Действительно, послезавтра?

— Завтра. Сейчас полночь.

— Почему так сразу?

— Я и так просрочил, они заждались там, в военкомате. Майор все терпение потерял, каждый час звонит... Приходи на проводы.

— Приду. В Чечню, поди, сам напросился?

— Угадала.

— К своим поедешь.

— Не без того.

Дима был родом из Грозного, с тихой окраины. Совсем недавно у них там был беленький домик с садом. В нем цвели пурпурные розы, попевала майская клубника и черешня. А какие яблоки, вишни, абрикосы! Как все тамошние мальчишки, он всегда был здоров, черен от загара и вместе с Русланом, соседским пацаном, гонял по улицам затертый футбольный мяч. Их отцы работали на нефтеперерабатывающем заводе. Потом полетели снаряды. Все озлобились. Семья продала дом за бесценок, за железнодорожный билет, и приехала в Москву к престарелой бабушке-тетке. Пока отец не устроился на автобазу, Дима работал, где придется, потом снова взялся за учебники. Друг детства Руслан остался в Грозном. Связь между ними не прервалась, время

от времени от него звонили, просили лекарства. Антисептику, антибиотики, ранозаживляющие бальзамы. Для матери, так сказать, для родственников. Их доставала мама Марианны Татьяна Алексеевна, врач-хирург, поэтому отношения между Димой и Марианной были легки и доверительны. Правда, легко было одной Марианне. Дима же по своей простоте не мог вынести такой короткости с красивой девушкой. Она волновала его. Мужественный парень, каратист, он водился с подругами постарше, но сам дорожил только Марианной. Ему казалось, что она тоже отличает его. Как все влюбленные, он искал и находил знаки любви там, где их не было и в помине.

Сейчас, полуобнимая Марианну в танце, он спросил почти утвердительно.

— Ты будешь ждать меня?

— Я? — удивленно распахнула глаза Марианна.

Он смутился.

— Ну, хоть писать-то будешь?

— Отвечать буду, — согласилась она.

Музыка смолкла. Марианна шутливо присела в церемонном книксене и убежала. О его чувствах она знала давно, как знает каждый, кого любят. Но мало ли кому она нравилась! И в школе, и в изостудии, и в бассейне, даже в городском транспорте — везде находились ухажеры и воздыхатели, несносные, докучные. Порой и ей кто-то западал в сердце, но лишь на неделю-другую, не дольше. Лишь встреча с Сергеем Плетнёвым словно затаилась в уголочке, сама по себе. Но уже вернулось звонкое счастье свободы. Марианна ждала Его, мужчину-героя, которому можно довериться безоглядно и с которым ей предстоит самое сияющее, самое необыкновенное счастье на всю жизнь. Она первая смеялась, трезвая мечтательница, своим нежным снам наяву, потому что жизнь показывала совсем другие примеры, но душа летала и не хотела садиться на голую ветку без пышных цветов, да и как может быть иначе? У нее, такой красавицы, умницы! Марианна не скромничала и нельзя сказать, что сильно ошибалась.

Шел первый час ночи. Пышное платье помялось, обвисли в косах пышные пионы, да и настроение слегка снизилось. Поэтому Марианна решила сбегать домой переодеться в другой наряд, она уже приготовила его для второй части бала, все равно

одноклассники уже нагляделись на нее в новом платье. Дом ее был в двух шагах от школы. Выскользнув из зала, она сбежала по лестнице, вышла на широкое школьное крыльцо в благоуханные объятия теплой летней ночи.

За окном цветет виноград,
А мне всего семнадцать лет, —

— пропела по-французски свою любимую песенку из французского средневековья. — Ах, как хорошо!

— Марианна!

Дима курил в темноте возле отцветших кустов сирени. Бросив сигарету, он пошел рядом.

— Все про виноград свой поешь?

— А ты откуда знаешь?

— Ее вся школа знает, перевели давно, не задавайся. Ты далеко?

— Домой. На полчаса.

— Не убегай. Я долго думал, вот, стоял, курил.

— И напрасно. Курить вредно. Весь мир бросает, а он «стоял-курил», герой.

— Не смейся, Марианна. В общем, я не могу так уехать. Скажи прямо... — он запинался, чувствуя, что слова его не нужны ей. — Ты же знаешь, что я... как я к тебе отношусь. Для меня никого нет лучше тебя, никакой другой девчонки. Тебе никто и в подметки не годится. Марианна! Послушай! Не уходи так, не убегай!

Но Марианна лишь прибавила шагу. Ах, как скучно слушать признания, на которые не можешь ответить! Хуже горькой редьки, хуже репейника на чулке! И жалко Димку, свой, родной парень, не на гулянку же идет, в армию, но все равно противно... от прикосновений, попыток обнять, поцеловать. Да что, в самом деле! Поцелуй какие-то! Не он, не он! Как можно не понимать простых вещей?!

— Ты замечательный парень, Димочка, у тебя еще будет настоящая любовь. Ты этого достоин, я уверена. А мне надо идти, мама ждет, уже поздно, — она говорила все подряд, лишь бы охладить пыл этого мужлана, который, выпив, должно быть, с ребя-

тами, становился груб и опасен в ночной темноте на безлюдной улице. — Все, будь здоров!

Она свернула во двор. Но не тут-то было. Его железные борцовские руки сомкнулись вкруговую за ее спиной. У самого дома, у подъезда он прижал ее к стене и стал быстро водить рукой по ее телу, по запретным местам, путаясь в пышных складках платья. Рот его искал ее губы.

— Марианна, Марианна! Не уходи, подожди... — Он дышал шумно и загнанно, как паровоз. — Ну, Марианна, постой, побудь со мной...

— Отстань! — вскрикнула она, с силой отпихивая его. — Убери руки. Еще не хватало...

Ее платье затрещало в его руках. Он опомнился, и Марианна, пользуясь мгновением, вырвалась, вбежала в подъезд, в лифт, взлетела наверх на пятый этаж. Минута, и она отворила дверь своей квартиры.

Мама уже легла. Горела, как всегда, маленькая лампочка в коридоре, чтобы не страшно было входить в темную квартиру. Услыша ее, Татьяна Алексеевна поднялась и накинула халат. Спрыгнула со шкафа и Туська, зеленоглазая красивая кошка.

— Что случилось, Масенька? За тобой гнались?

— Нет. Я бежала... переодеться.

— Не переодеться, а спать, уже поздно, скоро светать начнет.

— Спать в такую ночь? Ни за что! На рассвете придет автобус, поедем в центр, на Красную площадь.

— Ты одна пришла? Мне показалось...

— Меня Дима проводил, — засмеялась Марианна — От самой школы до самого подъезда.

— Понятно, — мать улыбнулась.

— Он в армию уходит, знаешь? В Чечню.

— Сочувствую его родителям.

— Он будет нам писать. А мы... мы должны отвечать. Да-с.

Марианна закрылась в ванной комнате, зашумел душ, мама заварила свежий чай, расставила чашки, разрежала торт, который припасла для дочки в честь ее праздника. Та вышла свежая, румяная, с влажными кудрями, увидела накрытый стол и захлопала в ладоши.

— Спасибо, мамуленька.

Они уселись полуночничать, пить чай и разговаривать.

В актовом зале по прежнему гремела музыка. Танцующих стало меньше, кто-то ушел домой, другие уселись стайками и принялись говорить, смеяться, вспоминать разные приколы за все школьные года, сознавая, что это в последний раз, больше никогда не собратся им в родной школе, что уже завтра, сегодня начнется иная жизнь. Потом снова шли танцевать, возвращались к столам за остатками угощения, разливали потихоньку какой-то алкоголь, по капельке, чтобы хватило на всех, неумело пили. В туалетных комнатах плавал табачный дым.

Оля ждала Диму. Она видела, как он вышел покурить и как почти следом скользнула Марианна. Оля мучилась. Все два года, с тех пор как Дима появился в классе, она замирала от волнения, если видела его хоть издали. Никто не знал об этом, кроме... конечно же, кроме Димы. Невозможно скрыть любовь, когда она есть, как невозможно подделывать ее присутствие. Глаза Оли, голубые, ясные, выдавали ее с головой, Дима постоянно ловил на себе ее беглый застенчивый взгляд. Но ему, первому парню на деревне, не было корысти связываться с невидной белобрысой девчонкой, веснушек которой никогда не касалась косметика. Ему нравились крупные развитые девки, развязные, как в рекламе. А любил он одну Марианну, дерзкую и отважную, не то, что эта тихоня и скромница.

Оля мучилась. Никому, даже Ленке-хохотушке, задушевной подружке, не могла она рассказать о своей тайне. Любовь болезненно заполняла все ее существо, жила вместе с нею, казалось, с самого Олиного рождения, давно и ровно, без сомнений и надежд. Оля покорилась, не борясь — или Дима, или никто. И вот теперь он уходил в армию. А сейчас ушел с Марианной. Оля даже не ревновала, она мудро чувствовала, что они не пара, что пара для Димы — она, Оля, это же так очевидно... А он не видел.

Дима вернулся хмурый. Сел в угол зала, уперся локтями в колени и стал глядеть в пол. Потом и вовсе обхватил руками стриженую голову. Оля все поняла, сердце ее сжалось.

— Объявляется белый танец! — прокричал Саша, подражая диск-жокею.

Ребята насторожились. Кого пригласят? Скрывая улыбками самолюбивое волнение, они застыли на своих местах. Оля почувствовала головокружение. Сейчас! Вот сейчас она сделает это. Другого случая не будет. Гулко билось сердце. Она поднялась. К нему, к Диме! Ну же, смелей...

Тоненькая, в белом платье, она, замирая, пробежала по залу и встала перед Димой.

— Пойдем?

— Пошли, — согласился он снисходительно.

Они танцевали, как и все, нечто неопределенное, просто топтались под музыку, медленно продвигаясь по залу.

— Ну, что молчишь-то? — он смотрел сверху на прямой пророб в ее светлых подвитых волосах, чувствовал ладонью худенькую спину.

Она тоненько кашлянула, но промолчала. Он усмехнулся.

— Два года смотрела, глаз не сводила, а теперь молчишь? — он прижал ее к себе. — Уеду ведь. Можно сказать, уже завтра.

— Завтра? — прошептала Оля, вскидывая глаза.

— Завтра, завтра. На кого тогда смотреть станешь?

— Ни на кого, — тихо сказала она.

Дима даже приостановился.

— Пра-авда? — и отстранился, заглядывая ей в лицо. — Ты это серьезно?

Она опустила голову.

— Нет, честно, — ему не верилось, что этот неожиданный разговор происходит наяву. — Слово даешь?

— Даю.

Он присвистнул.

Оля молчала. Она видела перед собой пуговицы его рубашки, такие милые, с двумя дырочками, непрочно пришитые двумя-тремя стежками. Дима! Если бы ты знал...

Он облизал пересохшие вдруг губы.

— Сейчас я выйду курить во двор, приходи и ты минут через десять. Я буду ждать. Погуляем, поговорим.

— Хорошо, — безропотно кивнула она.

Ночь была по прежнему прекрасна. Месяц узким серпиком светился среди тонких облаков, чуть озаряя их шелковистым светом, волны теплого душистого воздуха обнимали и словно покачивали темные деревья, травы, цветы. В парке, куда они свернули, пели ночные птички голоса, пахло фиалкой и горьковатой древесной корой.

— Ты не боишься ехать в Чечню? — спросила Оля.

Он пожал плечами.

— Это моя родина, я там все знаю, могу разговаривать с любым чеченцем. Между прочим, раньше в Грозном была очень хорошая жизнь. В горах — да, там люди суровые, а в городе любой продавец фруктов всегда сыпал сверху в подарок. А если у старушки денег не хватало, то наполнял ей бесплатно полную кошелку, сколько унесет. Сейчас, конечно, не то. Такую обиду не скоро простят.

Оля слушала, не дыша. Впервые она шла рядом с Димой, разговаривала о серьезном. Вокруг стоял лес, пищали комары, тянуло лесной свежестью. Вдруг запел, защелкал соловей, второй, третий. Лес наполнился их любовным томлением.

Дима привлек ее к себе.

— Ты меня любишь? Да? Скажи. Да?

— Да.

Он прижал ее к себе и стал целовать. Потом поднял на руки и донес до скамейки, широкой, с изогнутой спинкой. Оля оказалась у него на коленях. Поцелуи возобновились, становясь смелее и горячее.

— Маленький мой, зайчик мой, — шептала в упоении девушка, наслаждаясь его лаской. — Солнышко мое, как долго я тебя ждала...

Она не заметила, как оказалась лежащей на скамейке. Его лицо склонилось над нею, а руки что-то готовили, в то время как жадные губы не отрывались от ее рта.

— Ой! — вскрикнула она. — Ой, не надо! Оставь, не надо!

— Надо... — сдавленно отвечал он, — говорила же, что любишь. А вдруг я не вернусь? Потерпи немного...

В зале давно уже не танцевали, стулья были сдвинуты в один угол. Пели песни, вспоминали случаи, походы, школьные

вечера. Все казалось значительным и милым, ведь это происходило именно с ними, в их жизни, в той ее части, которая уходит сейчас безвозвратно. За окнами разгоралась румяная заря, от бессонной ночи чуть звенело в ушах, но самая сонная пора — «сторожка спят» — с двух до четырех часов миновала, спать уже не тянуло, а неугомонный Сашка, всю ночь бывший распорядителем бала, так и сыпал шутками, развлекая всех сразу.

Марианна сидела с друзьями. Она вернулась в брючках и широком шелковом блузоне-размахе на мелких пуговках с воздушными петлями: три пуговики сразу, промежутки, и снова три и три. Это было собственноручное изделие, от задумки до исполнения, даже шелковый цветок из той же ткани на груди слева. Волосы она заколола на затылке русым узлом, из середины которого вился своеобразный завиток. К ее удивлению, Дима никак не приветствовал ее возвращение, он сидел на стуле и полу-спал, положив руки и голову на спинку переднего стула.

— Так проходит любовь, — проговорила она и по-своему щелкнула его по макушке.

Автобус подошел к пяти часам. Чистый, сверкающий стеклами, двойной, похожий на гусеницу, он остановился за школьными воротами и посигнализировал.

— Ура! — раздался общий крик.

Все вскочили и ринулись вниз по лестнице занимать места.

Марианне не хотелось, чтобы Дима с обычной назойливостью сел возле нее. Но он... он даже не пытался! Вместе с ребятами он устроился в самом конце салона, словно не замечая Марианну. А с нею села Любовь Андреевна, подкрашенная, причесанная, надушенная, словно и не бодрствовала с учениками всю ночь.

— Мальчики! — позвала она, — поднимите-ка сюда вон ту сумку, что осталась на ступеньках

— А что в ней такое?

— Догадайтесь.

— Еда?

— Возможно.

— У-у, мигом.

В большой сумке и впрямь оказались бутерброды, пирожные, апельсины, вода, стаканчики и салфетки, заботливо заготов-

ленные классным руководителем с вечера, когда столы ломились от яств.

Шофер повернулся к ней.

— Все на месте, больше никто не подойдет?

— Все сели? — оглянулась Любовь Андреевна.

— Оли нет, — заметила Лена. — Она хотела ехать. Надо подождать.

— Ее давно нет, — вспомнили другие. — Семеро одного не ждут. Поехали, поехали! Вперед, навстречу солнцу!

С песнями автобус покатиł мимо тихих домов. Солнечный шар оказывался то впереди, то справа, огромный, взлетающий, наливающийся на глазах нестерпимым блеском. Навстречу двигались поливальные машины, пустынный город казался светлым и просторным. Автобус помчался по Ленинскому проспекту, среди новых высотных домов, стоящих широко на покатой равнине, доступной всем ветрам; потом пошли массивные академические здания с колоннами и чугунными оградами, мелькнуло несколько старинных особняков, украшенных лепниной по фасаду, засверкали стеклом современные офисные строения, втиснутые между обычными жилыми корпусами. При выезде с улицы Полянка открылся прекрасный вид на Кремль, четкий широкий мост, Москву-реку и огромный златоглавый храм слева. Все притихли. Было незабываемо красиво.

Наконец, приехали. Автобус остановился на Манежной площади. Здесь уже толпились выпускники других школ, веселые, нарядные, с цветами и разноцветными воздушными шарами, продававшимися повсюду. Прибывших встречали аплодисментами и радостным гулом. Постояв у Вечного огня, пошли на Красную площадь. Длинной цепочкой, взявшись за руки, поднимались по брусчатке навстречу главной башне Кремля. Никто не хотел быть излишне чувствительным, но, что ни говори, любовь к родному городу живет в глубине души, особенно в такие минуты! «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля... кипучая, могучая, никем не победимая...»- нестройно потянули голоса и смолкли, не зная слов.

Часы на Спасской башне пробили шесть раз.

— Оо-уу-ээ! — зашумела молодежь. — Вставай, страна огромная!

Сразу несколько магнитофоном врубились наперебой, всех охватил счастливый порыв. Молодой народ принялся танцевать на гладкой брусчатке, ходить на руках, просто прыгать на месте. Образовали огромный хоровод, больше, больше, побежали по кругу, быстрее, быстрее. Расцепили руки, сделали арку, стали играть в «ручеек». Шум, гам, смех, хохот. Конечно, милицию была готова к встрече с буйной неуёмной сменой, но стояла поодаль, не вмешиваясь. Молодые должны отбеситься, это полезно для здоровья, как доказывают психологи.

Зато вовсю шустрили фотографии.

— Мгновенная фотография на память! Цветная открытка на всю жизнь!

— Марианна, ты не сердись на меня? — Дима казался смущенным, но совсем чуть-чуть, слегка.

— Я? Ничуть. А надо? — Марианна сделала наивные глаза, не переставая подпрыгивать под музыку.

Он ударил кулаком о кулак.

— Вот за что я тебя уважаю. И откуда ты взялась такая на мою голову? Не уступаешь, не то, что некоторые.

— Какие такие некоторые? Почему не знаю?

Он обнял ее за плечи.

— Пойдем, сфотографируемся на память.

Они встали в очередь. Сначала, по просьбе Димы, ее сняли одну на фоне Василия Блаженного, потом они встали вдвоем, смеясь, подняли руки в приветствии. После этого Дима снялся один. Услуга стоила недешево, пришлось сложиться, чтобы оплатить несколько фотографий, зато качество оказалось превосходным. Марианна, румяная, хорошенькая как актриса, улыбалась нежно и задорно, глаза ее лучились, прядка волос лежала на лбу, отделенная от прически свежим утренним ветерком. Зато Дима, несмотря на улыбку, получился унылым, словно бы виноватым, особенно глаза, в которых таилась настороженность.

— Похоже, Димочка, у тебя душа не на месте, — объявила ему Марианна. — Покайся, пока не поздно, в чем согрешил?

Он быстро взглянул на нее и отвел глаза. Она засмеялась.

— Угадала! Что натворил на пороге новой жизни? Ну-ка, ну-ка... Признавайся, а то не будет удачи, — она шутила, не подзревая, как точно, слово за словом, попадает прямо в цель.

— Грехи наши тяжкие, — усмехнулся он.

— Солдат всегда солдат, — почему-то произнесла она, хлопнула в ладоши, подпрыгнула, круто повернулась и убежала.

Он ошалело посмотрел вслед. Провел ладонью по стриженной голове, поморгал рыжими ресницами и закурил.

На обратном пути весь автобус заснул. Лишь классный наставник, бдительная Любовь Андреевна была, как обычно, на своем посту. «Какие вы все красивые, молодые, — любовалась она. — Как открыты всему хорошему! Дай вам Бог, ребята, мирной жизни и добрых людей на пути».

Возле школы некоторых пришлось тормозить и расталкивать по-настоящему.

— Вставай, в школу пора! Уроки проспичь! Звонок давно было!

Опять стало весело.

— Прощай, школа! Прощайте, великие мыслители над входом! Здравствуй, новая жизнь!

Вечером у Димы собрались близкие друзья. Квартира была тесная, однокомнатная, на первом этаже. Старой родственницы уже не было, о ней напоминала ее мебель, сделанная лет сорок-пятьдесят назад, крепкая, береженная, можно сказать, уже старинная, середины века, с точеными фигурными ножками, деревянными листочками. И за стеклами серванта с их морозными матовыми узорами тоже красовалась редкостная посуда. Стулья тоже были под стать обстановке, с высокими резными спинками, с плюшевыми сидениями, к сожалению, всего два стула. Поэтому сейчас вокруг дубового раздвинутого стола гости сидели на табуретках, чемоданах, на досках, положенных на две опоры.

Как всегда на таких торжествах, было много вина, водки, пирогов, салатов-винегретов, холодца, жареных куриных ножек. Шум, смех, табачный дым наполняли дом. Мать с заплаканными глазами подавала угощение, меняла тарелки, собранные по соседям, отец разливал по рюмкам и стаканам.

Последний нонешний денечек

Гуляю с вами я друзья,

*А завтра рано чуть светочек
Заплачет вся моя семья.*

— запели ребята, положив руки друг другу на плечи и мерно раскачиваясь за столом из стороны в сторону.

Из всего выпуска в армию уходил пока один Дима. Остальные юноши надеялись поступить в институты, *оттянуть*, либо вовсе *откосить* от военной службы. Вечер перешел в ночь, но соседи по дому терпели пьяный гомон, крики, всплески беспорядочного веселья, орущий магнитофон. Ничего не поделаешь, проводы в армию.

— Марианна! — кричал Дима. — Жди меня! Обещаешь?

— Не сомневайся, Димочка, — отвечала она под взглядом его матери.

Та грустно улыбалась.

Никто не знал, что через улицу, на балконе своего дома сидела и тихонько плакала в темноте Оля. Она до последней минуты ждала приглашения на проводы, вспоминала все, что случилось между ними, его ласки, свою нежность, и не верила, не верила, что все это ничего не значило. К вечеру забежала выпавшаяся Ленка, тряся кудрями, протараторила о поездке на Красную площадь и умчалась на проводы. Оля тоже ушла из дома, ходила-бродила по парку, присела на *ту* скамейку и все звала, звала в душе Диму. Темнело. Было тепло и таинственно, как вчера, и соловьиные трели были так же сладостны и томительны.

На обратном пути она прошла мимо его дома. Окна были раскрыты, из квартиры доносился шум, музыка, на подоконнике сидела Марианна и любезничала с Димой. С тоненьким стоном Оля побежала прочь. Сейчас, в теплоте ночи, среди цветов, благоухающих в длинных подставках, она давилась слезами, тихо, чтобы не услышали родители и младшие братья. Но и тень обиды не омрачала сердце.

— Я все равно тебя люблю, Дима, — шептала она, словно он был рядом. — Я буду думать о тебе день и ночь, день и ночь, я не могу по-другому. Служи спокойно, я буду тебя ждать.

Что за город был до войны Грозный! Мощный, крепкий, словно из единого куска скалы! Никуда бы не уезжать из него, жить с друзьями и соседями... А что теперь? Где величественный, построенный на века главный проспект, где надежная гостиница из основательного тесаного камня, где театр, куда ходили всем классом на утренние спектакли? А маленькие кафе, куда забегали в мае посидеть за бокалом молочного коктейля со свежей клубникой, а светлые прямые улицы, в просторах которых приезжему человеку грезилось море? Почему так случилось? Руины, руины. Они уже не горели, не дымились, но и не разбировались, жители ютились в подвалах, им было холодно и бесприютно в родном городе.

Зато горела душа.

В первую же увольнительную Дима навестил Руслана. В свой дом он не пошел, лишь постоял, закусив губу, перед забором. Одна плашка забора по прежнему держалась лишь на верхнем гвозде, это была детская тайна, лаз, чтобы убежать без разрешения. Возле крыльца стояла та же конура, но без Пирата. В их белом одноэтажном доме жили другие люди, купившие его за тройку билетов, когда Соколовы спешно уезжали в Москву к спасительнице-старушке.

Дима толкнул соседнюю калитку. Увидя солдата в форме, в доме закричала женщина. На крыльцо выскочил бородатый мужчина с автоматом в руках.

— Руслан, не стреляй, это я! — успел крикнуть Дима, падая на землю. — Салам алейкум!

— Димка! Алейкум салам!

Они обнялись. Руслан был неузнаваем. За четыре года он стал настоящим мужчиной, воином, отцом двух детей. В его жене Дима узнал одноклассницу Патимат, красивую строгую чеченскую девушку, всегда опускавшую глаза перед мальчиками. Для молодежи Чечни существуют очень строгие правила поведения, и никто не решился бы запросто взять девушку за руку. Предписания для замужней женщины не менее суровы, но и мужчина несет неукоснительные обязательства перед семьей и всем родом. Первейшие из них — безопасность и благополучие семейства.

В доме все было по прежнему. Ковры, легкая мебель, чистота. Навстречу ему поднялась грузная женщина, мать Руслана,

обняла его и заплакала, двое черноглазых карапузов, мальчишки, смотрели на него испуганными глазами и вдруг громко заревели. Патимат увела их и больше не появлялась. Дима отдал подарки: сладости, игрушки, шелковый отрез и большую банку оливкового масла. Мать подала жареную баранину, зелень, сыр. Разговор стал доверительной беседой друзей, понимающих, что есть темы, которых лучше не касаться. Поговорили об одноклассниках, о Москве, о здоровье родителей. Дважды звонил мобильный телефон. Руслан отвечал кратко, говорил, что занят и скоро перезвонит сам. Наконец, пришла пора уходить. Руслан поднялся вместе с ним. Полагая, что это дань вежливости, Дима было запротестовал, говоря, что помнит каждый камень, но Руслан прервал его.

— Я провожу тебя лишь мимо одного места. Не все знают, что ты мой друг — и вышел вместе с ним.

Они пошли переулками. Была середина лета, в садах зрел урожай, на грядках поспевают томаты, ярко зеленела киндза.

— Каких дров наломали, Руслан? Ты ненавидеть меня должен...

Тот молчал. Они почти достигли широкой улицы, когда Руслан неожиданно и сильно толкнул Диму с тротуара.

— Ложись!

Он опоздал. Пуля просвистела мимо Диминой груди, сбила, словно срезала, армейский значок.

— Эй, прекрати! Он со мной, не видишь? — закричал Руслан, не показывая Диме, в какую сторону предназначаются его слова.

— Круто, — Дима поднялся, поковырял пальцем рваную дырочку, оставшуюся на гимнастерке. — Вы всех гостей так встречаете?

— Незванным гостям и не так достается, — усмехнулся Руслан.

В начале улицы, откуда просматривалось расположение военной части, Руслан на прощанье хлопнул его по спине.

— А тебя, оказывается, Аллах любит, джигит! — подмигнул он, показывая в широкой улыбке ровные зубы, потом захватил пятерней свою бороду, легонько дернул. — Можно сказать, второй раз родился.

— Почему?

— Потому, что этот снайпер промахов не дает. Видно, за тебя какая-то женщина молится.

— Мать, наверное.

— Нет. Смерть от мужчины молодая отводит. Все, прощай, будь осторожен, один не ходи, в темноте тоже оберегайся. Аллах Акбар!

— Давай.

«Молодая... — он качнул лицом. — Что за дела?».

Ему было крепко не по себе.

В части, доложив о возвращении, Дмитрий заступил на дежурство, сменив Гошку Алексеева, веселого москвича с гитарой. Тот был сыном банковского служащего, но в душе своей был поэтом, скитальцем и сухопутным мореходом, знал назубок оснастку всех парусных судов, бредил коралловыми островами, белыми пляжами и пальмами, и обо всем этом пел под гитару.

*В час прилива на лиловом побережье
В благовонных рощах, где ликует какаду,
Бригантину с именем девичье-нежным
Я на камне полосатом жду.*

Сейчас Гошка, быстро шагнув к нему, пригнулся и уставился на дырку в зеленой пятнистой рубашке.

— Ничего себе, отметина! О, Родина, нежны твои объятия! Как цел остался, брат? За кого Богу молиться?

Он был серьезен, хотя и дурачился. Он был очень умен.

— Полный атас, — Дима помотал головой. — Ну, встретили, угостили по всем законам, а на обратном пути чуть не загремел. Я почувствовал, как пуля чиркнула по груди. По родной земле, блин, как заяц скакать будешь да оглядываться, — он выругался крепко и замысловато.

— Из таких гостей не принесешь костей, — сказал в рифму Гошка-поэт. — В рубашке родился, кто-то за тебя поклоны бьет. Поздравляю с боевым крещением. Все, бывай.

Дима молча посмотрел ему вслед.

В жаркие дни июля Оля отнесла документы в педагогическое училище. Она хотела стать учительницей младших классов, как Клав-Диванна, и, может быть, даже в своей школе. Семья не препятствовала. Отчим ее, деловой человек, армянин, державший бензиновый бизнес, был слишком занят и ни во что не вмешивался, а мама, хотя и поддерживала, но...

— Очень подходящее дело для женщины, — определила она, — правда, не денежное. Может, не стоит спешить, дочка? Здоровье не купишь. Экзамены да экзамены, мыслимое ли дело. Отдохни годик, наберись сил. Мы, слава богу, не бедные.

Анна Николаевна была заведующей буфетов Аэрофлота и знала, что говорила. С хорошим здоровьем можно спроворить любую работу, тут диплом в подспорье, что и говорить, но с юных лет впрягаться в деловую гонку вредно, тягловая сила приходит позже. А семнадцать-то лет кто решает на всю жизнь? Сначала бы отдохнуть, съездить куда-нибудь развяться, а потом и посмотреть на свежую голову.

Но Оля не хотела терять времени. Экзамены начинались двадцать пятого июля. Первый сочинение, потом математика, за ней почему-то история. Ворчливые слова матери словно приоткрыли ей дальнейшее многообразие жизни на годы и годы. Оля успокоилась и вернулась к учебникам, как к старым друзьям, с помощью которых она мягко вступит в новую жизнь. Однако новые мысли мало-помалу завладели ее существом. Недели через три после ночного свидания с Димой она ощутила легкую незнакомую дурноту. Стоило ей посмотреть на сметану, которую она всегда любила, особенно с вареньем, или просто подумать о жире, о пирожных с кремом, как ее передергивало от отвращения. Даже мысль о них вызывала тошноту. Такого с нею никогда не бывало. Потом начались головокружения от запаха мяса. Оля ужаснулась. Она поняла, что именно с ней произошло, но поспешила уверить себя, что это ошибка, которая бесследно рассеется дней через десять, не позже. Как она прожила это время, страшно вспомнить. Дальше стало еще хуже, подозрения укреплялись с каждым днем. Сомнений не было. Страх, точно колючий еж, поселился в ее душе. Как быть? Куда идти? К какому доктору? За чем?

Она чувствовала себя на краю пропасти, и пропасть эта дышала в лицо смертельным холодом.

Мать же старалась кормить свою дочку на-славу. Самые вкусные колбасы, котлеты, жареные окорочка, студни, пирожные выставляла она стол для нее и двух младших сыновей, смуглых сообразительных мальчишек. Братья ели за четверых, Оля не ела почти ничего, кроме фруктов, но Анна Николаевна была спокойна. А дочка в это время прощалась с жизнью. Строчки учебников вихрились где-то вне ее сознания, все мысли с ужасом разбивались об один и тот же вопрос, и даже не вопрос, а губительное предчувствие неминуемой беды. Она уходила в лес и плакала, плакала, обняв древесный ствол. Но и тогда в ее душе не родилось ни укора, ни упрека.

За сочинение Оля получила четверку. Готовясь к математике, старалась отвлечься, вникнуть в задачи и примеры, решала, справлялась, но будто шла по проволоке над обрывом. Что делать, что делать?

Была суббота. Отец увез сыновей на дачу, мать осталась дома, собираясь пройтись по магазинам, и громко разговаривала с дочерью через всю квартиру. Оля через силу одевалась на выход, на консультацию перед математикой. Сегодня ей было особенно нехорошо.

— Я пошла, мама, — проговорила она еле слышно и больше не видела ничего, упав у самой двери.

Очнулась на широкой постели в спальне родителей.

— Оля! Оля! — слышался далекий голос.

Она открыла глаза. Мать стояла над ней и натирала ей виски одеколоном.

— Слава Богу! — проговорила она, — лежи, не подымайся. Я вызову «скорую».

— Не надо, — качнула головой Оля.

— И то правда, ты в себя пришла, — согласилась Анна Николаевна. — Тогда участкового терапевта. Говорила я, не надо этих экзаменов, будь они неладны.

Оля заплакала. Она отвернулась к стене, слезы стекали на парчовое одеяло.

— Не надо терапевта, мама. Я не больна. Я сейчас пойду.

Она села на постели, мигая мокрыми ресницами. Мать молча смотрела на дочь. Что-то ей мелькнуло... Оля, бледная, как полотно, поднялась на ноги, качнулась и вновь опустилась на постель, едва не подломив руку.

— Доча, что с тобой? — тихо проговорила мать.

Оля не отвечала. Она снова отвернулась к стене, слезы бежали ручьями. Поникнув, мать молча присела возле нее, стала гладить ее тонкую руку, пальцы.

— Давно?

— Полтора месяца, — прошептала дочь.

Мать сидела, раскачиваясь, как болванчик.

— Женится? — спросила безнадежно.

Оля помотала головой. Та вновь принялась раскачиваться вперед-назад. Озабоченное лицо ее застыло на одной мысли.

— Так, дочка, — наконец, сказала она с твердостью. — Я должна тебе кое-что рассказать. Давно бы пора, да я все медлила, балда, медлила. Все думала, рано, рано.

И просто, по-домашнему, Анна Николаевна рассказала дочери, что в их роду по женской линии существует закон: первая беременность должна закончиться родами, иначе детей не будет вообще.

— Мне об этом сказала твоя прабабушка. А тетя Нина, сестра моя, не поверила, хотя и была замужем, вот и осталась бездетной. Зато я...

— Значит, я родилась не в браке? — посмотрела на нее Оля. — И мой отец не погиб в экспедиции?

Женщина вздохнула.

— Мне тридцать пять, доча. Тебе скоро восемнадцать. Вот и считай, какой там брак. Зато ты живешь, на белый свет глядишь. Неужто плохо?

Они помолчали.

— А как же папа? — спросила Оля.

— С ним я познакомилась, когда тебе было уже два года. Ребенок, знай твердо, лишь украшает молодую женщину, если она самостоятельна, весела, следит за собой и не падает духом. Ребенок — это такая радость, Оля, ни с чем не сравнится. Подожди, сама увидишь. Мужики не дураки, видят, где им хорошо. Как говориться, замуж выйти — не напасть, как бы замужем не

пропасть. Вот и будешь выбирать спокойно. Все к лучшему, доченька. Рубен тебя поддержит.

— Где вы встретились?

— У входа в метро. Я выходила, он входил. Увидел меня и все забыл, куда, откуда, идет за мной, одну меня в целом свете видит. Эх-ма! Совсем недавно, будто вчера, а уже пятнадцать лет пролетело.

Оля лежала спокойно, дыхание было ровным, почти незаметным. Бледное лицо порозовело. Впервые за последний месяц кошмар больше не вился над нею. Мать умела снять тяжесть с души. Жизнь возвращалась. Оля обняла маму, прижалась к ней. Их слезы смешались.

— Спасибо, мамочка, я так переживала, до края дошла.

— Знаю, доченька.

— Я уже туда смотрела...

— Тихо, тихо, брось эти мысли. Все позади. Теперь тебе и свою жизнь жить, и ребенка растить. Мы тебя любим, всегда с тобой, держись за свою семью. Все вместе малого подыдем.

— Тебе кажется, мальчик? — смущенно спросила дочь.

— Как мне, бабке, торкнуло, значит, так и будет, внучок народится. Дай-то Бог. И никого не бойся, ходи смело, голову не опускай. Сейчас главное — здоровье. Твое и ребенка, он уже настрадался, пока ты раскачивалась. Отдыхай, ягоды собирай на даче. В сентябре в Крым поедem, в море купаться.

— Родненькая моя! — Оля снова заплакала, прижавшись к матери, потом с тревогой вскинула глаза. — А что папа скажет? Ты же знаешь, какой он, когда разойдется.

— Я с ним поговорю, не бери в голову. Рубен поймет, — она со вздохом обняла Олю и усмехнулась. — Как моя мать в тридцать шесть лет стала бабкой, так и я, как раз к тридцати шести подгадаю. Значит, ничего не поделаешь, от судьбы не уйдешь, суженого-ряженого на коне не объедешь. Ох-хо-хо. Слава Богу, поговорили. Лежи, сил набирайся. Я в магазин пойду. Чего тебе хочется, чего душа желает? Огурчика малосольного, селедочки?

— И кефира.

— Кефир не стоит пить сейчас, там спирту много. Творожку куплю, ягод.

— И мороженого.

— И мороженого. Два возьму, мне тоже охота. Я ж у тебя молодая, меня еще «девушкой» называют.

— Ты самая красивая, мамочка, самая хорошая. Как бы я сейчас без тебя...

— А-а... Так-то вот и меня мои поддержали. Уж как я убивалась, как убивалась по дураку тому непутевому! А дома ни полсловечка худого не услышала, ни упрека, взгляда косоного, ничего. Родная кровь — великое дело.

Стоял ранний сентябрь. Дни были яркие, совсем летние, и лишь кое-где в зелени деревьев, словно ранняя седина, проглядывали пожелтевшие ветви. В Академии текстиля шли занятия по рисунку. В светлом двустороннем зале вкруговую у центрального возвышения сидели перед мольбертами студенты, и, поглядывая на стоящего вполоборота обнаженного пожилого мужчину, усердно водили мягкими карандашами по большим листам бумаги, вырисовывая голову, торс, руки, ноги. Натура была дрябловатая, изрезанная складками и морщинами, нелегкая для рисования, поскольку требовала тонкого владения светотенью. Сквозь белые занавеси струился мягкий свет, долетал ветерок, доносился уличный шум и редкие автомобильные гудки.

Все углубленно работали. Преподаватель, молодой полнеющий мужчина с бородкой, в мелких круглых очках, похожий на сельского интеллигента прежних времен, медленно ходил между рядов. Постояв за спиной рисующего, он наклонился и тихонько направлял его руку. Немного дольше он задержался возле Марианны, чуть заметно кивнул головой и проследовал дальше.

В коридоре прозвенел звонок.

— Подпишите и сдайте работы мне, — сказал художник. — Марианна, оставайтесь, пожалуйста.

— Я только вымою руки, Миша, сейчас, одну минуточку, — Марианна, напевая, побежала в коридор, держа перед собой испачканные карандашной пылью ладони.

Он оглянулся вслед, чуть щуря глаза, словно собирался ее рисовать. Через минуту она вернулась и встала в струнку.

— Как лист перед травой.

Он засмеялся.

— Прекрасно. Мне нравится ваш рисунок, Марианна, у вас необычная собственная манера. Мне бы хотелось взглянуть на ваши домашние наработки, чтобы, по возможности, выбрать из них для студенческой выставки. Не возражаете?

— Я на седьмом небе, Миша.

— Тогда принесите то, что считаете удачным, в мою мастерскую. Знаете, где это? На улице Вавилова, шестьдесят пять. Вот адрес. В понедельник, среду, пятницу, когда удобно. Долго не собирайтесь, время дорого.

— Спасибо.

— Посмотрим, посмотрим.

Он ухватил папку со студенческими работами и быстро вышел.

«Ай да я!»- подпрыгнула Марианна.

Первые студенческие дни казались сказкой. Стипендия, новые друзья, лекции о творчестве. И поклонники. В первую же неделю ее проводили до дому пять человек, один за другим, все со старших курсов. «Что же будет дальше? Арифметическая прогрессия?» — счастливо зажмурилась она. После экзаменационно-вступительной страды Марианна вновь обрела свое обычное счастливо-летающее состояние, шутила, звонко-призывно хохотала и кокетничала направо и налево.

— Ах, хорошо! Ах, удивительно! — начинался и заканчивался каждый ее день.

Сейчас она заспешила на третий этаж в аудиторию ручного ткачества, первокурсница в короткой бархатной юбочке песочного цвета, желтой блузе и кожаной зеленой жилетке с золотистой строчкой вдоль скругленных бортов. Зеленую кожу для жилетки она сняла с одной старомодной сумки, которую дешево продавали на развале у станции метро «Щелковская», а на подкладку выкроила лоскут переливчатого шелка из старого маминого плаща. Скроила и прострочила, не дрожа от нетерпения, золотым люрексом за одно воскресенье, а в понедельник явилась в обновке. «Полный отпад!»- сказали девчонки. И теперь время от времени она украдкой отводила пальчиками изнанку, любясь игрой цветов, и это тоже было лучиком счастья. Ах, чудно, славно! И косы она сохранила. Со всевозможной тщательностью укладывала их в

блестящие перевитые пряди по обеим сторонам головы, будто принцесса Лея из «Звездных войн».

Школа, изостудия, прежняя жизнь преобразовались в новую, полную творческого общения и захватывающих трудов, ведь если сосредоточиться и взяться изо всех сил, можно сделать все!

Но тянулись письма от Димы. Они приходили дважды в неделю, многословные, на шесть тетрадных листов, убористые, с подробностями о солдатской жизни, учениях, десантах, друзьях, их стихах про океаны и, конечно же, в каждой строчке о любви, любви, любви. С их страниц подымалась волна молодого мужского томления, такая волнующая для той, что ждет солдатских писем изо дня в день, и столь неуместная, когда читаешь вполглаза по диагонали. «Зато почерк отменный, — вздыхала Марианна, — с завитушками, росчерками, ошибками», Скрепя сердце, она отвечала через три послания на четвертое, придумывала какие-то новости, обще-московские сплетни, приветы от одноклассников. Радость, ее спутница, невольно светилась между строк, питая пустые надежды военнослужащего Дмитрия Соколова.

В аудитории декоративного искусства все получили деревянную рамку — «станок» размером с альбом для рисования, моток толстых суровых ниток, круглую деревянную палочку — «пруток» и клубочки цветной шерстяной пряжи.

— Господа студенты! — Улыбаясь с едва заметным превосходством, перед ними встала аспирантка Академии красавица Инга Вишневская. — Мы приступаем к освоению ручного ткачества. Здесь на стенах висят гобелены и шпалеры, то-есть тканые ковры-картины, созданные в прошлых веках и в наше время. До Нового года вам предстоит соткать свой гобелен по собственному рисунку и получить зачет. Лучшие работы удостоятся места на выставке и премии. Начинаем.

Ингу Вишневскую все заметили еще в первый день, на торжествах посвящения в студенты; главным впечатлением от нее оказалась ее внешность и наряды, созданные с участием ее высокого искусства. Ее представили как мастера во всех видах декоративного художества, строгую до въедливости наставницу. Это чувствовалось.

— Записываем порядок *сноровки основ*, — не теряя времени, начала Инга. — Первое. Конец нити клубка перекинуть через верхний вал на рабочую сторону станка и привязать к левому концу прутка слева направо. Показываю.

Часа через два на всех станках подросли сантиметра на три-четыре толстые коврики из яркой шерстяной пряжи. Вместо рисунков на них пестрели многоцветные учебные полоски и пятна, выполненные разными техниками соединения утков и основы. У Марианны получилась сложная волнистая линия из голубой шерсти и косой треугольничек паруса. Фантазия разыгралась. Открылось новое поле для творчества.

На улицу Вавилова Марианна приехала на другой же день в среду после занятий. Накрапывал осенний дождик, асфальт был темным и блестящим. Следуя трамвайным путям, с желтой грушей в свободной руке, она свернула налево к странному сооружению. Во дворе пятиэтажного школьного здания из двух корпусов, соединенных заглубленным спортивным залом, рос, уродливо и впритык, другой дом, узкий и несуразный как шкаф, высотой втрое большей, чем школа; прозрачные стены его были прорезаны каркасным бетоном, за окнами виднелись пестрые занавески, мольберты, банки с кистями. Марианна смотрела с недоумением. Архитектурное нахальство этого уroda было вопиющим, неслыханными для Москвы. Тем не менее, уличный номер торчащего выскочки совпадал с номером дома на ее записке. Она подошла ближе и все поняла.

— Сумасшедшие! — ей стало смешно. — Эти художники умудрились выстроить дом на пяточке фонтана на школьном дворе! Но куда смотрели архитекторы? Не успели, наверное, и глазом моргнуть.

Веселая, точно от хорошей шутки, она вошла в «шкаф», взлетела на лифте под самую крышу, на двенадцатый этаж, постучала в дверь номер 12—9. Никто не открыл. Зато из соседней двери выглянул черноволосый толстяк в цветисто-испачканной куртке и длинно улыбнулся.

— Вы натурщица? Заходите.

Марианна гневно сверкнула глазами.

— Я студентка.

— Извините, — проговорил тот, взглянув на широкую папку в ее руке, — я не заметил. Простите великодушно. Вы ищете Мишу? Он, вероятно, в старом здании у Нестора. Вам покажут.

Фыркнув, Марианна повернулась и дробно помчалась вниз по лестничным виткам.

«Нестор какой-то... А уменьшительное как? Надо же.».

Внизу она потянула на себя ручку черного хода в «школу». Судя по царящему скупердяйству, поиском парадного входа можно было пренебречь, там наверняка разместилась парочка-другая мастерских. Сейчас многие так шустрят.

— К Нестору? — строго спросила старушка, сидевшая за столом под уклоном лестницы.

— Точнее, к Михаилу Игоревичу, если он там.

— Там, там. Второй этаж, мастерская номер четыре.

Шагая через ступеньку, готовая к новым головоломкам, она поднялась выше. Так и есть. Вместо светлого школьного коридора, рассчитанного на беготню двух сотен детей, шел узкий темный проход, отгороженный от светлых окон самодельными стенами и случайными дверями. Каждое окно теперь служило искусству. Пахло масляными красками, скипидаром, древесными опилками.

Она остановилась у двери номер четыре, коренной жительницы классной комнаты. Шум голосов был слышен еще с лестницы. Марианна постучала. Гул прервался.

— Кто бы это?

Открыл высокий мужчина, стройный, с прядями волос по обеим сторонам лица. При виде красивой девушки он улыбнулся и подался назад, приглашая ее зайти.

— О, как приятно. Прошу вас.

Тонкие волосы его, свисая на обе стороны, легко отозвались на это движение.

— Здравствуйте, — она переступила порог доверчиво и смело.

В мастерской шло застолье. Человек семь-восемь, одни мужчины, сидели вокруг широкого комода, заляпанного краской, уставленного бутылками и закусками, порезанными прямо на бумаге. С появлением Марианны все взоры обратились к ней.

— О, Марианна! — вскочил Миша. — Это ко мне, ребята, моя студентка. Пойдемте, пойдемте. Извините меня.

— Ну, почему же, — возразил тот, кто открыл ей дверь. — Входите, будьте нашей гостьей. — Он придвинул ей табурет, выкрашенный в серый цвет. — Мое имя Нестор, это мои друзья. Что будете пить? Есть водка и вермут. Нет, еще и джин-тоник остался.

Она не отказалась, села пряменько, как на картинке, чуть-чуть пригубила из стакана, откусила от яблока и стала с интересом постреливать глазами по сторонам. Мастерская была просторная, настоящий школьный класс на два окна. Стены остались белыми, пол зеленым. Посередине комнаты стоял добротный деревянный подрамник; один брус его был расщеплен и перевязан липкой прозрачно-синей лентой. На полу у стен копились большие и маленькие рамы с холстами, прислоненные тыльной стороной наружу. Над ними располагались длинные ряды простых полок, на которых среди пестрых книжных корешков поблескивала однообразным золотым тиснением многотомная энциклопедия. У другой стены ближе к горячим батареям стоял топчан, покрытый одеялом. На подоконниках теснились банки с красками, кистями, карандашами. Стопками лежали тетради и альбомы. Обычная мастерская художника, если бы не присутствие на полу высокой прутьяной клетки с крупной птицей.

Марианна посмотрела на хозяина.

— Кто это?

— Фазан. Подарок из Казахстана, — ответил Нестор.

Он наклонился к клетке и погладил пленницу.

— Что, птица, как дела? Скучно, брат?

— Как ее зовут?

— «Птица»

— Можно ее погладить?

— Рискните.

Марианна просунула руку в дверцу с намерением коснуться перьев и рубчатых кожистых лап, как вдруг птица взволновалась и сильно клюнула ее в палец.

— Ой! — она отдернула руку. — Мне показалось, что она ручная.

— Отнюдь, — Нестор качнул головой. — Тут ручных нет, тут все птицы вольные.

— В клетке-то? — улыбнулась она.

— Это внешне. Главное — внутри, не так ли?

— Пожалуй.

Они посмотрели друг на друга. «О, какой», — шепнуло ей. Он зачесал волосы пальцами, но они тут же ссыпались обратно по сторонам лба. Это восхитило Марианну. О, какой...

Нестор накинул на клетку темную ткань

— Это ночь. Спи, Птица.

Они вернулись к столу. Там разлили по-новой, и вновь стало шумно, как раньше. Марианна повернулась к Мише.

— Здесь в папке пять листов графики и две акварели.

— Прекрасно. Извините, что вам пришлось...

— Мне здесь нравится, Миша.

— Очень рад.

Художники говорили об искусстве. Это не было спором, все слишком давно знали друг друга, да и тема была привычно-глубинной, неисчерпаемой в вечном и сиюминутном сочетаниях, поэтому в ровные суждения то и дело вплескивались нервные возгласы людей, хлебнувших несладкой судьбы и принявших горького из стаканов.

— Ведь что происходит? — вопрошал облезлый, обрюзглый, похожий на молдаванина, человек, тыча сигаретой в пепельницу. — Или живопись больше никому не нужна? Раньше ко мне очередь стояла, музеи домогались, а сейчас?

— Общество сменилось, Валек, — отозвался Нестор. — Само по себе искусство мало что говорит большинству, и так было всегда, если только художник не служил властям или утробным вкусам. Вспомни, что ты писал в те незабвенные времена, когда музеи домогались? То-то. — Нестор усмехнулся и снова потрянул головой, убирая падавшие пряди. Марианна не отводила от него глаз. — Художник давно перестал быть пророком, несущим новую веру. Поклонение святому искусству, провозглашенное ранними немцами, давным-давно схлынула, художник обязан искать новые грани истины, иначе грош цена этой мазне.

«Почему в Академии не слышно таких речей? — Марианна боялась упустить словечко. — Почему Нестор не преподает у нас?»

— Нестор прав, без государевой ласки, конечно, худо и нище, но здесь своя справедливость, — вступил Миша и рассудительно посмотрел поверх круглых очком. — Кем был художник двести-триста лет назад? Придворным живописцем, человеком низкого звания. Потом вознеслись, угождая «генеральной линии». А сейчас все вернулось, он снова ремесленник, бегаёт, ищет заказы. Святое искусство вершится в каморках. То же у артистов, даже у писателей. Поэт, правда, по-прежнему высоко летает, но где он, Поэт? Все растворено в бульоне средних способностей, и выделиться в нем даже гению стоит бесконечных усилий. На что обижаться-то?

Марианна переводила взгляд с одного на другого и соглашалась с каждым. Какие умные!

— Вам не скучно? — повернулся к ней седой пожилой человек, Иван Александрович. — Вы такая красивая, милая, у вас дивное выражение лица! Нестор, куда ты смотришь? У тебя за столом такая девушка, а ты все о сложном, да о трудном!

— Она же к Мише пришла... — улыбнулся тот.

Миша открыл было рот, но ответить не успел. Худой, костистый мужчина с узеньким ремешком на патлатой голове тяжело грохнул по столу кулаком.

— Надоели мы всем, безумцы с вдохновением! — в пронзительных глазах его стояли слезы. — Чем виновато общество, что оно жаждет благополучия в своей единственной жизни? Зачем ему орава бездельников? А раз так, то и пусть выживает талантливейший, мы уступим.

— Не уступим, а утопим, Николай, — тихо сказал Иван Александрович. — В той же водке. Мало примеров?

Перед Марианной словно открывались неизведанные глубины. Как же она прыгала-чирикала, ни о чем не догадывалась? А эти люди живут там...

— В самом деле, что мы можем дать человечеству? Груз собственных ошибок? — снова вздохнул Иван Александрович. — Люди устали от вождей, несущих страдания, никто не в силах осветить потемки, указать путь.

— А вот в этом и есть освобождение, конец плоским очевидностям — задумчиво произнес Нестор. — В изменчивой разбегающейся Вселенной, пронизанной нитями осознания, мгновенно рождаются и исчезают миры. Вот куда смотреть искусству, улавливать сверхновые смыслы.

Все помолчали.

— А как хороша наша девушка, а, Нестор? — вновь залюбовался на Марианну старый художник. — Вечно юная красота женщины. Вот наше Божество.

Прищурив серые глаза, Нестор посмотрел на Марианну, словно живым лучом скользнул по ее лицу.

— Красивее быть невозможно, — согласился он.

Прошло уже около часа. Марианна поднялась, поблагодарила за гостеприимство, оставила Мише папку с рисунками. Нестор проводил ее по коридору до самой лестницы.

— Не заблудитесь? — улыбнулся он, протягивая на прощанье теплую широкую ладонь. — Приходите в гости, не забывайте. Просто так.

Марианна рассмеялась.

— Просто так? Как приятно. До свидания.

Она шла к метро, легко помахивая маленькой сумочкой. Что за люди! О чем они говорят между собой! О, здесь надо бывать... Нестор! Как он смотрел на нее! «Красивее быть невозможно...» Какое необычное у него лицо! Сколько ему лет? А ей восемнадцать. Он должен ее полюбить. «Красивее быть невозможно...» И живой луч из его глаз. Он уже полюбил ее! «Приходите в гости. Просто так»

Словно в счастливом тумане промелькнула половина пути. Но вскоре лицо ее вытянулось, и тревога, словно больное солнце, зажглась и заняла в груди. Кто она перед ним? Как можно о нем мечтать? Он так высок в своих размышлениях, в каждой подробности своей жизни... «Тут все вольные птицы. Главное — это состояние...» Что он сказал про новые смыслы? Разве ей приходят в голову такие мысли? Кто она для него? Случайная девчонка, случайно попавшаяся на глаза.

Для нее потянулись совсем другие дни. Словно серая пелена опустилась на ее жизнь. Ах, как хотелось видеть Нестора, слышать его голос, его слова, западающие в сердце. «Приходите

просто так». Нет, невозможно. Где радостная уверенность, где мечты о счастье? Душа словно отравлена му́кой. Никогда, никогда в жизни не было такого с Марианной. А смены настроения! То вдруг всходило безоглядное счастье и казалось, что все будет хорошо, не может не быть хорошо, что Нестор полон восхищения и непременно полюбит ее, не может не полюбить! Мир расцвёл, они резвилась, светилась, как огонек, среди однокурсников, влюбляя в себя глупых мальчишек... Потом вновь приступало отчаяние и гасило все краски. С привычной добросовестностью она сидела в аудитории, в музеях, в библиотеке, пыталась сочинять картину для гобелена, а сердце ныло и ныло. Нестор, Нестор... ах, как больно, больно, ну, что за пытка?!

Острые глаза новых подружек сразу все заметили и догадались о причине.

— Марианна, ты влюблена! — ведь ни о чем другом их семнадцатилетние головки и не помышляли. — Как романтично! Поблуднела. Значит, по-настоящему. Кто этот счастливец, скажи по секрету. Из наших, да?

Она не отвечала. Давно ли любовь представлялась ей ослепительным взаимным счастьем, наградой за доверие к жизни, упоительной целью будущего! И что же? Она ли это? Она ли это? Так можно с ума сойти.

Наконец, измученная борьбой, она решила пойти в мастерскую. «В гости, просто так», по его приглашению. Но испугалась. Что она скажет? Она и слова произнести не сможет, а он все поймёт и улыбнется. О, нет, нет...

— Масенька, с тобой все в порядке? — осторожно спрашивала мама, прекрасно понимая, что происходит с дочерью.

Как помочь? По тропам любви надо пройти, проползти, протащиться самой, от них слишком многое зависит.

Прошло еще недели две, полные адской му́ки. В унылом раздумье Марианна вдруг осознала, что для нее нет другого пути, кроме его мастерской, что не увидит Нестора хоть раз выше ее сил. Она пойдет в «школу», а там... ах, будь что будет.

— Ничего, ничего, — обманывала она себя в метро, переходя на красную ветку к «Университету». — У них же всегда народ, на одного больше, меньше. Он же сам приглашал. Посижу «просто так» и уйду. Просто так. Ничего, ничего.

С улицы она увидела по окнам, что в мастерской кто-то есть. На цыпочках, унимая бьющееся сердце, поднялась по лестнице, замирая, скользнула по коридору. Да, голоса раздавались из-за той же двери номер четыре. И звуки гитары, дивной красоты серебристые переборы струн, таинственно приглушенные. Она остановилась у двери, со страхом перевела дух. Наконец, подняла руку и, словно проваливаясь в бездну, отважилась постучать.

Открыл Иван Александрович.

— Ах, наконец-то, наконец-то! Как долго вас не было! — воскликнул старик, прижимая ее к груди и целуя в щеку. — Я говорил Нестору, позови эту девушку, позови, она хорошая, пусть приходит. Послушался старика. Ах, какая вы замечательная, милая, интеллигентная...

Нестор стоял у окна. Повернулся.

— Здравствуйте.

Она почувствовала удар в сердце от нестерпимо обожаемого лица, от удивленного музыкального «здравствуйте». И еще ощутила, что пропала навсегда. О чем-то пошутила, села возле Ивана Александровича.

На этот раз в мастерской было всего три человека. Третьим был тот худой с ремешком поверх волос, Николай. Сейчас в его руках была гитара, старинная *подруга семиструнная*, с русским ладом, это ее звук чарующе отдавался в коридоре. А Птица молчала, помаргивая в своей клетке величиной с беседку.

Опеку над Марианной взял Иван Александрович. Его чуткая душа ощутила полубоморочное состояние девушки.

— Ну, почему, почему вас так долго не было? — ворчливо восклицал он. — Вы забыли про нас в своей прекрасной молодой жизни? Признавайтесь. А мы о вас говорили, а я, старый мухомор, даже скучал по вас, не скрою.

Значит, говорили. Уже легче. Нестор казался настороже, она то и дело ловила его неровный скользкий взгляд. Он тоже не был спокоен. Еще, еще полегче. Сейчас главное сыграть роль уверенной в себе «просто знакомой», которая случайно оказалась поблизости и просто заглянула на огонек к добрым друзьям. Дальше все пойдет само, она это чувствовала, главное, как сейчас. Мужчины говорили о каком-то художнике, который выехал

за рубеж с семьей, а через три года вернулся из-за тоски по родине, один, без родных, которым его ностальгия казалась пустой причудой. Марианна посматривала на них, чувствуя, как овладевает собой, становится привлекательнее и сильнее в своем легком нежном молчании.

Вдруг в мастерскую без стука ввалился плотник в деревянным подрамником в руках. Сломанного бруса как не бывало, на его месте лоснился свежим лаком целый и невредимый кусок дерева.

— Готова работа, — объявил плотник, громыхнув подрамником. Было видно, что он крепко выпивши. — Принимай, Степаныч.

Нестор осмотрел брус, подергал, проверяя на крепость, и переставил на прежнее место.

— Все исправно. Благодарствуй, Михеич. Выпей с нами.

Плотник не отказался, произнес всем здравицу, осушил стаканчик и бросил в рот соленую кильку.

— Другой заказ давай, Степаныч. Друзьям накажи, мол, Михеич все сделает в лучшем виде

— Да, отменная работа. Не сегодня, — ответил Нестор, протягивая ему деньги.

— Почему? Еще светло, времени хватит.

Пользуясь минутой, Иван Александрович под шумок наклонился к уху Марианны.

— Дожимайте его, дожимайте, милая. У вас получается. Он поддается, не теряйте кураж, вы можете его получить навсегда. Вы очень точно вошли, властительница, молодая, держитесь этого тона. Я вам помогу. Разве так можно жить, как он? С птицей? Сколько женщин пытались его взять, ни одна не сумела. А вы сможете, берите его голыми руками, он уже ваш, верьте мне, я его знаю...

Пьяный мастер продолжал наседать.

— Ты думаешь, я пил? — шумел он. — Не пил, можешь проверить.

— Ступай, друг, домой, — Нестор сердился, улыбаясь.

Тот не унимался.

— Что я не пьян, я докажу! Я вечером приду.

Плотник направился к двери.

— Не надо приходить вечером, — возразил Нестор.

— Я же не денег просить, — развел тот руками и вышел.

Нестор рассмеялся. Сердце Марианны вздрогнула. Как изящен этот человек! Ах, если бы старик в самом деле помог ей!...

Все это время желчный худой Николай пристально наблюдал за нею, зарисовывая что-то в блокнот. Она чувствовала его внимание и не отвергала его, оно играло ей на руку, повышая в глазах Нестора. И вдруг Николай опустился перед ней на одно колено.

— Я сморю, девчонка, ты здесь самая главная. Ты светишься, к тебе влечет. Я буду петь для тебя.

И задумчиво начал: «Вдоль по улице метелица метет...», под чистый перебор серебряных струн «ты постой, постой, красавица моя, дозвожь наглядеться, радость, на тебя!»

Они словно сговорились поддерживать Марианну. Нестор тем временем мерил шагами мастерскую. Вновь провел рукой по волосам, остановился и стал смотреть в окно, легкий, вольный, с неуловимым очарованием во всем облике. По счастью, окна его не упирались в стеклянный дом, а находились левее, с видом на удаленные строения и шатры продуктового рынка. Марианна почувствовала, что ее уход сейчас, на волне обожания был бы победной точкой, после которой, возможно, сам Нестор позвонил бы ей домой. «Пора», сказала она себе, подымаясь, как вдруг Иван Александрович брякнул ни с того, ни с сего, точно уронил булыжник на хрустальный поднос.

— Ну вот, теперь, наконец-то, и Нестор женится.

Наступило молчание. Она похолодела. Сердце ее колотилось.

— А у тебя, девчонка, страх в глазах. Отчего бы? — заметил Николай.

Еще удар!

— Вам показалось, — принужденно улыбнулась она. Но было ясно, что все кончено. Иван Александрович кряхтел и чесал в затылке.

— Я никогда не женюсь, не интригуй, Иван, — повернулся Нестор и с облегчением засмеялся, потирая руки. — Я женщин уважаю, но жить с ними не хочу.

Сгоряча Марианна не почувствовала боли. Она даже простилась как ни в чем не бывало, даже постучала пальцем по клетке.

— До свидания, вольная Птица. Приятно бывать здесь просто так. Спасибо за гостеприимство.

Провожая ее к двери, Нестор уже не подал руки, как в прошлый раз, а на самом пороге тихо произнес.

— Хочешь, приходи, хочешь, не приходи. Смотри сама, Марианна.

Она побеждено улыбнулась. Медленно сошла с лестницы и, едва переставляя ноги, пошла по тротуару к метро пешком. Трамваи со звоном обгоняли ее. Вдруг у кромки шумно остановился грузовик, и молоденький шофер, открыв дверцу, перегнулся, чуть не лег на сидение, и со смехом крикнул ей.

— Что, милая, еле идешь, или заболела,?

Она улыбнулась, помахала ему рукой. Что с ней, в самом деле? На несколько минут отпустило, стало полегче. В метро все навалилось еще пуще.

С этого дня любовь превратилась в хищного зверя, терзающего ее сердце. Присутствие Нестора ни на миг не отпускало ее. И не выдержав, она поехала туда, просто посмотреть на окна. Постояла в темноте, поплакала, глядя на него в освещенной комнате, и успокоилась дня на три-четыре, потом еще и еще раз. Привычка брала свое, волнение охватывало уже только под самой дверью, а не на красной линии метро, как раньше. И вот, решив, что она вполне владеет собой, под вечер Марианна вновь очутилась на улице Вавилова. Она откроется ему, останется у него, она взрослый человек. С гулко бьющимся сердцем она приблизилась к школе, как вдруг навстречу ей с громким смехом вышли несколько человек и среди них Нестор. Он не удивился, лишь сказал друзьям.

— Не уезжайте, я сейчас.

Похмыкивая, они прошли к машине, стоявшей поодаль.

— Я шла мимо... и... Нестор... я...

Он нахмурился.

— Если ты считаешь на что-то серьезное, Марианна, выбрось из головы.

— Я... нет, я... — залепетала она.

— Не надо больше ни стоять под окнами, ни выдумывать глупости. Все.

Он повернулся и ушел к машине.

В середине сентября на Черном море бархатный сезон в самом разгаре. Солнце уже не обжигает, не палит во всю южную мощь, но мягко ласкает отдыхающих. Каждое утро оно деловито взлетает на небосклон, чтобы открыть очередной день отдыха и загара, но зато уж по вечерам, когда утомленные светом и морем отдыхающие жаждут лишь очистительного божественного созерцания, оно одаривает их пышным морским закатом, медленно склоняясь к горизонту огненно-малиновым шаром, и вытягивается, и расплывается в раскаленной купели, прежде чем коснуться ослепительной водной дорожки. Потом начинается царственное погружение Божества в пучину морскую, это космогоническое зрелище миллионнолетнего человечества.

Много народу провожает солнце на берегу. В эти минуты, если повезет, можно увидеть зеленый луч и загадать желание. Ах, желание! Оно тоже раскалено, как закат. Вечерний воздух крепко настоян на ароматах южных цветов и теплого моря, таинственных сумерек и дивной неге сгущающейся ночи, охваченной желанием и жаждой любви.

Оля с матерью поселились на зеленом возвышенном берегу в дощатом домике, одном из многих, принадлежавших санаторию «Южный берег». Вокруг их дома и на веранде в глиняных вазах цвели яркие цветы, а заросли магнолии и жасмина окружали его с трех сторон, заглядывая в окна. Снизу доносился шум прибоя. Сидя в кресле, можно было загорать прямо у крыльца, любясь полосами синевы, голубизны и бледной зелени на поверхности моря, следя за дельфинами и редкими судами. Оля держалась в теничке. И потому, что это вредно для малыша, и потому, что беленькая, как сметанка, она боялась ожогов. На глаз постороннего ее положение заметно не было, она лишь чуть поправилась, мягко округлилась, что очень украсило ее. Самым удивительным оказалось то, что здесь у нее появилось сразу два поклонника. Первый отступился после трехдневной осады, а второй остался, полный, как говорится, самых серьезных намерений.

Это был Тарас Никоненко, местный молодой человек двадцати пяти лет, старший научный сотрудник Крымского заповедника по охране диких птиц. Он жил с матерью в ближнем поселке в собственном доме с садом и огородом. Чем уж белокурая тихая москвичка поразила его в первую же минуту, известно было только ему, но со свойственной ему искренней порывистостью он сблизился с семейством и объяснился напрямую и с Олей, и с Анной Николаевной, Анютой, как ее здесь называли.

— Как хотите, но Оля станет моей женой, — сказал он, отрубая ладонью. — Что ей в вашей Москве? Я дам ей все. Любовь, семью, дом, машину, хозяйство, море, воздух. Что с того, что вы из России? Мы все одной крови и веры.

Его решимость и скорый украинский говорок нравились Анюте. Практическим умом она видела и чистоту его отношения к Оле, и всю ближнюю и дальнюю выгоду его предложения. Он даже привез их к себе в гости знакомиться с матерью, они провели хороший вечер в простом чистом доме, спели в саду несколько песен после пшеничной горилки. Оля, конечно, не пила.

Если бы дочь согласилась, лучшей партии трудно было бы желать. Но куда! Оля лишь отрицательно качала головой.

— Не надо, мамуля. Лучше расскажи ему про меня, пусть остынет и не надеется.

И Анна Николаевна, выбрав минутку, увела Тарасика, как они величали его за глаза, гулять вдоль кромки моря. Среднего роста, с выгоревшим коротким чубом, зачесанным на правую бровь, подвижный, всегда готовый к шутке и к ласке, он нравился ей сам по себе. Это был хороший человек, добрый искренний друг, чуть-чуть простодушный от избытка доброты. Что такие люди не часты, ей было известно, увы, слишком хорошо.

— Знаешь, Тарас, — выбирая слова, начала она, — я должна сообщить тебе одно неприятное известие.

— К нам едет ревизор? — живо подхватил он.

— Какой ревизор? — вздрогнула она.

— Я пошутил. Слушаю вас.

Анна Николаевна слегка взъерошилась на неуместную шутку и несколько шагов прошла в молчании, но вскоре повеселела. Теплый ветер трепал ее короткие кудряшки, золотисто высветлившиеся на солнце. Загорая обычно на женском пляже «без по-

лосочек», она носила сарафаны и блузки любой открытости, и со своей приятной сдобной полнотой казалась не старше двадцати девяти лет. У нее уже был любовник, сосед по столу в санатории, мужчина редкой спортивной доблести, но она умела прятать концы в воду так, что никто ни о чем не догадывался.

— Я весь внимание, — посмотрел Тарас ласковыми карими глазами.

И тогда Анюта произнесла обычным разговорным голосом.

— Оля ждет ребенка, Тарас.

Он остановился как вкопанный.

— Разве она замужем?

— Нет. Мы воспитаем его в нашей семье.

Он молча сунул руки в карманы синих шорт и оттопырил их зачем-то. Сжав губы в ниточку, устремил глаза на морской горизонт, туда же смотрел и его подбородок. Постоял, двигая пальцами ног в открытых пляжных сандалиях.

— Спасибо за доверие, Анна Николаевна. Мне надо все обдумать. До завтра, — и почти бегом пустился в сторону поселка.

Она усмехнулась. Давай, казачок, чеши до дому, теперь тебя никаким калачом не заманишь. Она понимающе смотрела ему в спину. По возвращении рассказала все Оле.

— Теперь, доченька, его и след простынет, уж я знаю.

— Почему? — неожиданно воспротивилась Оля. — Папин же след не простыл?

Анна Николаевна спохватилась.

— Ты права, конечно, права, это я так, не подумавши, — бойко зачастила она. — Сейчас с ребенком даже скорее найдешь, чем в девках. Вон ты какая гладкая становишься, любой полюбит. И Тарасик никуда не денется... На ужине была? Что там сегодня? Творожники со сметаной или пирог с яблоками? А потом что, фильм или танцы?

— Фильм. «Кавказский пленник», новая версия.

— Пойдешь?

— Нет. Я спать буду.

Ночи на побережье были темные и благовонные, как в тропиках. Такие ночи стоили дня. Но Оля ни разу не видела даже полуночи. Сладкий Морфей, божественный покровитель буду-

щих матерей, незаметно смыкал ее глаза часов в десять вечера и глубоким сном охранял покой до светлых утренних лучей.

В полной темноте приходил Костя.

— Анюта! — бросал он горстью песка в окно.

Они исчезали в ночи, купались нагими под низкими яркими звездами, плавали, обнимались в теплых волнах. Или брали лодку и безумствовали в ритмах моря, или расстилали одеяло под кустами магнолии, или изобретали тысячу и одну, вторую, третью сказку. Каждая ночь была на отличку, о каждой можно было вспоминать хоть целый год! О семьях не говорилось, семья — это святое. И только розовые пятнышки на шее, на груди приходилось закрашивать йодом или зеленкой.

Оля ничего не замечала. На нее спустилось ровное спокойствие, необходимое в эту пору. И только Дима по прежнему жил в ее душе, жил как хозяин, который рано или поздно вернется в свой дом.

На другой день было воскресенье. Тарас подъехал на машине, посигналил, чтобы не застать женщин врасплох, потом вошел в домик.

— Здоровеньки булы! — сказал с широкой улыбкой. Потом подошел к Оле, раскрыл объятия и поцеловал ее.

— Примите мои поздравления, драгоценные Оля и Анюта. От чистого сердца. Я все обдумал. Я не вижу здесь никакой проблемы, я даже рад, я уверен, что все к лучшему, — воодушевленно «заякал» он, обращаясь к обеим. — Я буду любить, Оля, твоего ребенка, как люблю тебя. В общем, все решено. Я не тороплю тебя с ответом, ты сама поймешь, как все по-доброму устраивается. А сейчас я приглашаю вас в заповедник. Он в двадцати километрах отсюда по хорошей дороге. Поехали.

Анна Николаевна, слегка не выспавшаяся, согласилась от нечего делать. Пляж надоел, телевизор и подавно, а бесплатная экскурсия никогда не помешает. Она только пожалела, что нельзя позвать Костю. И неудобно, и некогда, у того сегодня гонки на водных лыжах, вчера был дельтаплан, завтра погружение с аквалангом. Вот как надо отдыхать!

Они уселись. Машина обогнула дворцовый корпус санатория, окруженный цветочными клумбами, промчалась по кипарисовой аллее, мимо лавровой роши, и выехала на шоссе. Горячий

ветерок гулял по салону, асфальт казался мокрым в знойном мареве. По обе стороны, на равнине тянулись виноградники, сады, уголья. Поля были скошены, зато в садах уборочная была в разгаре. Свернув вправо, Тарас повел машину по гладкой грунтовой дороге к обрывистым горам, белевшим над зеленой пологостью предгорий.

Оля молча сидела впереди. Тарас был для нее загадкой. Она не могла применить к себе его вдохновенного бескорыстия. «Он что-то придумал про меня и ошибается, а когда поймет, то разочаруется», — недоумевала она про себя.

Заповедник не был окружен ни забором, ни сеткой. Это была зеленая каменистая долина между рядами круто падающих возвышенностей, с плоскими верхами, наклоненными все в одну сторону. «Квесты» — называл Тарас эти горы. Тяжелые черные птицы медленно кружили в воздухе на огромных крыльях и с размаху садились, словно падали, в траву между кустами.

— Это грифы, сказочные грифоны. Они известны с глубокой древности, часто упоминаются в легендах и мифах, встречаются на рисунках ваз, амфор, настенных росписях, даже на вышитых полотенцах, — тоном экскурсовода говорил Тарас, ведя своих гостей по тропинке. — Сейчас их осталось немного, всего шестьдесят пар. Мы охраняем, как можем. С непривычки они страшноваты и нравом свирепы, но мы их любим.

— Как я погляжу, ты всех любишь, а, Тарас? — снисходительно посмотрела Аня.

— Все живое, — согласился он и повернулся к Оле. — Ты не устала? Нравится здесь?

— Да, хорошо, — улыбнулась она.

От ее улыбки он вновь воспрял душой. Ему показалось, что она ответила ему согласием. Он осмелел, поминутно смотрел на нее, касался рукой, обнимал осторожно за плечи и улыбался, улыбался от избытка чувств.

— Сейчас мы спустимся к роднику и пообедаем. Я кое-что прихватил. Я покажу вам богатства крымской земли, я уверен, вам понравится.

«Я, я, я... — замечала Аня. — Совсем зеленый хлопец. Но деньгу зашибает, «вольво» имеет, значит, не прост молодец, а себе на уме».

В тени скалистого обрыва, у самого подножья, в зеленой ложбинке бил прозрачный холодный ключ. Вода поднималась со дна углубления почти незаметно, без струй и пузырей, и текла вниз к дороге к мелкому болоту, замешанному копытами скота.

— Смотрите внимательно, я покажу вам кое-что, — Тарас подошел к белой обрывистой стенке и погладил ладонью камень. — Это доломиты, отложения древних морей. В них жили моллюски в раковинах, закрученных в плоскую спираль. Внимание! Оп!

Он ударил ладонью по стене, осторожно вынул кусок известковой породы, просунул руку в нишу и извлек крупную, величиной с блюдо, перламутровую раковину, богато засветившуюся в дневном свете. На ее дутых бугроватых витках, словно в пленке бензина, заиграли, переливаясь, ясные неземные цвета. Женщины ахнули. Тарас расцвел, довольный их удивлением.

— Я отколол ее вдали отсюда, близ поселка студентов-геологов. Они там исковыряли молотками все квесты, а такую красавицу пропустили. А я сразу нашел. Оля, это тебе. На счастье.

Все уселись вокруг родничка. В коробке, которую Тарас принес из багажника, оказались мягкий пресный сыр, круглый хлеб, мед, помидоры и молодое, еще не бродившее светлое вино. Для Оли вино было заменено на арбуз и ключевую воду. Наклонившись, она зачерпнула полкружки. Тарас смотрел на нее с умилением.

— Оля похожа на этот родник, — тихо сказал он матери. — Та же родниковость и прозрачность души. Как можно обидеть такую девушку?!

Грифы в долине взвились вверх и улетели с отрывистым граем, зато снизу подошло на водопой стадо коров. Увидя пирующих, пастух, загорелый дочерна, подошел ближе и поздоровался, сняв с головы соломенную, выдавшую виды, шляпу.

— Здоровеньки булы! Хлеб е, Тарасе?

— Е, е, сидай з намы, — ответил тот, протягивая пастуху хлеб, сыр, стакан вина.

Следом за пастухом от стада отделилась молодая корова. Сделала несколько шагов и остановилась, словно показывая себя незнакомцам. Женщины смолкли. Такое увидишь нечасто. Голо-

ва животного, глаза, четкие рога, линия спины, ноги — подобное совершенство невозможно представить!

— Это королева округи, — пояснил молодой человек. — В каждом стаде существует своя избранница, но между всеми стадами есть самая прекрасная. Это королева. Зорька, Зорька, пойдти, на хлеба... видите, как ступает? Это божество в обличии животного, единственная на весь полуостров. Все поголовье побережья чтит свою богиню, самую красивую из всех...

— А как они это выясняют? — перебила Анюта.

— Знают, и все. Через свои пространства, каналы. Живое — оно таинственно и неуловимо в своем бытии.

Он все больше нравился Анне Николаевне. Ай да Оля, такого парня отхватила! Все при нем. Разговорчив немного, что правда, то правда, но деловой, преданный, ученый. Кого еще ждать, какого принца? Она требовательно посмотрела на дочь. Та, по своему истолковав ее взгляд, поднялась с земли.

— Пора обратно, да? Дождь начинается. Все было очень интересно, спасибо, Тарас.

Анна Николаевна незаметно вздохнула.

По возвращению в Москву, как ни мало Оля бывала на людях, гуляя в лесу одна или с братьями, от соседских глаз она не укрылась. Положение ее заметили все, кто ее знал, одноклассники, знакомые. И отнеслись вполне безучастно, доказав, что Зеленый округ все же не деревня, а город. Одна Ленка, считавшая себя близкой подругой, была задета и раздосадована.

— Обижает, подруга. От кого хоть подзалетела-то, скажи. Ты же ни с кем не гуляла.

— Ветром надуло, — улыбнулась та.

— А ребенка куда денешь? В роддоме оставишь?

Оля вспыхнула от возмущения.

— Ты что, с ума сошла? Это же мой ребенок, я уже люблю его. Сама воспитаю, не беспокойся.

Теперь она ощущала родство со всем, что ее окружало, даже трещинки на асфальте несли успокоительные узоры. Все было отраднo. Она тихо бродила по чистым желтым осенним тропинкам, любовалась холодными голубыми просветами между ветвями. Дима, Дима, о чем мы только не переговорили бы с тобой,

будь ты рядом в такое время! Однажды, приустав, она опустилась на *свою* скамейку. Тут же к ней подошли три серые вороны. Черные бусинки глаз умно смотрели в ее сторону, ожидая корма. Она ссыпала в ладонь семечки из кармана, всегда бывшие с нею по совету врача, и бросила на землю.

— Красавицы, — сказала, любуясь на птиц.

И вдруг все трое, низко пригнув голову, каркнули одновременно ей в ответ.

— Карр!!!

— Ой, надо же, — изумилась она. — Ответили.

Инга Вишневская преподавала в Академии второй год. Она была признанным знатоком и мастером своего дела, невероятно много работала, была умна и красива.

Взгляд ее удлинённых зелёных глаз, подведенных тонкими линиями, не мог выдержать ни один мужчина, а фигура, наряды, и, главное, отработанная светская уверенность доделывали остальное. Как преподаватель, она поставила целью успехи своих студентов не только в стенах Академии, но и на всероссийском уровне. И даже на международном. Если цель высока, то и результаты не замедлят сказаться, иначе не стоит тратить ни сил, ни времени. Была и другая установка. Она ясно видела свою нишу в современном декоративном и прикладном искусстве и не могла не задумываться о собственном бизнесе. Для него и присматривала таланты самого высокого класса. Миша поддерживал ее. С ним уже давно, еще до ее развода, у них сложились те человеческие отношения, когда люди держатся вместе, многое прощая и помогая друг другу.

Миша назвал ей Марианну.

— Обрати внимание на эту девушку, — сказал он, — у нее точный глаз, искусные руки и много-много чего в хорошенькой головке. Для начала я отобрал несколько ее работ для выставки в конференц-зале. И потом, знаешь ли, на нее так приятно смотреть! Наши умники просто рты разинули от восхищения.

Инга рассмеялась. Как это похоже на мужчин! Но согласилась, что в творческом общении личное обаяние — не последняя вещь.

Куда она только не водила своих студентов! Любоваться на роскошные музейные шпалеры с изображением пейзажей, религиозных, батальных, пасторальных и любовных сцен, на эти огромные полотна, созданные вручную знаменитыми лионскими ткачами двести лет тому назад на огромных ткацких станках, над которыми висели двухметровые зеркала, отражая эскиз и готовую полосу. И в закрытые фонды библиотек, где из тяжелых, с золотым обрезом, альбомов студентам надлежало срисовывать и тут же опробовать на своих станочках способы плетения всех времен и народов. И так далее, далее, далее, далее. За считанные часы академических занятий ученики ее создавали любой тканый рисунок по своему желанию. Она была строга и надменна. Загруженность молодых людей химией, физикой, математикой, лабораторными исследованиями ее не касалась. Во-первых, это проблемы преподавателей тех дисциплин, а во-вторых, на то и молодость, чтобы ежесекундно насыщаться новизной и работать до изнеможения. У нее выживали сильнейшие.

Первой среди них оказалась, действительно, Марианна. Они понравились друг другу и, можно сказать, подружились.

— Тебе надо смелей раскрываться в творчестве, — заметила ей Инга.

— Я пробую, — кивнула Марианна.

— Не надо пробовать, надо делать. Жду от тебя рисунка, в котором будут твои душа и сердце. В гобелене, в цвете они заживут собственной жизнью.

— А где достать такие краски? Ни шерсть, ни шелк не продаются с оттенками, — Марианна пожала плечами. — Я пыталась красить сама, но ничего не получилось.

— Ты опережаешь программу, это великолепно. Необходимо растительное крашение. Травы, цветы, семена, кора, ягоды, корни, ореховая скорлупа, луковая шелуха, много всего. У меня как раз вышла вся пряжа, надо обновить запас. Это недалеко, в Опольной, сорок минут на электричке. Лучше с ночевкой, в один день мы не уложимся.

Они договорились на субботу двадцатого октября.

Достижения Марианны никак не врачевали ее душевных ран. Прошло больше трех недель после той ужасной мгновенной встречи, а жгучая боль любви и позора все возрастала, захлесты-

вая временами жестоким опаляющим стыдом. Ища спасения, она набросилась на занятия, ткачество, лепку, ходила на теннисный корт, в бассейн. Белым днем, в ясном свете конечных разумных дел страдания отпускали ее, а с ними и мучительно-дорогой образ Нестора, скрываясь за шумом и суетой; снова смеялись ее шуткам друзья, окружали ее, заводилу, любимую старосту курса. Только поклонники со старших курсов растаяли, как дым, математической прогрессии не получилось.

Отгадка была проста. В канун окончания Академии практичные молодые люди срочно подыскивают подруг жизни. Общие наклонности, близкий круг интересов сокращают, по их мнению, произвол случая и способствуют прочности семейных уз. За годы учебы все сочетания внутри альма-матер давно просмотрены, союзы заключены, поэтому «женихи» набрасываются на свежий поток первокурсниц, приглашают в театры, провожают домой, пытаются, так сказать, вскочить в уходящий поезд. Марианна, сраженная недугом любви, не отозвалась ни на один призыв и ухажеры исчезли.

Дома она больше молчала, сидела над книгами и допоздна смотрела телевизор.

— Ты здорова, Масенька? — осторожно тревожилась мама.

— Да, — кратко отвечала Марианна, уклоняясь от разговора.

Ей полюбились одинокие ночи, когда мать дежурила в госпитале, и когда в душе начинали звучать собственные строчки. Бывало, ночь приносила облегчение, светлую уверенность, похожую на прежнюю взлетную радость, но чаще Марианна лежала без сна, глядя в окно горячими сухими глазами. Уютным мурлыканьем и лаской мягких белых лапок утешала ее, как могла, пушистая Туся. Марианна думала о Несторе, о той встрече, о том, что она натворила после.

В тот ужасный вечер она нашла в почтовом ящике очередное письмо из армии, обычное Димино послание, полное солдатских буден и вздохов. И на этот раз услышала их. Неужели ему так же больно, как ей? Тогда каких жестокостей наслушался от нее бедный парень! Под влиянием минуты она написала ему теплее обыкновенного и через неделю получила такой любовный бред, что выбросила письмо поскорей и подальше. И вдруг сама

села за любовную исповедь. Желание написать Нестору было преодолимым, как лихорадка. Хоть ниточка, хоть паутинка, но пусть протянется между ними, она не может без этого жить!

«Любимый! — написала она впервые в жизни. — Я не знаю, зачем пишу это письмо. Наверное, потому, что люблю тебя. Люблю, как глупая маленькая девчонка. Я готова сесть на ступеньки и ждать, ждать. Ответь мне, позвони. Марианна.»

На другой день, замирая от страха, она крадучись оставила письмо старушке у входа. Для Нестора. Наспех, накривь, дело было сделано.

«Вот сейчас ему отдали письмо. Он удивился и сразу посмотрел в конец: от кого? А, понятно», — мучилась Марианна. — «Как глупая маленькая девчонка», — прочитал он: Да уж... Ужас, ужас. Зачем я это сделала? Как теперь быть? Могу ли не пойти никогда? А если приду, он подумает «Вот пришла...»

С такими мыслями она ехала в электричке на дачу к Инге. Народу было немного. За окном сменяли друг друга увядшие поля, серые, теряющие последнюю листву подмосковные леса. Мелкий, едва заметный снег, похожий на дождь, оседал на вагонные стекла и таял, стекая косыми дорожками. Мелькали строения, поселки, и вновь поля, леса. Под drobный стук колес она передумала все, что можно, мысли вились по кругу, вокруг одного и того же, как бежала домой к телефону: «Телефон, ты звонил?», как ждала письма — а вдруг? И снова, и снова...

Наконец, Опольная. Марианна вышла на платформу. В воздухе пахло смолой и мокрой щепой, мелкая изморось приятно холодила лицо. Поселок казался пустым. Дом Инги был виден издали, он выделялся резными наличниками, деревянной резьбой под крышей, раскрашенными ставнями. Округлый мезонин вызывал образ «девичьей светелки». На всех окнах белели дневные кружевные занавесочки-задергушки и цветастые плотные шторы для вечерней поры. Под стать домику было и крылечко с колокольчиком, мелодично звякнувшим от руки, и лай хорошего дворняги возле собачьей конуры.

Инга встретила с радушностью доброй хозяйки. Она была не одна, с ней был ее дедушка, шупленький седенький старичок с кудрявой белой бородой, постоянный обитатель зимней дачи. Здесь же сидела кошка. Пахло травами. На Инге была старая

джинсовая куртка и брюки с заплатками на коленях. Ни косметики, ни прически. Это бы и хорошо, но по первому, тут же забытому, впечатлению Марианне показалось, что отсутствие туши и теней невольно приоткрывает некий иной облик, искусно скрываемый под макияжем.

— Как доехала? Долго искала? — Инга подала ей тапочки.
— Денек на дворе скверный, и дождь, и снег...

— Зато у вас тепло и хорошо пахнет, — Марианна прижалась к беленой печке.

— Чайку с дороги?

— С удовольствием. У меня с собой как раз вкусное к столу.

После чая принялись за дело. Пучки сушеных трав, коренья, запасы коры, бересты висели по стенам, лежали в коробках на виду, зато в темных стеклянных сосудах, убранных за створки и дверцы шкафов и столов в кладовке лежали едкие вещества для протравы: медный и железный купорос, квасцы, калийные соли. Инга принялась с осторожностью раскладывать все по баночкам и горшочкам, заливать водой, ставить на плиту. Белая тонкая пряжа пушистой горой светлела на топчане. Ее стала разматывать на пряжи Марианна, метра по полтора для каждого оттенка. Одновременно записывала все подробности в рабочую тетрадь. Работа была женская, приятная, под шуточки и разговорчики.

Дедуля чистил картошку, управлялся с мясом для котлет, заранее нахваливая свою стряпню. Он оказался не простым старичком, а знатным армейским кашеваром, еще на Халхин-Голе кормил солдатусшек зайчатиной да медвежатиной. Часа через три кипячения растворы вынесли для охлаждения и настаивания в сенцы, а плиту занял старый гвардеец.

— Шшш, — зашипели котлеты.

Через час пообедали. Что за борщ, за котлеты с подливкой, что за кисель — отменно! А как смотрится на столе! Во всем сказывалась родовая потомственная мастеровитость.

— Такому угощению любой ресторан позавидует, — похвалила Марианна. — Как вам удалось? Вроде ничего особенного и не клали, я подсматривала, и вдруг такой вкус, пышность, сочность! Научите, Елизарий Максимович!

— Кушай на здоровье, дочка, оценила, спасибо на добром слове. Мясо не каждому дается, оно, понятно, мужскую руку уважает. Я в молодости на полк солдат стряпал. У-у, какие едоки были! Сами генералы за солдатскими обедами присылали! Вызывает раз генерал Блюхер, так, мол, и так, жду в гости генерала Георгия Жукова, удиви, Елизарий, чем сможешь. Ну, чем, думаю? Ладно, прибыли генералы, смотр войскам сделали, за стол идут. А перед ними серна дикая лежит, как живая, рожки-копытца посеребренные, рисом-ягодой начиненная, в шкурку собственную забранная, не отличишь. Доволен остался Василий Васильевич, отпуск дал, понятное дело.

Потом погуляли под низкими тучами вдоль мокрых заборов, по безлюдным окраинам, вернулись затемно в тепло и уют. И вновь принялись нагревать, кипятить, процеживать.

— Сейчас мы получим нежный розовый цвет, следи.

Медленно-медленно стала погружать Инга шелковистую белую прядь в глиняный горшочек с темным настоем красных еловых шишек, собранных в прошлом году из-под снега. Поддержала и так же неспешно, за тот же хвостик стала вынимать ее. То же проделала со вторым мотком, но дважды, с третьей трижды, и так до тех пор, пока тридцать три оттенка зари от блёклого, тепло-белого до густого розового не повисли на веревочке для просушки. В оставшуюся краску погрузили несколько мотков сразу для крашения в ровный цвет.

— Поняла? На сегодня готовы еще три настоя, болотно-зеленый, сине-фиолетовый и коричневый. Остальные дойдут завтра. Делай сама.

За окном стояла темная октябрьская ночь. Ни одного огонька не светилось в темноте, как ни вглядывайся, ни звездочки над низкими тучами.

— Не страшно деду оставаться здесь на зиму? — спросила Марианна, стоя на крыльце и вслушиваясь в шорох дождя по листве, преющей у забора.

— Говорит, что нравится ему, в городе душно. Даже в туалет «на двор» ходит, не может «комнате». Собака охраняет, мы набиваем холодильник, бываем часто, на машине это просто. Что еще? Старики всегда проблема. Спать мы будем наверху, в холодочке, не возражаешь?

— В светелке?

— Можно бы в горнице, но дедушка храпит так, что стекла дрожат. Ничего, под теплыми одеялами не замерзнем.

Марианне постелили на раскладушке. В любимой ночной сорочке с розочками она юркнула сразу под два теплых одеяла. Хорошо! Поднесла к глазам ладонь, пальцы были невидны.

— Ну и темнота... кромешная.

— Нравится? Согрелась? — Инга улыбнулась из-под пуховой перины. — Тогда загадай желание, пока не заснула. «Засыпаю на новом месте, приснишь жених невесте». А как увидишь, не теряйся, дунь перышко в его сторону. Авось, приворожишь.

Марианна вздохнула.

— Не поможет.

— А ты не сомневайся, — засмеялась Инга. — Такая красавица. Как у тебя в этом смысле? Тебе везет в любви?

— Не знаю, — замялась Марианна. — Не очень. То слишком просто, то слишком сложно.

— Но у тебя должна быть куча поклонников. Я уверена в этом. Ты влюблена? Как его зовут?

— Это... моя тайна.

— Аа... тогда умолкаю. Но, судя по всему, ты неопытна, я могла бы помочь. Хороший совет на дороге не валяется. Я постарше, кое-что поняла в жизни, воспользуйся. Поговорим. Не только же крашению учиться... — голос ее звучал участливо и просто.

«А вдруг?»- подумалось Марианне.

— Да, я в тупике, — нерешительно проговорила она. — У меня ужасная история, я просто с ума схожу.

И в доверительной тишине, не видя собеседницы, она стала рассказывать все-все с самого начала. Так иногда бывает в поезде с незнакомыми попутчиками, душа открывается, все ее тайны выходят на свет дружеского участия незнакомого человека. Говорят, в будущем люди будут лечить друг друга доверительной беседой. Кто знает, что происходит, когда общаются два человека? И Марианна раскрылась. Слова сами просились на волю, душа воздвигала воздушные замки, обожествляла, любовалась, каялась и казнилась, молила о взаимности. Инга не верила своим ушам. В столь юном возрасте столь трагический накал! Недаром

она выделяется из всего потока. Но, увидела Инга с беспощадной ясностью, карта юной девы бита. Этого Нестора, каким живописало его влюбленное воображение, ей не получить. С таким грандом может справиться только сама Инга, этот орешек по зубам только ей.

Ей, Инге Великолепной.

В прошлом у нее был мужчина, из-за которого она чуть не отравилась. Он разрушил ее волю, «размазал по стенке», заставил исполнять любое желание, даже бил ее под пьяную руку. А был он известным кинорежиссером с мировым именем. И что же? Видел бы кто, как время спустя он молил о встрече, как *жизни возвращение*. Но ей, собравшей себя по крохам, восставшей из ничтожества, этот человек был уже неинтересен. Зато остался неистребимый вкус к опасной любовной игре.

— Ты говоришь, Миша знает этого Нестора? — спросила она, когда Марианна смолкла.

— Там все друг друга знают, — устало ответила Марианна и вдруг ощутила, как тонко и остро кольнуло в душу.

— Ладно, спасибо за доверие, — голос Инги был сдержан, даже деловит. — Твой рассказ удивителен, никогда бы не подумала. Ну, спим, спим, — ее постель скрипнула. — Завтра много работы. Спокойной ночи.

«А разговор, а совет? — приуныла Марианна. — Ах, я дурочка, дурочка. Глупая маленькая девчонка».

В те же дни пришло очередное письмо от Димы. Он просил раздать его адрес всем одноклассникам, чтобы писали ему в армию, в темную дождливую южную зиму. Марианна позвонила Саше. Тот обрадовался.

— Ты где сейчас? Куда поступила?

— В Академию текстиля. А ты?

— В Физтех.

— Поздравляю. Сложно там учиться?

— Еще бы! Такие корифеи преподают...

Они посудачили о том, о сем, о специальности, о профессорах, поболтали на равных, как два удачника, знающих, как не просто делается дело. Относительно писем в армию Сашка боль-

шого рвеня не проявил, но обещал черкануть разок-другой и сообщить адресок приятелям. После него Марианна позвонила Ленке-болтушке. Та записала адрес и тоже пообещала побаловать солдатика письмишком, осчастливить всех номером его полевой почты, и вдруг таинственно понизила голос.

— Слушай, Мари, ты видела Ольку Краснову?

— Мельком, в магазине. А что?

— Ничего не заметила? Совсем ничего?

— Вроде нет. А что случилось?

— Она беременна.

— Не может быть!

— Ей-богу!

— Она замуж вышла?

— В том то и дело, что нет. Тихоня наша.

— Она же ни с кем не ходила, — удивилась Марианна.

— Она и сейчас ни с кем не ходит. И не признается, от кого. Воспитаю, говорит, сама, это мой ребенок, я его люблю.

— С ума сойти. Может, ей помочь надо, раз такое дело?

— Не надо. Ее семья настроена так же, и ребеночка уже любят.

— Тогда дай Бог. Скромная героиня оказалась.

Недовольная ее словами, Ленка повесила трубку, а Марианна стала вспоминать Олю Краснову. Вспомнить было нечего. Столько лет учились в одном классе и ничего, совсем ничего не осталось! Странно. Один раз, правда, они были в туристическом походе. Четыре палатки на всех, две для мальчиков, две для девочек. Марианна попала вместе с Олей. Договорились, кто где ляжет. Но когда наступила ночь, Оля оказалась в соседней палатке, а возле Марианны расположилась Ленка. Чепуха какая-то. Может, Оля избегала ее? Ни в одно дежурство не попадала с Марианной. Тоже странно. Боялась, что ли? Тихая, незаметная. «Неужели я могу кому-то мешать? — подумалось Марианне. — Неужели кого-то задевает мое существование? Живу свою жизнь, занятая только собой, и кому-то мешаю? Не может быть. Сплошные сложности».

Потом опять навалилось страдание. О, любовь, оставь меня! Я устала, не могу больше. Как счастливо было совсем недавно!

Как цвела душа! Некуда, некуда деться от этой муки. Нестор. Нестор. Не мучай меня!

Инга никогда не бывала в мастерской Миши. Долгие и хмельные посиделки художников всегда представлялись ей бездарной тратой времени. Ее день, как правило, был расписан по минутам, благодаря чему ей удалось достичь гораздо большего, чем тому же Мише. Сейчас, однако, у нее появилась цель, ее раздражили слова этой девочки Марианны. Так ли он хорош, этот Нестор? Достоин ли того, чтобы предложить ему жесткую шквальную страсть, по которой она тосковала возле доброго и пресноватого Миши. Что же касается Марианны, то милой девочке придется как-то перебиться, все равно не видать ей этого Нестора, как своих ушей. К тому же в юности драгоценна именно неразделенная любовь, только она закаляет дух, делает мужчину мужчиной, а женщину женщиной. Не дай Бог взаимной первой любви! Эта тряпичная кукла сжует энергию всей жизни, тогда как в ином случае сохраненный запал пойдет на возмужание духа.

Повод нашелся самый благовидный. Михаил сам пригласил ее.

— Пятнадцатого ноября у меня день рождения, дорогая...

— Я отлично помню, Мишель. Ты же скорпион.

— Мне будет приятно видеть тебя среди моих друзей.

— Дома?

— Нет, в мастерской. На улице Вавилова шестьдесят пять.

В тот день было пасмурно. Зима вступала в столицу, устилая тротуары и крыши чистой белизной. Шел крупный снег, сквозь его завесу туманно проступал город, похорошевший стараниями последнего градоначальника. Зима уже никого не пугала грядущими холодами. Климат теплел, трескучий морозов никто не помнил, кроме стариков.

Инга приехала с опозданием, чтобы появиться в полном блеске, когда огни уже зажжены, а хмельные гости расположены к шумной беседе и созерцанию красивых женщин.

— Инга, моя дражайшая... подруга, — представил ее Миша, помедлив после слова «дражайшая», чтобы присутствующие

успели досказать про себя «половина». Он уже делал ей предложение и не сомневался, что со временем она его примет. — Прошу любить и жаловать.

Она протянула ему в подарок прекрасный французский мужской одеклон с изображением Наполеона в треугольной шляпе. Гостей было одиннадцать человек, среди них две женщины, жена Ивана Александровича и дама из худсовета московских выставок, некрасивая, но веселая и по-свойски простая со всеми. Инге налили штрафного, усадили рядом с Мишей и выпили за ее здоровье.

Она осмотрелась. Комната была небольшая, но с широким окном на северную сторону и дальним обзором с высоты двенадцатого этажа. На полу блестел светлый линолеум, на стенах висели хорошие копии Ван-Гога, Веласкеса и городской пейзаж Утрилло. Книжки, стопки рисовальной бумаги, рулоны ватмана, альбомы, прислоненные к стене картины, приколотое кнопкой расписание занятий, доски в углу, диван и раскладной стол составляли обычное убранство мастерской. Гости сидели на табуретах, подоконнике, батарее, придвинутом к столу диване.

Нестора она узнала сразу. Он сидел на диване и беседовал с худым гривастым мужчиной с ремешком на волосах. На нее он не обратил ни малейшего внимания.

«Тридцать три — тридцать четыре», — определила она, наблюдая искоса. Выждала, пока он случайно не взглянул на нее, и метнула в него первый значащий взгляд. Он замер, не удивился, лишь прищурился с интересом

«Вызов принят», — поняла она.

Вино почти кончилось, побежали за новой бутылкой. Диван отодвинули в угол, гости поднялись, разместились кто где. Нестор, покуривая, встал у окна. Инга поняла, что он ждет продолжения.

— А у меня для вас есть приятная новость, — сказала она, подходя.

— Какая же? — с улыбкой посмотрел он.

— Вас безумно любит моя студентка.

— Неужели?

— Ее зовут Марианна.

Он кивнул.

— Хорошая девушка.

Своим русалочьим взором Инга смотрела ему прямо в глаза. Он держал взгляд, не отводя глаз. Эта долгая молния соединила их, словно мост.

— Вы жестокий сердцеед, Нестор. Не хотела бы я оказаться на месте бедной девочки.

— В самом деле?

— Она умирает от любви к вам.

— Будет жить.

— Ваша мастерская где-то поблизости?

— В «школе», второй этаж, номер четвертый. Заходите... просто так.

— Это как же? — она подбоченилась.

— Гм... — Нестор кашлянул от ее смелости. — Там увидим. Когда вас ожидать?

— Завтра. В это время.

К ним подошел Миша, обнял Ингу за плечи.

— Люблю, когда мои друзья беседуют между собой, — благодушно произнес он. — Ты знаешь, дорогая, Нестор гений. В двух его словах больше смысла, чем во всех наших лекциях за целый год. А вот с женщинами тебе не везет, а, Нестор?

— Фатально, — усмехнулся тот, оставляя их.

На следующий день в снежных ноябрьских сумерках она вошла в его мастерскую. Он был один. Не говоря ни слова, подхватил ее на руки, опустил на постель, умелыми ласками довел до головокружения, до безумия... Она получила все, чего ей желалось, и жарче, и ярче, чем могла представить в воображении. Прерываясь, они пили вино, курили, и вновь преникали друг к другу. Усталость пришла далеко за полночь. Под утро страсть нахлынула снова, будто в самый первый раз, и снова было дивно и ослепительно.

Прощаясь, Инга ожидала, что он условится о следующем свидании. Нестор молчал. Она дала свой телефон, уверенная, что его звонок раздастся нынче же вечером. Ничего подобного. Выждав день и другой, она позвонила сама.

— Нестор? Это я.

— Здравствуйте.

— Почему на «вы»?

- Случайно. Извини.
- Ты не хочешь меня видеть?
- Откуда такая мысль?
- Не звонишь, не зовешь.
- Приходи.
- Когда?
- Как пожелаешь
- Тогда сегодня
- Договорились

Она положила трубку. Что-то не складывалось. Он изменил правила игры, и вместо острой, как рваная жесь, страсти, которую гордо предложила она, мягко отвел удар на ее сторону. «Мечь!» — решила Инга и не пришла вечером. Потянулись дни. Душа ее пылала, тело изнывало по ласкам Нестора. Она не ошиблась, это был сверхмужчина, как раз такой, по которому тосковалось. А зацепить себя не давал. Но Инга тоже была закаленным бойцом. Они сошлись лбами, как те двое на узком мосту. Несколько раз она набирала его телефон и тут же нажимала рычаг. Нет, первая она не уступит.

Каково же было ее удивление, когда в пятницу Миша привез Нестора прямо в Академию. Они вошли в ее аудиторию прикладного искусства, когда там занимались студенты первого курса. Спросив у Инги разрешения, Нестор медленно пошел вдоль рядов, всматриваясь в небольшие гобелены, которые ткали ученики на собственные сюжеты.

Марианна помертвела. Голова ее закружилась, послышался дальний звон, в воздухе словно запахло кипятком. Она опустила голову, еле ответила на его мягкое приветствие. Нестор спрашивал у Инги о подробностях ткачества, удивлялся висящим на стенах шпалерам. Он сразу понял выразительные возможности таких работ. Марианна, не глядя в его сторону, слушала его свободный гибкий голос, словно дальнюю-дальнюю музыку, он ранил и растворял ее.

В коридоре прозвенел спасительный звонок. Инга увела гостей в деканат.

Словно в тумане, Марианна закрепила нить на станке, медленно собрала вещи. Вот она и увидела Нестора, далекого, солнцеподобного, перед которым она — не она, а словно комочек

темных перепуганных нервов, еще немного и от нее не останется даже пепла... Из последних сил влачила она себя по коридору. Дверь в деканат была приоткрыта, и там, в луче света, смеясь, как боги, все трое сидели в креслах за чашкой кофе. Едва удерживаясь на ногах, Марианна прислонилась к стене. Все равно. Плохо. Накатывает, охватывает... Нет, она устоит, надо устоять! Надо, надо. Она что-то делала, делала внутри себя, что-то трудное, необоримое... И вдруг все изменилось. В один миг все трое очутились далеко-далеко, будто на мелкой почтовой марке. Они уже ничего не значили, ничего не ранили в ней. Марианна откачнулась от стены. Легкая невесомая сила струилась потоком. Как давно ее не было! Душа ее родная наконец-то вернулась домой.

В деканате, между тем, продолжался тайный поединок.

— Вы опасный человек, Нестор, — шутила Инга.

— Напротив, я смирен, как овечка.

— Как вам понравилось в Академии?

— Вы смотрите здесь еще красивее, чем в нашем Вавилоне.

Эту ночь она провела у Нестора. Что за ночь! Сноп огня! ... Наутро столкнулась с Мишей прямо на выходе.

— Привет, — кивнула коротко и победоносно.

Через два дня, увидев ее в Академии, он спокойно приветствовал ее обычным хлопком ладони о ее ладонь.

— Надеюсь, мы останемся друзьями?

Она покаянно и безнадежно махнула рукой.

Потому что с Нестором все повторялось. Он не просил о встрече. В жестокий шквал страсти попала она, а не он, она сходила с ума в его объятиях, она ломала свою гордость в унижении звонка. Наконец, Инга решила поговорить начистоту. В одно из свиданий, когда, утомленные, они отдыхали, спросила напрямую.

— Ты любишь меня?

Он молчал. Потом ответил вопросом, в котором слышался холодный интерес.

— Тебе хочется поговорить о любви?

— Хочется. Ты любишь меня?

— Конечно, нет.

Она села. Он засмеялся, набросил на себя одежду и стал ходить по комнате.

— Мы с тобой уже давно взрослые люди, не правда ли? И ты отлично знаешь, что тебе нужно. Зачем пустые слова?

— Мне нужен ты, Нестор. Я полюбила тебя. Мы подходим друг другу, разве не так?

— Выяснение отношений — любимое занятие женщин. Скучно.

— И все же?

— Изволь, — он пожал плечами. — Тогда, на дне рождения, своим взглядом-кинжалом ты презрительно предложила мне игру на уничтожение. Маленькую победоносную ядерную войну на поле души. Так? Ты рассчитывала, что я с готовностью подхватю это ритуальное убийство, и мы, словно два гладиатора, станем биться до полного истечения крови. Я чту обряд, я почитаю женщин, ты красивая хищница, с тобой великолепно иметь дело. Но и только. Ни пяди своей души я не отдаю. И никогда не скрываю этого. О чем же разговор?

— Ты меня не понял, Нестор.

— Инга, — он впервые назвал ее по имени. — Ты очень умная женщина. Давай закончим на этом, чтобы не удлинять плохое. Ты ведь не собираешься за меня замуж?

— К счастью, не собираюсь.

— Хоть здесь просвет. Сейчас половина первого, метро еще работает. Тебя проводить?

— Я на машине. А ты... ты недостойн настоящей женщины, оставайся со своей птицей.

Она ушла, злая, как мегера. Нестор погасил свет, и, отстранившись от окна, смотрел, как мигнули подфарники ее машины перед поворотом на главную дорогу. С тех пор, как женщины открыли на него охоту, он весьма преуспел в самозащите. Сколько их было! Но даже самая красивая женщина не может дать более того, что имеет. Зато нападает, точно ракетная установка. Свою женщину он пока не встретил. Либо не удостоился, либо не заслужил. Да существует ли она, его женщина? Разве что по частичке в каждой...

— Что, Птица, и тебе грустно? — вздохнул он, посмотрев на пленницу в клетке. — Да, брат, засиделись мы с тобой. Надо бы договориться с кем-нибудь, отправить тебя на родину...

Ноябрь на Кавказе — не самый приятный месяц. Дожди, грязь, холода. Ветер со снегом сбивает с ног, низкие тучи тянутся над равниной, закрывая небо и полосу гор.

В один из таких хмурых дней случилась беда, в части не досчитались Гоши. Кто-то видел, как его затолкали в машину и увезли. Теперь надо было ждать, чтобы дошел слух об условиях освобождения. Через несколько дней Руслан известил Диму, что хочет его видеть.

— Я тебе доверяю, друг, — сказал он по-чеченски, — Твой товарищ находится далеко отсюда. За него просят пятьдесят тысяч долларов. Пусть отец-банкир поспешит.

— Его отец не банкир, — возразил Дима.

— Это уже не важно. Мое дело передать. Темнить и медлить не советую, можете опоздать. Там разговоры короткие, сначала мизинец отрубят... Деньги примут только от тебя.

Это была крутая встряска. Мужской разговор с отцом Гоши по телефону, тайный приезд в Москву на полдня. Ему запретили видаться даже с любимой девушкой. Зато Ленка столкнулась с ним прямо на остановке.

— Димка! Ух, какой стал! В отпуск?

— В командировку. Какие новости?

За пять минут он узнал, кто куда поступил, кто работает, кто женился. У всех было по-мирному благополучно. О женских сплетнях Ленка умолчала, и про «положение» Оли Красновой ему ничего известно не стало.

Он принял сумму, пересчитал до последней бумажки, привез и передал «тем». Это сверхопасное дело провернули всего два человека, старший лейтенант и он, Дмитрий Соколов, чисто и точно, словно всю жизнь исполняли тайные риски. Ночью, в сырой сгущенной тьме он принял у «них» Гошу. Серого, небритого. Никогда не забыть встречи отца с сыном.

Нет худа без добра. После всех потрясений рядовой Дмитрий Соколов был произведен в ефрейторы. Ефрейтор Соколов!

Радуйтесь, отец-мать, радуйся, если хочешь, и ты, девчонка Марианна, с твоими редкими письмами.

Для Гоши армейская лямка завершилась. Он возвратился на гражданку, в достойную жизнь, стал готовиться в Университет, осуществлять мечту о дальних странствиях.

То, что произошло тогда у деканата, стало возрождением Марианны. Отступили, опустились на глубину муки горьких переживаний, а сама она изменилась и повзрослела, словно после опасной болезни. Это была та же девушка и пела она по-французски ту же песенку, но уже никто не слышал от нее «заявлений» о необыкновенной судьбе, ожидающей ее с дарами.

В начале декабря позвонил и вскоре заехал армейский друг Димы Соколова, Гоша, автор мечтательных морских стихов, которые присылал Дима. Он порассказал по секрету много такого, о чем не прочитаешь ни в одной газете. Марианна слушала, молчаливая от гнева. Вон что творится! Вон что рассказывает ее ровесник! А Гошка и рассказал-то одну сотую часть, ему хотелось забыть обо всем, учиться в Университете на «морской геологии», искать затонувшую Атлантиду. Он преподнес Марианне цветы как девушке его друга и брата. Марианна не разувверяла его, ей тоже хотелось забыть кое-что.

Но прошлое не исчезает. Однажды ночью ей приснился сон: небо, восход и на дымно-алой заре взмахи серых журавлиных крыльев и жалобный журавлиный крик. Все дышало присутствием Нестора. Марианна проснулась в слезах. Потом на большом листе бумаги возникла дымно-алая заря, серые журавлиные крылья. Она оснастила станок, взялась подбирать цвета. Работа пошла споро. Через неделю гобелен предстал пред строгие очи наставницы.

Увидев его, Инга застыла на месте. Жалобный журавлиный крик, душа Марианны, ее безответная любовь. Она обняла свою ученицу.

— Превосходно, Марианна. Это произведение искусства. Прими поздравление, ты состоялась.

Никто, даже мать, не услышали от Оли имя отца ребенка. Эту тайну она хранила в глубине сердца за семью печатями. Она то и дело встречала на улице его родителей, иной раз набирала номер телефона, чтобы по их «алло» убедиться, что все в порядке. Большого не требовалось. Его сын, она была уверена, что это мальчик, уже резво молотил ножками, буянил внутри своего убежища, а она, против всех правил, хорошела на глазах. После моря и после обожания, которым окружил ее Тарасик, она успокоилась. Как признавалась она сама себе, любовь его осветила добрым лучом самые оскорбленные уголки ее души. Тарасик же провожал ее с надеждой, что весной, после всего, она изменит свое решение.

— Я буду ждать тебя, Оля. Знай, что один мужчина на Черноморском побережье мечтает заботиться о тебе, готов принять тебя в свою жизнь.

Семья оберегала каждый Оленькин шаг.

— Главное, здоровье, остальное приложится. У других вообще ничего нет, одни потери, а у нас прибавление. Ребенком Бог благословляет, — рассуждала Анюта не без оглядки на соседских кумушек.

Не обращать на них внимание она, сама хорошенькая кумушка, не могла, в ее силах было лишь помалкивать о дочери и тихонько злыдничать о чужих напастях.

В ноябре по всей округе запестрели объявления. Открывшийся поблизости Американский учебный центр приглашал выпускников средней школы на полугодовые курсы секретарей-делопроизводителей. Заплатив нужную сумму, пришла учиться и Оля Краснова. Сверстники отнеслись к ней с пониманием. Тихий родниковый свет в ее глазах в группе ощутили как спасительный маяк в страстно-беспокойной смуте бегущих дней; при ней никто не выражался и, конечно, не курили.

Под Новый год Тарас Никоненко прислал с проводником поезда большую коробку с фруктами, медом и сыром, в марте собирался явиться сам, чтобы стать ей надежной опорой накануне главных событий. Но двадцать пятого января она увидела по телевизору настоящий военный бой в Чечне. Дима бежал прямо на взрывы и упал возле танка. Оля вскрикнула. Пока братья неумело вызывали «Скорую помощь» и звонили на работу матери, ро-

дившийся ребенок возвестил о себе оглушительным криком. Семимесячный мальчишка орал так, что даже перенервничавшая Анна Николаевна рассмеялась.

— Мои дети тоже рождались здоровыми, но такого я еще не слышала.

Врачи подтвердили ее слова, малыш был вне опасности. Глаза его смотрели прямо, зажим пальчиков был цепок, как у обезьянки. Молодую мать и дитя оставили дома на попечение родителей.

На Олю сошло блаженство, знакомое только женщинам. Велика гора да забывчива, гласит пословица. Сыночек! Вылитый отец! Набрал осторожненько знакомый номер, она не услышала плохого в голосе его матери, у Димы все благополучно. Если бы он знал!

Дня через три Анна Николаевна осторожно присела на постель дочери.

— Оленька, мальчику пора дать имя, крестить, прописывать в квартире. Пусть у него будет наша фамилия, но он вправе вести свой род и со стороны отца. Кто он?

— Это мой ребенок и больше ничей.

— Так не бывает.

— Бывает. Я же не знаю своего отца, — тихо проговорила Оля.

Анна Николаевна молча опустила глаза. Ребенок спал возле подушки, ручки его в зашитых рукавах теплой цветастой распашонки были закинутаы вверх, по обе стороны головы, как любят спать все здоровые дети. Он быстро набирал вес, был подвижен и силен.

— Ты права, мама, извини меня, — вздохнула Оля. — Его отец Дмитрий Соколов, мой одноклассник.

— А-а, — протянула мать. — Тот, что служит в Чечне? Ты его любишь?

— Да.

— Сообщишь ему?

— Ни за что.

— А вдруг он обрадуется? Сын ведь!

— Мама, прошу тебя.

Мать сделал вид, что отступилась.

После студенческих каникул, день в день, Оля пришла на курсы. До апреля оставалось два с половиной месяца, ей хотелось закончить обучение. На четыре часа в день с ребенком оставалась няня, пожилая добрая женщина, соседка по дому. Олю встретили с поздравлениями. Светловолосая, мягко-стройная, с нежной и свежей, как сливки, кожей, она с каждым днем становилась все привлекательнее. Однокашники было насторожились, но отступились, не подступив.

— С такими не гуляют, на таких женятся.

В первое же утро, как только дочь ушла, Анна Николаевна выдвинула ящик письменного стола, где лежали ее тетради. Адрес Димы был написан на одном из листков, которые Ленка раздавала всем, кого не встретит. Письмо у Анюты было готово уже давно. Она заклеила его в конверт и для верности отнесла прямо на почту. Незачем повторять ошибки молодости, мальчику нужен отец, мало ли что случится в жизни. Дмитрий Соколов будет хорошим отцом, хотя еще и не знает об этом, а как общественнице ей было известно, что их семью уважают, а по отцу и сыну честь, а родная кровь не шутка... и так далее, многое, многое, что думалось Анюте в приложение к отправленному письму.

Никто и никогда не получает в армии много писем. Раз в неделю пишет мать, раз в месяц какой-нибудь друг, еще реже подруга, если это не жена.

Дни шли, похожие один на другой: строевая, стрельбы, учения. Армия! Впрочем, Дима уже не скучал на службе. Он стал незаменимым человеком в своей воинской части, ему удавались такие поручения, каких не мог бы исполнить никто, кроме него, ефрейтора Дмитрия Соколова, своего в доску парня. Он освоил приемы десантника, выполнил норму, получил краповый берет, он научился неслышно ходить, хранить молчание, ему были известны такие вещи, за которые дорого бы дало начальство, Он стал взрослым мужчиной, знающим разные стороны жизни. Казалось, уже ничто не может не удивить его, поставить в тупик. В середине февраля он получил письмо из Москвы. Он уже не ждал весточки от Марианны, знал, что у нее экзамены, каникулы, какой-то гобелен, и вообще ей не до него, и что отвечала она, как и

договаривались, чтобы не обижать солдатика. И почти бросил ей писать, так, лишь иногда, по настроению. У него даже закрутился роман с бойкой молодой связисткой из Тамбова. Солдат всегда солдат. На родине у связистки была семья, но муж не работал, она приезжала на месяц через месяц, третий год подряд, и, конечно, Дима был не первым в череде ее временных возлюбленных.

Конверт из Москвы был подписан незнакомым почерком. Полагая, что это вспомнил о нем какой-нибудь кореш, Дима небрежно вскрыл конверт и стал читать.

«Дорогой Дима! Пишет Вам мать Оли Красновой. Она запретила Вам сообщать, не хочет, чтобы Вы знали о ее делах. Дима, у нее от Вас родился сын, здоровенький мальчик. Родился он двадцать пятого января раньше срока, семи месяцев. Он подвижный, уже улыбается. Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить. Похож на Вас. Но Вы не расстраивайтесь, мы воспитаем его в своей семье, от Вас просить ничего не будем. Только сами знайте, что у Вас растет сын. С уважением к Вам, Анна Краснова».

Дима опустил руку с письмом. И застыл, не зная, что и думать.

— Что сидишь, будто пыльным мешком шарахнутый? — спросил Витька, второй армейский друг.

Тот протянул ему письмо. Прочитав его, Витька присвистнул.

— Поздравляю. Не верь ни одному слову. И вообще не отвечай, отсюда все равно не разберешься. Твой, не твой... издалека не видно.

— Не видно, — согласился Дима.

— Хорошенькая хоть?

— Да так... худая, белобрыся.

— «Ромашка», одним словом. Эти самые вредные. Теперь держись. Доставать тебя будут, в натуре, грузить на всю катушку, через начальство, штаб, Минобороны. Ха-ха-ха! Поздравляю.

Молча поднявшись, Дима вышел из казармы, стал смотреть на дальние горы. Витька прав. Ответа на письмо не будет.

После зимней сессии и Татьяниного дня начались студенческие каникулы. Марианна, подхватив лыжи, укатила в Подмосковье в дом отдыха, по бесплатной путевке, которой ее поощрили как отличницу. На две недели здесь собрались студенты из разных вузов, веселый горластый народ, только что переживший экзамены. Это был праздник! Две недели мелькнули как единый белый день. В последнее утро до завтрака она встала на лыжи и побежала в лес в полном одиночестве.

Февральский денек едва развиднялся, воздух был крепок, как деревенская простокваша. Снег устилал всю землю, пеньки, пригнувшиеся ветви кустов, лежал на сумрачных еловых лапах. После длинного с ветерком спуска к мостику через незамерзающий ручей с его живыми прозрачными струями, цветными камешками русла и даже зелеными травинками под тонким прибрежным льдом, начался подъем из оврага на открытое место.

Над равниной стелились близкие облака. Их туманная череда, влекущаяся на удивление ровно от земли, видна была далеко над заснеженными холмами. Марианна толкнулась палками и понеслась вниз по склону. Ветер бил в лицо, приходилось пружинить и приседать, почти взлетать над неровностями длинного спуска. Скорость и радость вошли в нее. Внизу лыжи остановились. Опершись на палки, она оглянулась вокруг, снизу вверх. И вдруг поняла их, эти холмы, сугробы, облака, поняла в один миг.

По возвращении домой сразу приступила к новой работе. Через несколько дней в коридоре Академии ее остановила Инга.

— Расцвела на загляденье, Марианна! Вот что значит отдых.

— К вам это относится больше, чем ко мне. Инга.

— Спасибо. Умеешь приятно ответить. Слушай внимательно. Есть одна возможность, — Инга взяла ее под руку и отвела к дальнему окну. — В начале марта в Лейпциге намечается выставка художественно-прикладных студенческих работ со всей Европы. Мы приглашены. У тебя есть идея для гобелена?

Марианна кивнула.

— Вроде бы.

— Когда покажешь?

— Завтра.

— Жду. А я помогу тебе. Уверена, что в Германию поедешь именно ты.

То, что принесла Марианна на другой день, заставило Ингу смотреть не отрываясь. В пятнах белого, зеленого, синего, розового цветов, словно изнутри освещенных золотистым светом, угадывались отблески зари, очертания холмов, заснеженных деревьев, все сливалось, расходилось, мерцало и грело. Глубинное ликование жизни, внятное любой душе, ликование не младенческое, но отстрадавшее, струилось на зрителя, как откровение.

— Да... — Инга отошла на несколько шагов, посмотрела одним глазом через сжатую трубочку ладонь и развела руками. — Я предсказываю большой успех. Как это называется?

— «Радость»

— Точно в яблочко.

Она рассчитали наилучший размер будущего творения, заказали рамку, составили опись необходимых цветов и оттенков. Их получилось больше ста пятидесяти, поэтому крашением пришлось заниматься несколько дней. Основу натянули частую, нить утка выбрали тонкую, чтобы все переливы цвета, все изгибы линий попали на живописное полотно. Для золотистости и румяности расплели на паутинки цветной скрученный люрекс, и чуть заметными искринками вручную добавили к шелкам. Подготовка закончилась.

Марианна работала дома. Инга приезжала ежедневно, следила за каждым рядом плетения. Она привезла две финские лампы дневного света для ранних сумерек, ввела новшества в крепление изнанки, подсказывала приемы и тонкости, известные лишь мастерам. Словно две супрядки, они пели песни и судачили по-бабьи, набивая рядок за рядком, виток за витком.

— Познакомилась я с твоим Нестором, помнишь, Миша привез его в Академию? — небрежно проговорила как-то Инга. — У тебя хороший вкус. Он и в самом деле далеко незауряден. Но это прирожденный бобыль. К тому же софист, философ. Как на твой взгляд?

Марианна пожала плечами. После знакомства с Гошей ей подумалось, что, подобно опустившейся Атлантиде, любовь ее к Нестору тоже исчезла в неизведанной глубине, а сам Нестор словно замкнул ее уста. Ни слова.

От Инги же, как от стенки горох, давно отскочили порывы страсти, она освежилась в них как утка, научилась кое-чему в порядке обмена опытом. Жизнь — не чемпионат мира, новое поражение приближает новое торжество, а то, в свою очередь, новое приключение, и так до бесконечности. Главное, что Миша всегда рад ей, что он умнее дешевых обстоятельств. Все о`кей.

— К тому же, — продолжала она, откусывая бирюзовую нить длиной от кисти до локтя и обратно, — года через три-четыре Нестор постареет, потеряет шарм и перестанет нравиться женщинам. Зато ты будешь в самом расцвете, придет твой звездный час!

— Придет, так придет, — шевельнула бровью Марианна, вслушиваясь, как тонко отзывается имя «Нестор» в ее сердце.

— Но кто-то должен быть непременно, — Инга подала короткий отрезок бледно-зеленого шелка. — Сердечные дела запускать нельзя, иначе потеряешь форму. Поверь мне.

Марианна рассмеялась.

— Охотно верю. Ой, наши нитки! Брысь, брысь, — и бросилась отнимать клубочек у кошки. — Так и норовит заиграть под диван, попробуй-ка достать потом. Инга, вы не устали от этого кресла? Пошли на лыжах! У нас тут зайцы бегают, честное слово!

— А волки?

— И волки тоже. Пошли.

— Да я на каблуках.

— Наденьте мамины лыжные ботинки.

Они и вправду выбежали на улицу, помчались по лыжне от старта до финиша, разогрелись, принялись разминаться, наклоны-повороты-приседания, кидать снежки в шершавый ствол сосны с правой и левой руки на точность, наигрались, разрядились и медленным скользящим шагом направились домой вдоль дороги, обе румяные, красивые, разные.

Вдруг в женщине, шедшей навстречу с детской коляской, Марианна узнала Олю.

— Оля! Поздравляю! Кого Бог послал?

— Сына.

— Пусть растет здоровенький.

— Спасибо, — мягко поблагодарила та и вдруг добавила, словно извиняясь за то, что личико ребенка прикрито кружевным покрывалом. — Он у нас семимесячный.

— Да? — проговорила Марианна, не зная, как отвечать.

Выручила Инга.

— Семимесячные дети до ста лет живут, — заметила она. — Как Уинстон Черчилль, самый знаменитый англичанин двадцатого века. Он вообще на балу родился, на ворохе шуб.

— Спасибо на добром слове, — улыбнулась Оля.

Дома они вновь принялись за дела. Марианна включила тихую музыку. Встреча с Олей не шла из головы.

— Моя ровесница, самая тихая в классе, а уже родила. Никого не стала ждать, родила сыночка и живет себе дальше. Похорошела, женственная стала.

— Это не твой путь, Марианна.

— Не мой. Но обдумать не вредно.

— Тебе нужен мужчина под тридцать. Умный богатый, и чтобы понимал тебя, любил без памяти. И ты бы любила.

— Такие давно женаты, Инга. Где его взять?

— Для тебя найдется. Войны нет, мужчин много, на наш век хватит и останется. Если уж Нестор не женат... Кстати! — Инга сняла сумочку со спинки стула и бросила на стол пачку цветных фотографий. — Выбери на память. Миша снимал.

Нестор был снят в своей мастерской, на фоне окна и пестрой занавески. Видны были и серая клетка, и альбомы, банки с кистями на подоконнике. Опершись на мольберт, стройный, легкий, недостижимый, Нестор улыбался, внимательно глядя серыми глазами. Марианна вновь вслушалась в себя. Тишина. Хрупкая, как первый ледок.

Инга наблюдала за ней. Что за тончайшее выражение лица! Как просветлело оно в горниле любви!

— А, знаешь ли, — произнесла она с уверенностью, — встретить ты его сейчас, он был бы твой. Честное слово! Ты очень изменилась, ты на редкость чутка и восприимчива.

Гобелен был окончен двадцать четвертого февраля. Шума в Академии он наделал громкого. В конференц-зал, где его выставили на два дня, ходили толпами все курсы. Потом его упаковали и повезли в комиссию Европейской студенческой выставки. Вы-

зов пришел незамедлительно. Марианна Волошина приглашалась в Лейпциг.

Лейпциг, Лейпциг. Старинные средневековые кварталы с мощеными улочками, приземистыми крепкими домами, украшенными каменной резьбой, и лепниной в виде гирлянд, венков, зверей и скульптурных изваяний, с фигурными окнами то стрельчатыми, то округленными, то с провисающей серединой, затейливо забранными решетками, отлитыми, должно быть в те же времена и начищенными словно для праздника; и современный европейский Лейпциг, высотный, воздушный, светлый, с фонтанами, цветочными клумбами, веселыми, яркими уже в марте, город необычайно опрятный, удобный, с узорчатым тротуаром.

Из России на выставке были трое — две девушки: Марианна из Москвы и Настя из Самары, и молодой человек из махачкалинского университета Магомед Насруллаев. Он привез на выставку кинжал с древнекавказским рисунком на сверкающем лезвии, в ножнах, богато украшенных насечкой, камнями и эмалью. Девушек поселили в номере на пятом этаже среди зеркал, ковров и гобеленов во всю стену с изображением королевской охоты. Изучив его с лица и с изнанки, Марианна осталась довольна образцом раннебарочного искусства.

Мастерство Насти было необычным. Свои картинки она пекла. На холсте в рамочке изображалось, к примеру, застолье старинной русской свадьбы. Тут и стол, полный яств, и румяные *молодые*, и родители, озабоченные приданым, и усатый свадебный генерал, пьяные гости, шельмоватые слуги... все прорисовано до мелочей, даже кошечка на полу, канареечка в клеточке, бальзаминчик на окне с цветастой занавесочкой, но лица, лица героев, их выпуклые бляшки размерами с мелкую монету, и кисти рук были выпечены из теста, раскрашены и приклеены на свои места. Вот голова, похожая на редьку хвостом вверх, а вот редька хвостом вниз. Ткани одежд, обоев, скатертей были настоящими, а вся утварь, обстановка, написаны красками, но живопись и материя, да печенье из теста лица так живо и смешно сочетались в картине, что глаз не оторвешь! А между тем сколько труда! Были другие изображения.

— Ах, Настя, что за прелесть! — смеялась Марианна. — Ну, как можно было это придумать?

— Ничего особенного, простая забава. Вот твой гобелен — это да. Как можно это сделать?

Выставка открылась торжественно. Перед входом в городскую библиотеку, где помещался зал, развевались на длинных шестах десятка два государственных флага стран-участниц, студентов поздравили «отцы города», играла музыка. Посетители хлынули толпой.

— Марианна, — окликнула Настя.

Она подошла с Магомедом, красивым и усатым, в национальной одежде с золотыми галунами. Многие здесь были в народных одеждах, немецких, французских, итальянских, и наши девушки вздохнули, что не пошили хотя бы сарафанов. Так просто, а не догадались. Или русский народ так углублен в себя, что не озабочен возможностью покрасоваться перед другими?

— Предлагаю отметить событие стаканом легкого вина, — предложил Магомед.

Настя засмеялась.

— Он привез бочонок литра на четыре, — она показала руками нечто округлое. — Со своих виноградников. Пойдем, пойдем.

— Приглашаю вас, Марианна, не обижайте. Меня собирали в дорогу пять аулов, за всех надо поднять бокал.

— Потом, позже, — улыбнулась она.

Они ушли.

Смотреть на европейскую публику, на выражение лиц, неуловимо отличное от московского, было интересно. Они говорили на своем языке, казалось, очень умное, и словно бы знали нечто неведомое, поэтому были непонятны и отчуждены, хотя общечеловеческие движения души прочитывались ясно. В их внешности и улыбках присутствовала доброжелательность, которой хотелось довериться, но что-то мешало. Она уже успела ощутить холодок одиночества, хотелось домой, в Россию.

«Могла бы я полюбить иностранца? Вон того, в клетчатом пиджаке, или того, с курительной трубкой в кармане? Или спортивного блондина? Любовь, любовь... нашла о чем думать в середине Европы.»

Зал был просторный, с нишами, удобными для экспонатов, со светлыми стенами и дорогим наборным паркетом, с высокими недостижимыми окнами, которые словно дымились за белослоистыми занавесями, струившими ровный свет без теней.

Гобелен Марианны висел в почетном одиночестве на матовой стене в углублении, словно приглашая зрителей к созерцанию без лишних помех. Поверху были привинчены две мелкие лампочки с непрозрачными чашечками-абажурами, их лучи, закрытые от глаз, подсвечивали краски и золотистое сияние полотна. Табличка с именем автора и названием была написана по-немецки, но у нижней кромки стояла и прежняя надпись «Радость». Увидев тканый цветной перелив, люди сначала всматривались в него, давая впечатлению самому найти слово, и лишь после этого прочитывали табличку. Кое-кто усаживался на зеленую бархатную скамеечку и задумчиво устремлял глаза на гобелен.

Этот молодой человек тоже присел на зеленую скамью и тихо повторил про себя.

— «Радость», Марианна Волошина.

От неожиданности Марианна повернулась к нему.

— Ах! Это вы? — она вскочила.

На скамейке сидел Сергей Плетнев.

— О-о! — он тоже поднялся и радостно приобнял ее. — Какая встреча! И где! Я думал о вас, Марианна.

Сергей был при галстукке, в руке держал деловую папочку на замочке. Он выглядел бы совершенно западным бизнесменом, если бы не сердечная улыбка и теплые смешинки в глазах, свои, истинно русские, да светлый вихор надо лбом, что «корова языком лизнула».

— Откровение истины, — продолжал Сергей, всматриваясь в гобелен. — Как вам удалось? Такая трепетность, свежесть, даже говорить возле него не хочется. Пойдемте по залу. Ваш гобелен стягивает на себя внимание всего зрительного пространства, его неспроста повесили с таким уважением. Одним словом, это Гран-при.

Они пошли по красивому паркету.

— А что вы делаете в Лейпциге?

Он протянул визитную карточку.

-«Сергей Иванович Плетнев, генеральный директор концерна «Возрождение», — прочитала она.

— Я здесь на деловых переговорах. Третий день молчу по-русски, как немой. У себя в номере все песни перепел, русские, сибирские, казацкие, по десятому разу начал.

— Так вы из Сибири? — она искоса окинула его коренастую фигуру.

— С Байкала.

— Славное море, священный Байкал?

— Точно.

— Вы ловите омуль? — ей хотелось шутить, его теплое излучение грело, как солнышко.

Сергей рассмеялся.

— Омуль — прекрасная рыба, угощу вас в Москве. Увы, я уже давно не ловлю, я архитектор. По всей России строим, реставрируем. Марианна, давайте на «ты», земляки же. Согласны?

— Надо привыкнуть.

Они оделись, вышли на улицу. На Марианне было легкое ворсистое пальто кофейного модного цвета, шарф и берет с помпоном; ее спутник надел широкий плащ и приподнял воротник. Несмотря на его коренастость, она на своих каблуках смотрелась чуть ниже него, и только помпон на берете был почти наравне. В уличных зеркальных витринах отразилась приятная молодая пара.

— Минутку, — задержался он возле лотка с цветами. — Сегодня Восьмое марта! Цветы и поздравления от чистого сердца.

— Ах, — она вдохнула прозрачный цветочный аромат.

— Тебе идут цветы!

— Как всем женщинам

— Всем и одной.

Первое стеснение прошло, разговор струился сам по себе. Сергей шутил, мягко держа ее под руку, она смеялась, чувствовала его прикосновение, оба любовались Лейпцигом, вечеряющим небом, морем цветных рекламных огней, вспышек, движущихся цветовых картин.

— Знаешь, Мариша, о чем я подумал, когда впервые попал в Европу?

— О че-ем? — протянула она. — О чем можно подумать впервые в Европе?

Сергей рассмеялся вместе с нею. Ему было легко с этой девушкой, он не забыл ее, вспоминал иногда с нежной грустью, как о заветном земном счастье. И вдруг встреча...

— Вот о чем. Это было в Голландии, года четыре назад, в чистеньком городке на самом побережье у корабельных верфей. Я понял, чем пленился царь Петр, будучи здесь простым плотником.

— Чем же? — вдумчиво спросила Марианна.

— Общей опрятностью и точностью в работе. Поначалу это разит наповал и настолько, что готов презреть родимые авоси да небоси, дикие азиатские корни. А потом скучно.

Он замолчал. Марианна искоса посмотрела на спутника. Ей не понравились «дикие азиатские корни», но, вспомнив о байкальско-казацких началах, улыбнулась и замурлыкала про себя. Сергей уловил.

— Не понравилось, — он крепко прижал ее руку. — Значит, будет, о чем поговорить. Что ты поешь?

Она вслушалась.

— Это французская песенка: «За окном цветет виноград, а мне всего семнадцать лет...»

— Ты владеешь французским?

— Слегка, вместе с английским. А ты?

— Я тоже. Незнание языков считается здесь неграмотностью. А не зайти ли нам в кафе? Как насчет чизбургеров и гамбургеров, будь они неладны?

— Вот именно.

— Еда не для белых людей. Найдем что-нибудь человеческое.

В подвальчике, знаменитом на всю Европу своей двухсотлетней паутиной, похожей на пыльную бороду короля Артура, они уселись за некрашенный деревянный стол и с удовольствием перекусили свиной отбивной в шипящем сале, жареной картошкой, холодным свежим пивом. Марианна рассказала Сергею о четырехлитровом бочонке вина, на который была приглашена.

— Наверяд ли это легкое вино, — усомнился Сергей. — Это виноградная водка, очень крепкая, не для молодых девушек.

На улице уже стемнело, когда они вновь очутились на тротуаре.

— Странно. Всего шесть часов вечера. Здесь темнеет раньше, чем у нас, — удивилась Марианна.

— Потому что здесь нормальное поясное время, — пояснил Сергей. — Без декретного часа. Они берегут здоровье нации, работают, чтобы жить, а не наоборот, — он смотрел на нее любующимся взглядом. — Марианна! Время еще детское. Как насчет театра?

Они попали на представление городской труппы современного танца. Среди пышных ярусов и портьер, в ослепительном свете тяжелой люстры и мелких канделябров, вежливо подняв нескольких зрителей, она уселись в бельэтаже в последнем ряду. Свет медленно погас. Вздрогнув, пошел в стороны тяжелый, как старинная шпалера, занавес, затканый гербом города Лейпцига, флагами и фанфарами. На сцену вышел человек в черном трико, с белым, как мел, лицом, ярко-красным жадным ртом. Сделав несколько угловатых движений, он упал на спину и стал дергаться, как паук. Из-за кулис выбежали еще несколько фигур и застыли в некрасивых позах. Марианна разочаровано посмотрела на своего спутника. Воспитанным на русском танцевальном искусстве да на лихих страстях, нелегко смириться с пустыми поделками актеров с застывшими намалеванными лицами.

— Скучаешь? — Сергей тихонько привлек ее в темноте.

Их руки сплелись, голова Марианны легла на его плечо, и между ними начался тот ласковый танец трепетных пальцев, какой бывает только в юности. Первое отделение пролетело незаметно. Зажегся свет. Марианна смутилась.

— Девочка моя, — улыбнулся Сергей. — Мы все решим сами.

Она опустила глаза.

— Не отвечай, не надо. Помчались в буфет. Вот за пирожные я ручаюсь. С шоколадным кремом, орехами, цукатами из папайи.

Во втором отделении на сцену выбежали народные плясуны. Стало повеселее. Теперь Сергей и Марианна сидели, едва касаясь локтями, зато поминутно встречались взглядами. Словно бы исчезли собственные границы, чувства объединились и сво-

бодно плескались в ласковой тишине. Шел двенадцатый час ночи, когда в душе Марианны неясно шевельнулась тревога. Какая, откуда?

— Мне пора в гостиницу, Сережа.

— Пора, так пора. Пойдем.

Они вышли из зеркальных дверей театра. Улицы были пустынные, лишь огни рекламы переливались яркими цветами, но и их стало меньше. По широкой пешеходной улице они пробежали до перекрестка, свернули налево и остановились, ожидая зеленого огня светофора. Машин на дороге не было.

— Бежим, — шагнула Марианна. — Чего ждать-то?

Сергей удержал ее.

— Ты не в Москве, Маришка. Стой и жди «зеленый». Немцы — они во всем немцы.

Она дернула плечами.

— Вот ещё! Всегда, что ли, по шнурочку ходить?

— Да уж, не наша кровь. Зато стопроцентная немецкая надежность.

— Бежим.

Большинство окон гостиницы были темны, лишь над входом по-прежнему переливались затейливые готические буквы.

— Где твоё окно? На пятом, с балконом? — поднял голову Сергей. — Твоя соседка либо не спит, либо включила ночник. Странно, — он всмотрелся внимательнее. — Странно. Похоже, что в комнате плавают завитки дыма. Я видел такое однажды. Скорее, скорее.

Они пробежали мимо портье к лифту, потом по тихим коврам пятого этажа к двери, толкнулись в номер. Замок был заперт изнутри, за дверью стояла тишина. Сергей налег плечом. Тщетно. Марианна смотрела на него.

— Что могло случиться, Сережа? Надо позвать кого-нибудь.

Он отрицательно мотнул головой.

— Ни за что. Огласка — это конец всему. Здесь не шутят. Бежим вниз, я что-нибудь придумаю.

Вокруг дома росло несколько высоких деревьев, не близко, но так, что самые тонкие ветки могли шелестеть у балкона на расстоянии вытянутой руки. Одно из таких деревьев, липа, тем-

нело на фоне городского засвеченного неба ближе всех. Медлить было нельзя. Вокруг не было ни души.

— Держи, — Сергей сбросил на руки Марианны плащ, пиджак, рубашку, швырнул на замерзшую землю ботинки и носки. — Смотри снизу и желай удачи.

Подпрыгнув до нижней ветки, он подтянулся и с проворством таежного шишкователя, привыкшего забираться на вековые кедры, пошел вверх по стволу, как по ровному месту, и это в Лейпциге, в самом центре города! Поравнявшись с пятым этажом, он заглянул в окно. И качнул головой, увидев всю картинку. Затем продолжил подъем к самым верхним тонким веткам. Ухватившись сразу за несколько, повис на них всей тяжестью, рывочками склоняя к балкону, здесь, на страшной высоте.

— Ой, мамочка, помоги ему, ой, мамочка, — дрожала внизу Марианна.

Липа нехотя наклонялась. Осторожной раскачкой, вцепившись как клещ, Сергей приближался к балкону. Рывок, рывок, еще, ближе... Вот уже палец ноги ощутил холод железа. Крах! — сломалась, будто выстрелила, верхняя ветка, его шатнуло вбок, но босая нога успела зацепить решетку, словно утюгом. Сергей повис на сгибе лодыжки между балконом и охапкой схваченных ветвей.

— Все хорошо, хорошо, хорошо... — заклинала внизу Марианна

Он бросил ветви, подтянулся к коленям, ухватился за перила и спрыгнул на балкон. Со свистом распрямилось потревоженное дерево. Открыть балконную дверь труда не составило. Распахнув настежь обе створки, впуская холодный свежий ветер, он в первую очередь выдернул из розетки кипятильник, опущенный в сгоревшую кастрюлю с чадающей едой, после чего взялся за людей. Настя и Магомед лежали в объятиях друг друга. Оба опьянели от водки, угорели от дыма, мычали и кашляли в ответ на его расталкивания. Не теряя времени, он завернул каждого в одеяло и вытащил на балкон. Кое-как заправил постель. После этого разрешил подняться Марианне. Быстро оделся.

— Убери на столе и в номере так, чтобы комар носу не подточил, — скомандовал отрывисто. — Я сбегая за крепким чаем и лимонами, больше им ничего не нужно, пока не очухаются. Эту

гадость вылей, куда следует, кастрюлю и кипятильник заверни в пакет, я выброшу по дороге.

Марианна выполняла приказания. Вскоре комната обрела прежний вид, даже цветы ее стояли в вазе, но резкий дух пожара впитался в стены как самая прямая улика. Еще через полчаса горемыки сидели в креслах, со стоном держась за виски, бледные, вялые, как картофельные побеги, и пили крепкий чай с половинками лимонов в чашке. К рассвету молодые люди окончательно пришли в себя. Настя надела лучшее платье и подкрасилась, Магомед сбегал к себе переодеться и явился в черной рубашке, вельветовых черных брюках с поясом, украшенным наборной чеканкой. Под воротником появился красный платок. Сергей принес еды и фруктов. Мужчины вышли на балкон. Прекрасный город светился огнями, как драгоценная брошь на черном бархате.

— Ты из Махачкалы? — спросил Сергей.

— Из Хасавюрта, — ответил тот. — В пяти километрах от Чечни.

— Как там на границе? — тихо поинтересовался Сергей.

— По-разному, — уклончиво ответил тот.

— В апреле поеду в Грозный. Начинаем работы по восстановлению города.

— В Грозный? Не советую, — качнул головой Магомед. «Нэ советую», — прозвучало с его акцентом.

— Время собирать камни. Кто-то должен начинать. У меня две тысячи рабочих. Есть работа — работаем.

Дверь в комнату приоткрылась.

— Ребята, идите завтракать. Все готово.

Выставка продолжалась три дня. Сергей был с Марианной ежедневно. Его переговоры завершились, и он задерживался на целые сутки, чтобы быть с нею и лететь одним самолетом.

Вручение наград состоялось в последний день. Сидя с Сергеем в третьем ряду кресел, поставленных прямо в зале перед возвышением, где за длинным столом разместились устроители, Марианна от волнения скручивала в трубочку листок с расписанием церемонии, с немецкой точностью выверенной по минутам.

Все они — и студенты, и приветливые хозяева — подружились между собой, обменялись адресами, чтобы писать и приезжать в гости. Награждение началось с почетных дипломов, потом третья премия, вторая.

Наконец ...

— Марианна Волошина, Россия, Гран-При и первая премия, — объявил председатель, седой и суховатый мужчина с доброй улыбкой Ганса Христиана Андерсена.

Бросив мятую бумажку, Марианна, взволнованная, в новом зеленом платье, подбежала к столу. Ей вручили два диплома, ее и Академии, конверт с денежным чеком, и огромный «Альбом мирового искусства», тяжелый, как два кирпича. Председатель легонько обнял ее, а она, поблагодарив, вдруг расплакалась от избытка чувств. Заиграл скрипичный оркестр. Смущенная, она вернулась на место. И тут Сергей при всех нежно привлек ее и поцеловал в мокрые ресницы. В зале началась овация. Их окружили, затормошили, задали сувенирами. Всем хотелось дотронуться до любви. Председатель не останавливался, стоял, с улыбкой сложив руки на груди — русская пара нечаянно сломала регламент, но как это украсило само торжество!

Вечером, после всех волнений, они ходили по магазинам. Марианна выбирала подарки на добрую половину своей премии. Ах, счастье!... В заключение она приценилась к рулону широкой ленты, вытканной золотым узором. Двенадцать метров. Ясное дело, золота в ней было ускользающе мало, но шитье смотрелось так нарядно, а нить этого качества так долго сохраняет благородный блеск, что можно спокойно отделять занавеси и покрывала. Но в гостинице Настя, увидев эту ленту, милая веселая Настя аж затряслась вся, и с такой мольбой принялась просить уступить ей, что Марианна лишь руками развела.

— Ну, бери, коль так.

— Я ее Магомеду подарю, на память. А деньги я тебе вышлю, в первый же день, не сомневайся, только скажи, сколько? — восклицала она, мешая слова и слезы. — Пусть помнит обо мне, посмотрит и подумает обо мне, своей Насте из Самары.

В самолете Марианна и Сергей сидели рядом, сплетя руки. Сергей, когда она тихонько поведала ему о судьбе ленты, пони-

мающе усмехнулся. А ей стало страшно. Любовное рабство Насти было очевидно, а давно ли она, Марианна, вышла на волю?

В Шереметьево Сергея встречали две машины сразу. Тут же в аэропорту он провел краткое совещание, отправил заместителя по делам, поговорил по мобильному с пятью-шестью помощниками и клиентами, прямо из машины послал по факсу копию какого-то договора, жестко сорвался на кого-то, что-то не исполнившего, извинился перед Марианной за резкость.

Она наблюдала. Таким она Сергея еще ни видела. В его «Мерседесе» они помчались сначала по широкой автостраде, потом по кольцевой, потом через лес к ее дому.

Первой шаги Марианны услышала Туся.

— Мрр, — произнесла она с удовольствием, спрыгивая со шкафа на стол, стул, пол и стремяглав бросаясь к дверям.

— Тусенька, привет! Мамуля, ты где? — вошла Марианна в свой дом.

Они обнялись.

— Мамуля, это Сережа, мой друг.

— Очень приятно. Милости прошу отобедать с нами.

Сердце матери стукнуло. Он? Татьяна Алексеевна приветливо окинула молодого человека с открытым и ясным взглядом. За столом говорили об успехе Марианны, о Лейпциге. Но телефон Сергея не умолкал, и, похвалив домашние пироги, он простился. Мать посмотрела на дочь. Как важны первые слова матери! Неосторожность может обернуться ужасной раной, обидой на всю жизнь.

— Он мне понравился, — проговорила Татьяна Алексеевна.

Марианна перевела дух. Сергей был принят, как дорогой и желанный человек.

В Академии ее ждали. Дипломы, медали, гранты не были здесь в новинку, за восемьдесят лет их накопилось столько, что вся стена в кабинете ректора была увешана почетными рамочками, но за последние годы их поток почти иссяк. Не место говорить о наших бедах... К десяти часам за длинным столом собрался весь ученый совет. Она вошла в новом зеленом платье, стройно облегающем фигуру от плеч до талии и свободно волнующемся у колен. Приобретенное в Лейпциге, оно было из Франции с

фирменным знаком парижского Дома моды. Ректор поднялся ей навстречу. Марианна отдала ему красивую папку, в развороте которой на плотной бумаге с вензелями красовался сам диплом, исполненный строгим готическим шрифтом, с темной сургучной печатью и ленточкой. Ректор торжественно принял диплом из ее рук. Речь его была степенна и вполне соответствовала случаю. В ответном слове Марианна поблагодарила преподавателей, в особенности Ингу Вячеславовну Вишневскую за внимание и помощь.

На этом официальная часть окончилась. Вместе с Ингой они уединились в буфете, взяли кофе, пирожные, немножко коньяку и надолго пропали для окружающих. Марианна подарила своей наставнице хрустальную сахарницу с серебряной отделкой и гербом города Лейпцига, для сердечной полноты наполненную мелкими шоколадными конфетами в золоченых обертках.

— Ты вся светишься, — залюбовалась Инга, — Вот что значит успех.

— Это ваша заслуга, Инга.

— Не скромничай. Твое следующее произведение станет очередной удачей.

— Но это будет не гобелен. Мне уже тесно в ручном ткачестве.

Инга медленно кивнула. Эта девушка просто клад, ее отваге и способности к свежим решениям доступна любая высота. А новые находки — это соль соли любого начинания, без них не получится ничего.

— Я восхищаюсь тобой, Марианна. И готова помогать во всем.

— Спасибо. У меня как раз новая задумка.

В конце марта в Предкавказье зацвели сады. Вишни, черешни, яблони, абрикосы цвели, подчиняясь извечному обновлению, когда после холодов возвращается солнце и дает жизнь каждой травинке. Для населения это означало огородную страду, полевые работы, множество добрых сельских забот.

Если бы не война!

С наступлением весны Дима Соколов почувствовал, что в нем назревает бунт. Собственная жизнь стала казаться ему бессмысленной и ненужной, как картофельные очистки. Он устал от дикости быть мишенью для тех, кого уважал с детства, и от нелепости видеть мишень в них. Из «того семейства», откуда, по Витькиным словам, его станут доставать на предмет отцовства, не было ни звука. К тому же за весь март не пришло ни одного нормального письма. Писала мать, но кто ждет ее писем! Когда есть вести от подруг и друзей, материнские письма читаются в последнюю очередь. В общем, полный атас. Связистка ему надоела, он отдал ее Витьке. Все надоело, в натуре. Дима задыхался. Разок-другой он уже разряжал автомат в воздух, чтобы снять напряжение, чем вызвал настороженность лейтенанта.

— В чем дело, Соколов?

— Извините, товарищ старший лейтенант, пристрелка оружия.

— Из дома пишут?

— Пишут, товарищ старший лейтенант, все в порядке. Разрешите идти?

— Идите.

Он четко повернулся, сделал несколько шагов, ладный, рослый, рыже-блондинистый, с крепкой загорелой шеей, но офицер снова окликнул его, на этот раз не по уставу.

— Дима, что с тобой происходит?

— А, — Дима махнул рукой. — Не грузите меня, Игорь Владимирович, и так хоть расшибись. Оттянуться бы на воле.

— В отпуск рано.

— А июля мне не видать.

— С чего ты взял такую глупость?

— Так, — он снова махнул рукой. — Я пойду?

— Иди. Закури вот моих.

Лейтенант достал сигареты, угостил. Дима спокойно затаился, отошел и вдруг с такой силой поддал ногой пустое ведро, что оно с грохотом влетело в открытую дверь, очумело ударилось в стены и завертелось в углу. Все выскочили, как по тревоге.

— Соколов! — гаркнул лейтенант. — Наряд на кухню вне очереди. Ведро починить и выровнять.

— Ну, вообще...

— Отвечайте по уставу!

— Есть починить и выровнять.

На самом деле Дмитрия глодало совсем другое. Сын. Вопреки Витькиным издёвочкам, он был уверен в Оле. Ее молчание лишь укрепляло эту веру. Сын. Какой он? Сейчас ему третий месяц. Дима присматривался к местным мамашам с детьми на руках, спрашивал, какой ребенок в этом возрасте?

— В три месяца? — шутили они. — Гулит и давно смеется. Как мой, посмотри. У тебя сын? Надо иметь четыре сына и четыре дочери. У вас, русских, мало детей, вас скоро совсем не будет.

У Руслана в январе тоже родился сын, третий. Мальчишечка был смуглым и красивым, как ангелочек.

«А мой, поди, беленький. Интересно, у него есть родинка на одном местечке, как у всех мужчин Соколовых? Оля, Оля, «Ромашка». Два года глаз не сводила, а когда надо — молчит. И молится за него. Неспроста же его ни одна опасность не берет, как заговоренного. Значит, любит? Или уже нет? Это становилось невыносимым. Он чувствовал, что вот-вот сорвется, разнесет все в пух и прах, здоровенный, запутавшийся, никому не нужный, как картофельные очистки.

Все произошло неожиданно. В коротком ночном бою их обстреляли невидимые бандиты. Лишь пули трассировали в темноте. Ранили троих, Диму, как обычно, не зацепило, но крепко ударило по ноге крышкой от цистерны, сорвавшейся при взрыве гранаты. Она потому и не взорвалась сама, что была полна горячим под завязку, иначе некому и некуда было бы ставить ту крышку. После этого кое в чем кумекавший лейтенант исхлопотал ему отпуск.

После обожания первых дней между Марианной и Сергеем начались «расхолождения». Бывало, они не общались по два-три дня, занятые своими стремительными делами, и вдруг она спохватывалась: «Что такое?»- а цветы от него несли прямо в аудиторию. Бывало, его крутая разносная речь по мобильному телефону, за которую он уже не извинялся, разбивала всю нежность к нему, но приходила минута, он смотрел в ее глаза, и она забывала обо всем на свете. Родной мой! Как это непохоже на гиблую

пропасть, из которой она восстала недавно! С Сергеем она шла на равных, мягко поддержанная сильным мужским вниманием. Ах, как непохоже! Колье с бриллиантами он застегнул на ее шейке в ложе Большого театра. Но после первого поцелуя словно забыл о том, что она красива, и будто присматривался: «Невеста? Да? Нет?»

Однажды в апреле его не было целых четыре дня. Она потерялась. Стояли жаркие, почти летние дни, но Марианну знобило, как в лихорадке. Ревнивые мысли, словно осы, жалили сердце.

— Марианна, — позвонил Сергей, как ни в чем не бывало. — Извини, я был в Турции на переговорах, не успел предупредить. Сейчас подъеду.

«У него всегда отговорки, — рассердилась она, но мир так и засиял радостью. — Попробуй-ка я такое сотворить».

И встретила его холодная, как лед.

— Что, что, виноват? — встревожился он. — Говори, что?

— Я хочу познакомиться с твоей секретаршей, — твердо сказала она.

Как громом пораженный, он смотрел ей в глаза.

— Ты с ума сошла!

Она молчала. Он покачал головой.

— Хорошо, поехали. Я и сам хотел пригласить тебя в офис.

Это был старинный двухэтажный особняк на Тверской-Ямской. Внизу сидела охрана, два молодца в камуфляжной форме.

— Невесту мою пропускать без звука, — представил ее Сергей.

Она прикусила губу. Когда это он решил? Ребята поздравили их. По белой лестнице, мимо мраморных полуобнаженных нимф с ветвями-светильниками в прекрасных руках они поднялись в светлые кабинеты второго этажа, пошли коридором сквозь раздвигающиеся прозрачные двери. В приемной, украшенной картинами, цветами и широким ковром на полу, за столом, уставленном телефонами и монитором, сидела молодая женщина-секретарь.

— С приездом, Сережа!

— Приветствую вас, Софья Ильинична. С моей невестой соединяйте в любое время. Договорились?

— Конечно, Сергей Иванович! Извините, Сергей Иванович! Примите мои поздравления, Сергей Иванович! Добро пожаловать, ?

— Марианна.

— Очень приятно, Марианна.

Она улыбалась, но в глазах ее было холодно.

«Генеральный директор Плетнев Сергей Иванович», — было написано на медной табличке у двери.

— Входи, — Сергей пропустил ее.

В просторном кабинете в три уютных старинных окна всю середину занимал длинный дубовый стол человек на тридцать сразу; директорский стол располагался поперек дальнего торца. Здесь Марианну ждал сюрприз. Небольшая картина в узкой золоченой рамке, с подставкой как у зеркала, стояла слева от директорского места. На ней масляными красками была изображена девушка в зеленом платье, с косами, уложенными за ушами, видна была нежная щека и завиток волос на шее; девушка протягивала руку в окно, к цветущей ветке винограда. Цветы были мелкими и тоже зелеными.

— Я никогда не видела цветущего винограда, — качнула головой Марианна. — А ты, оказывается, художник? Знала я одного художника, — будто во сне проговорила она.

Сергей напрягся, но она уже отвлеклась.

— Ты и маслом работаешь?

— Я архитектор, мы все немножко живописуем. Смотри, что нам предстоит возвести в Грозном, — он показал на макет.

— Как в Грозном?

— Очень просто. У нас договор на несколько лет.

— Там опасно, Сережа. Ты не представляешь, что там делается!

— Ничего.

Он прошелся по кабинету. Открыл дверцу книжного шкафа и вдруг шагнул в него.

— Иди-ка сюда.

Там оказался вход в небольшой спортзал. С потолка свисали гимнастические кольца и кожаная груша, лежали гантели, ги-

ри, боксерские перчатки, стояли два спортивных тренажера. В углу белела душевая кабина.

— Намотаешься по стройкам, жизни не рад, а заглянешь сюда — и снова как новенький. Здорово, правда?

Марианна с серьезностью посмотрела на него.

— Сережа... скажи ... ты всегда решаешь все сам?

— Да. Привыкай.

Она помолчала. Он тоже.

— Когда ты летишь?

— Завтра в полдень.

— А почему я ничего не знаю?! — вскрикнула она.

— Я не хотел огорчать тебя накануне нашей свадьбы.

— Сережа!

Она опустила голову, удерживая слезы. Вышла из спортзала в кабинет, прошлась, переживая, вдоль придвинутых тяжелых стульев, молча взяла свою сумку, перчатки. Они спустились вниз. Сергей отворил дверцу машины.

— Садись, подброшу тебя в Академию. Поговорим по дороге.

Они развернулись, промчались вниз по Тверской, миновали Охотный ряд. Из глаз Марианны текли слеза. Сергей молчал.

— Когда ты вернешься? — спросила она почти спокойно.

— Двадцать восьмого апреля к вечеру.

«Сегодня двадцать четвертое», — подумала она.

Подъехали к величественному зданию Академии. У входа возле колонн стояла, покуривая и греясь на солнышке, Инга, облаченная в длинный сетчатый казакин и короткую юбку. Заметив «Мерседес», Марианну и молодого бизнесмена за рулем, она лениво помахала мизинцем в знак приветствия.

— Кто это? — спросил Сергей.

— Инга. Моя наставница и подруга.

Сама того не ведая, Инга помешала им проститься перед разлукой.

Наутро Марианна позвонила ему в офис. Была половина десятого.

— Сергея Ивановича нет, — произнесла секретарша.

— Это Марианна, — напомнила она. — Мне нужно поговорить, пока он в Москве.

Секретарша не изменилась.

— Вам ясно сказано, его в офисе нет. Оставьте свое сообщение, я передам, если он появится.

Марианна набрала номер мобильного, но тот был отключен. Плохой знак, качнула головой она.

К Марианне Дима зашел дня через три после приезда и расколбасных встреч с ребятами. Был выходной, погода стояла жаркая, листва на деревьях распустилась, и, то-есть, «за окном цветет виноград, а мне...».

Она открыла ему, одетая в тренировки, с платком на голове, потому что занималась обычным весенним делом, мыла окна. Сергей звонил каждый день, был шутлив и нежен, говорил таким голосом, таким мужским, что она замирала... Послезавтра. А там шестнадцатое мая... Он так решил.

— Здравия желаю, — сказал Дима приготовленные слова.

— Ой, Димка! — она бросилась ему на шею, таким он был красивым, плечистым, в пятнистой одежде. — Мама! Смотри, кто пришел!

Татьяна Алексеевна тоже обняла солдата.

— Дима, родной! Совсем мужчина! Марианна, заканчивай с уборкой, садимся за стол.

Они выпили водки за его здоровье, за приезд, за встречу.

— Совсем взрослый мужчина. Как служба? Нам Гоша рассказывал... Тяжело?

— Ничего особенного, Татьяна Алексеевна. Там быстро взрослеют. А мне у вас вломно, на гражданке. Наивняк такой, лохи! Совсем жизни не знают. Все про башли да про навар.

Он стал рассказывать о службе, и не мог понять, почему его слушают с таким вниманием? О своем участии в разных заморочках он не обмолвился ни словом, но все равно получалось, что он герой, брат Гошке Алексееву, который привез им привет еще в декабре. А вот что Марианна его не ждала, как и обещала, Дима врубился сразу. Он и не рассчитывал, так, на всякий случай, просто хотелось встретиться с девушкой-зазнобушкой, столько лет дружили. Но если вообще, начистоту, в натуре, то

он тянул время, чтобы собраться духом перед другой встречей. Он думал о ней день и ночь.

Марианна говорила об Академии, показала свои гобелены, альбом мирового искусства, подарила пистолет-зажигалку. За столом под водочку, селедочку и домашнюю капустку с жареной картошечкой уже завершалось, когда Татьяна Алексеевна спросила как-то слишком серьезно.

— Скажи, Димочка, с деловым человеком, москвичом, в Чечне ничего не случится?

Он сразу протрезвел.

— Кто у вас там?

— Жених Марины.

— А-а! — он встал и протянул ей руку. — Поздравляю. Знал бы, с цветами пришел, — он поцеловал ее в щеку. — Кто он? Где? Давно?

— Он строитель. Завтра ждем обратно.

— Строителей там уважают, — солидно заверил Дима. — Вернется, никуда не денется. Все, спасибо за встречу, рад был повидаться. Еще раз поздравляю. Пока.

... Вот так, — думал он, сбегая по ступенькам. — Одни воюют, а другие шуры-муры, женихаются... Его вновь охватила потерянности, женская половина человечества показалась жестокой и вероломной... А, и она такая же, — безысходно махнул он рукой.

В этот вечер Сергей не позвонил, Марианна ждала до часу ночи. Мать дежурила в госпитале, Марианна ночевала одна с кошкой. Было страшно. Они так и уснули вдвоем. Утром телефон зазвонил чуть свет, но это был заместитель Сергея, Алексей Петрович, он звонил из своей квартиры.

— Простите, Марианна, доброе утро. Вчера Сергей выходил на связь?

— Нет.

— И со мной нет. Странно.

У Марианны стукнуло сердце.

— Что могло произойти?

— Ничего не могло, связь ненадежная. Подождем до вечера. Перед уходом, Марианна набрала номер офиса.

— Корпорация «Возрождение» приветствует вас, — учтиво проговорила секретарь.

— Это Марианна. Добрый день. Есть ли вести от Сергея Плетнева?

— Нет вестей, — секретарь положила трубку.

Армейская форма, надоевшая до мути, очень шла Диме. Все, кто его видел, любовались мужеством, исходящим от него, чем-то родным, надежным, что внушает людям солдатская гимнастерка, шинель. Поэтому он вычистил и снова надел эту зелено-коричневую пятнистую одежду, собираясь осуществить то, ради чего приехал. Для начала он устроил засаду возле ее дома. Пришел с утра пораньше, потому что все равно, как ни крути, больше идти было некуда. Добрые дела начинаются утром. Он закурил, перекинул ногу на ногу. Время шло. Утренняя свежесть сменилась жарой, весна было ранняя. Он сидел на отдаленной беседке и наблюдал за подъездом. В такую погоду, как он понял в минувшие дни, молодые мамы гуляют с колясками с утра до вечера, сидят в парке с книжкой или вязанием, болтают, собравшись в пеструю толпу на семь, на восемь колясок. Боясь нарваться, он обходил их стороной, но с каждым днем круги сужались. Наконец, он здесь, возле ее дома, сидит в укрытии, как десантник.

Вначале он увидел чернявого мальчугана, который выкатил синюю коляску и встал возле нее на посту. «Братишка», — понял Дима. Потом появилась она сама в светлом платье, с ребенком на руках. Дима смотрел как ястреб. Он и не помышлял, что она может так измениться, так развернуться, похорошеть. Какая там «Ромашка»!

«Эх, моряк, ты слишком долго плавал!»

Она уложила ребенка в коляску, поместил внизу на сетку сумку с припасами, раскрыла пестрый зонтик от солнца и медленно пошла вдоль дома, удаляясь от Димы. Он поднялся. Нелышным шагом разведчика двинулся следом, держа расстояние. Ему было не по себе. Новой Оле он был явно не нужен. Это было ясно, как дважды два. А он-то... «Два года смотрела...». Дурак.

Да такую бабу, чистую, скромную, с готовым ребенком на руках любой подхватит, если уже не подхватил. Дурак, дурак!

Он казнил, как грешник, следуя, словно привязанный, за женщиной с коляской, а она, наклоняясь к ребенку, что-то говорила, поправляла рукой, укачивала. Они приближались к лесу. Оля медленно пошла по дорожке. Народу было немного. Весенний лес благоухал первой листвой. Оля дошла до скамейки и села, придвинув коляску.

«Та самая скамья-то, — ахнул Дима, глядя из-за деревьев мерах в сорока от дорожки. — Помнит. Неспроста же меня пуля боится, тьфу, тьфу, тьфу. Подойти? Нет, не пора». Он не двигался, присев на корточки возле березы. Робость сковала его. Ребенок, видно, заснул. Оля читала. Прошел час. Дима собрался с духом. Но тут из коляски послышался плач. Оля взяла малыша на руки, стянула мокрые ползунки, надела новые. Прижимая его к себе в одеяльце, сделала несколько осторожных шагов по земле, села спиной к дорожке, лицом к Диме, и стала кормить сына грудью. Зеленый солнечный свет струился вокруг них, щебетали птицы. Ребенок водил ручкой по ее груди, мать целовала пухлую ладонь. Дима дрожал. Сердце его стучало. Он готов был грохнуться на колени, умолять о прощении. Что ему еще нужно? Вот она, его семья... Но Оля уже поднялась. Вновь уложила ребенка, прошла с коляской туда и обратно, укачивая его, и вернулась на скамью.

И тут Дима решился. Не чуя ног, прошуршал по хворосту грубыми ботинками, шагнул на дорожку. Оля оглянулась. Вскочила, глядя на него расширенными глазами, и вдруг стала медленно оседать. Не подскочи он, она упала бы возле скамейки.

— Ты? — спросила тихо.

— Напугал?

— Предупреждать надо, — слабо улыбнулась она.

Дима сидел, комкая краповый берет. Слова не шли. Он смотрел на ребенка. Мальчик проснулся и тоже смотрел на него. Он был похож на мать Димы, это бросалось в глаза.

— Ты не беспокойся, я его одна воспитаю, — проговорила Оля.

— Не то говоришь.

Она погладила сына по светлой льняной головке, дала в руки цветного попугая-погремушку.

— Раздень его, — попросил Дима.

— Зачем? — тихо удивилась она.

— Штаныними.

Она послушалась. Он увидел солидное мужское сооружение, родинку на том самом местечке, большенькие ступни.

— Мой, — признал он. — Как назвала?

— Дмитрий.

— Соколов?

— Краснов.

Они замолчали. Оля посмотрела на часики и поднялась.

— Нам пора, Дима.

— Пошли.

Осторожно ступая друг подле друга, они направились из леса. Под ногами шелестел гравий. Она расспрашивала о службе, он отвечал кратко, но запинался, повторял слова. У ее дома он остановился.

— В общем... я здесь. Приду к вам дня через два. Надо подумать.

— До свидания, — проговорила она.

Ни двадцать восьмого, ни двадцать девятого апреля звонка от Сергея не было. Фамилия его в списках пассажиров авиарейса из Северного значилась одной из первых, то-есть, билет был на руках, но в самолете он не появился. Так доложил Марианне Алексей Петрович. Глухое молчание сводило с ума. Вся надежда была на Сергея Петровича. Тот уже связался с военными, те действовали кого нужно, но время шло, вестей не было. Наступили праздники, на рабочих местах никого не осталось, даже Алексей Петрович уехал на дачу.

— Что могла случиться, мама? Что надо делать? — Марианну бил озноб. — Давай спросим Диму. Он все знает, он поможет, как Гоше помог.

Она схватилась за Диму, как за последнюю соломинку.

— Спроси, конечно, — мать уже не противоречила ей ни в чем.

Было четыре часа утра. Марианна позвонила Диме. Он собрался тут же, но она, чтобы не терять времени, побежала навстречу. Они сошлись на полдороге. Она сбивчиво обрисовала положение, действия военных.

— Они сто лет будут возиться, — отмахнулся он. — Почему сразу не сообщила? Жди до вечера, постараюсь разведать. Как его имя?

— Сергей Плетнев, генеральный директор Концерна «Возрождение».

По его жесткому голосу Марианна поняла, что дело может быть совсем плохо. Дима ободряюще тряхнул ее за плечи.

— Не бойсь, однокашка, прорвемся.

— Да? — она смотрела, как на спасителя.

— Я тебе позвоню.

— В любом случае?

— Не трясись, накликаешь.

Дома он присел к телефону и вызвал одному ему известную квартиру. В этот раз ему тоже дали поручения насчет лекарств, он уже выполнил их.

— Салам алейкум, — приветствовал он.

Дальнейший разговор шел по-чеченски. Долго объяснять не пришлось, его поняли с полуслова.

— Сергей Плетнев, директор-строитель. Лучший друг.

— Точно друг?

— Да, да, с детства.

Он словно увидел, как в эту минуту Руслан получил его сообщение, звонит сам и кричит при этом на весь дом, потом выбегает к машине. Или нет. Сейчас Руслан держит жеребца, сам чистит и холит его, и сейчас мчится во весь опор на своем ахалтекинце, только ветер свистит в ушах. После этого Дима вернулся к своим делам. Завтра они с отцом идут в дом Оли Красновой свататься. Там уже готовятся. Дима будет при параде, в костюме, при галстуке. И хотя между домами всего двести метров, они подъедут на белой машине, и, само собой, не с пустыми руками. Дима усмехнулся. Это не для него, это для нее, Оли. Его долг воздать ей по возможности за все. Перед соседями, перед родными. Мать останется переживать дома. Завтра в одиннадцать часов. Дима прошелся, почесывая крепкий стриженный затылок. Ес-

ли все сладится, то завтра же начнется и свадьба дня на три, на четыре. Тут мечты его приняли слишком крутой оборот, он выпрыгнул в окно и побежал в лес на разминку.

Вторично набрал он номер той квартиры часов в восемь вечера. Выслушав то, что ему сообщили, тотчас позвонил Марианне. Она схватила трубку, словно все это время сидела рядом.

— Значит, так, — сказал он. — Сергей Плетнев пока жив. Он захвачен с целью выкупа, но произошла свалка, он дрался, как джигит, покалечил двух человек. Это не мои слова. Кто-то выстрелил. Его увезли в горы, надеясь вылечить и получить деньги. Сейчас таких надежд нет, его готовы отдать. Но отдадут его только женщине.

Дима опустил слова Руслана о том, что отдадут Сергея и вообще будут возиться с этим лишь из уважения нему, Диме.

— Дальше решай сама. Риск велик, везде глаза да уши. Неосторожное слов — погубишь себя и его. Сечешь?

Она кивнула головой.

— Не слышу, — сказал он.

— Да, да.

— С тобой будут работать под мое ручательство. Поэтому ни в какие игры с милицией не вступай. Поняла?

— Да.

Дима перевел дух. Он слишком знал всю трудность.

— А почему ты все на себя грузишь? Где его предки?

— В Слюдянке.

— Это далеко?

— На Байкале.

— Отпад! Жди, я сейчас зайду.

Марианна закрыла лицо руками.

— Что? Что с ним? — Татьяна Алексеевна поняла, что Сергей жив. — Только подробно. Что с ним?

— Он ранен, находится в горах в плохом состоянии, отдадут его только женщине. Лететь надо завтра. Дима сейчас придет.

К Марианне вернулась способность действовать.

— Как позвонить в аэропорт? Что взять с собой?

— Ты собираешься лететь? Одна? Ты с ума сошла! — крикнула мать.

Марианна молча отворяла створки шкафов, серванта, буфета, вынимала золоченый немецкий сервиз, драгоценную скатерть в фирменном пакете с окошечком, бриллиантовое кольцо.

— Куда он ранен? — просто спросила мать.

— Не знаю. Они хотели получить выкуп, но он ранен и так плох, что...

— Мы летим вместе, Масенька. Одной слишком опасно, да и Сергею нужны не слезы, а срочная медицинская помощь.

Минуту спустя пришел Дима. Таким серьезным они его не видели.

Они сели.

— Значит, так. Вызволить твоего парня отсюда я не смогу, да и ты слышала условие — только женщине, — он упер локти в колени и хрустнул пальцами.

Она кивнула.

— Мы едем. Я невеста, мама хирург.

Он качнул головой. Солдатской стрижки у него давно не было, ее заменил плоский квадратный ежик.

— Вы не представляете, что там делается. Там злая война. Пускаться в горы без охраны — это зарез, ни одного шанса.

Вместо ответа Марианна подошла к телефону и набрала справочную аэропорта.

— Завтра два рейса на Северный, утренний и вечерний, в девятнадцать часов, — пересказала она, не отрываясь от трубки.

— Утренний весь продан? Тогда два билета на девятнадцать. Через час выкупим. Волошина.

— Безумие, — схватилась за виски Татьяна Алексеевна. — Как туда добираться? И куда это — туда? Вокруг войска, бандиты.

— Надо что-то делать, мама! — вскричала Марианна.

Дима молчал. Марианна выбежала из комнаты, потом вбежала, готовая к поездке за билетами. Девушка была бледна, губы ее сжались, но глаза оставались сухими. Дима вдруг гаркнул на нее, как на плацу.

— Слушай меня.

Марианна хлопнулась на стул. Так с нею еще никто не разговаривал. Дыхание опасности обдало ее мурашками.

— Значит, так. Ехать наобум — дохлый номер, до первого блокпоста. Так. Вас встретят в аэропорту. Найдите скамеечку и сидите. И чтобы поблизости никто не крутился.

Дима встал у окна. Верхушки весеннего леса были почти такие же, как «зеленка» на юге.

— Главное, не вызвать подозрений у наших ребят. Там все «в ружьё», бдят, следят, слишком много трупов, — он рванул ворот рубашки. — Может, не поедите? Слишком опасно.

— А Сергей?

— Тогда последнее.

Он помолчал, вынул из потайного кармана картонный пропуск величиной со спичечный коробок и показал Марианне. Она увидела зеленую печать с изображением флага, скрещенных сабель, снежной горной вершины.

— Я голову подставляю, знай это. Так. В горах люди другие, им равнинные не указ. Лишь в самом остром, под дулом автомата, случае покажите это чеченцам. Сечешь?

Марианна приняла картон.

— Спасибо, Дима. Я верну тебе этот пропуск.

— Не вздумай!

Он перевел дух.

— Не забудьте про деньги, подарки. И ни слова упрека.

Он ушел. Татьяна Алексеевна поспешила в клинику за докторским чемоданчиком, Марианна в кассы Аэрофлота. На другой день присели на «дорожку» и тронулись в путь. Самолет отправлялся полупустой. Мужчины-южане внимательно смотрели на двух русских женщин, их вещи, светлый медицинский саквояж. Внизу белела равнина облаков, солнце светило в правые окна. Вскоре оно село, облака поредели, внизу в просветах появились россыпи огоньков.

— Температура воздуха на земле плюс двадцать три градуса, — объявили по салону. — Просьба пристегнуть ремни.

Теплый вечерний воздух дышал степью, ароматами трав, цветов, приносимыми широким темным ветром. Над головой светили низкие южные созвездия, месяц был тоже другой, словно опрокинутый. Москвички постояли в здании аэровокзала, вышли наружу. Пассажиры быстро разошлись. Два-три мужчины не-

сколько раз оглянулись на них, выжидая чего-то, и тоже скрылись. Надвигалась ночь

— Что дальше? — поежилась Марианна. — Кто-то должен подойти.

Возле них появился милиционер, просмотрел их паспорта, билеты, с интересом окинул скромный багаж

— Не советую задерживаться в такой час вне помещения. Аэровокзал открыт круглые сутки, ожидайте встречающих там.

Он ушел. Женщины оттащили вещи в черноту небольшого скверика. Там на скамейке они прождали около часа, показавшимся вечность.

— А вдруг никто не подойдет? — сказала Марианна.

— Все может быть. Сейчас от нас ничего не зависит. Наберись терпения и жди.

« Мы ждем, а Сережа... ». Мать обняла ее. Прижавшись друг к другу, они пригрелись и задремали. Ночные звезды спустились еще ниже, но тишины не было, в аэропорту гудели двигатели, что-то лязгало, тархтело. Оттого они и не услышали шагов. Луч фонарика ослепил их.

— Почему вдвоем? — с акцентом спросил мужчина.

— Я его невеста, а это моя мать, она врач, — волнуясь, заговорила Марианна.

Он не помог им нести чемодан, не убавил шага, но открыл перед ними дверцу легковой машины, стоявшей далеко от главной дороги. Едва они сели, как машина сорвалась с места. В боковое окно бился упругий встречный поток, фары высвечивали куски шоссе. В степи горели нефтяные факелы, по обочинам дороги чернела сгоревшая военная техника.

— Едем, мама, — прошептала Марианна.

Вот машина свернула на мягкую грунтовую дорогу. Здесь поджидала другая легковушка. Их пересадили. Новый водитель взялся было за чемодан, собираясь бросить его в багажник.

— Осторожно! — вскрикнула Татьяна Алексеевна.

— Ва? — насторожился он.

— Там хрусталь.

— Покажи.

Убедившись, он сел за руль. Снова в машине забился свежий ветер. Запахи сменились, пахло овечьим пастбищем, дым-

ком, свежескошенной травой. Под колеса все чаще подвертывались каменные гравки, трещала щебенка. Вдруг впереди, на развилке дорог, они увидели темную группу людей. На автоматах поблескивал лунный свет.

— Кто такие? — по-русски спросили чеченцы.

Что это были они, сомнений не было. Шофер на взрывной чеченском языке сказал несколько слов. Имя Руслана Догаева произвело впечатление, но присутствие женщин веселило мужчин.

— Пусть с нами расплатятся, тогда отпустим, — смеялись они.

Марианну уже вытаскивали за руку, она сопротивлялась, из последних сил держалась за дверь.

— Выходи, хуже будет, — ее ударили по лицу.

В это время на дороге показался темный силуэт БТР. Все замерли. Марианна юркнула в кабину, и машина с темными форами понеслась на юг, подальше от развилки. Тяжело дыша, Марианна закрыла лицо руками. Татьяна Алексеевна держалась за сердце. Короткая весенняя ночь кончалась. Посветлело. По кабине гулял свежий ветер, остужая горевшее лицо. Где они сейчас? Приближаются к горам. К Сереже.

Последнюю пересадку они сделали в горах. Дальше предстояло добираться на зеленом армейском джипе, сидя на полу, потому что сидения были сняты. Пол был слегка влажный, видимо, его окатили водой из ручья. Номера обеих машин были забрызганы грязью. Бородатый водитель тоже взялся было за их чемодан, намереваясь бросить его в кузов, но прежний издал резкий предостерегающий звук. Тот замер с вопросом в глазах

— *Хрусталь*, — со смехом объяснил тот.

Теперь езда шла рывками. Машина круто лезла вверх, спотыкалась о глыбы, накренялась, дергалась вправо и влево.

— Уу, уу, уу, — выл мотор.

Было уже светло. Вокруг теснились утесы, горная дорога лепилась к отвесной скале, внизу кипел ручей. Утренний луч зажег дальние снежные вершины, вознесшиеся над ближней грядой обрывистых серых скал. Воздух был чист, словно отсутствовал вообще.

— Как называется эта гора? — спросила она у нового водителя.

Рыжебородый мужчина мягко улыбнулся и не ответил.

Татьяна Алексеевна одной рукой придерживала на коленях докторский набор, другой рукой крепко сжимала продольный поручень; Марианна оберегала чемодан и себя, вцепившись в поручень у другой стенки.

«Где уж военным найти это место, за сто лет не добраться. Успеть, успеть, Сергей сильный, они успеют...»

За поворотом их остановили.

— Выходите, — коротко качнул головой стройный военный с черной бородой.

Приказ был суров, пришлось подчиниться. Несколько человек с оружием испытывающе смотрели на них.

— Кто такие?

Имя Руслана было им известно, но вызвало возражения.

— Враги тоже знают его. Как я поверю, что вы не разведчики, не снайперы? — их старший был груб, но красив сумрачной восточной красотой.

— Я студентка, а это моя мама, она хирург. Мы едем спасать моего жениха, — убеждала Марианна.

— Знаете, что ваши полковники делают с нашими девушками? Пойдемте—ка разберемся.

В эту минуту над ущельем пролетел вертолет. Все прижались к скалам. Вертолет ударил ракетами, мимо.

— Видели? Я вам не верю.

— Покажи зеленый пропуск, Марианна, — проговорила Татьяна Алексеевна.

Марианна сняла туфлю, загнула стельку и достала завернутый в тонкий полиэтилен заветный кусок картона. Этого боевик не ожидал. Зеленая печать сразу решила исход дела.

— Проезжайте. Слышали мы про вашего строителя, может, еще живой. Доллары есть?

— Две тысячи.

— Настоящие? Давай.

Вновь завыл мотор, взбираясь по круче. Затем машина сползла чуть вниз, пересекла ручей и свернула к домам селения.

— Приехали, — сказал рыжебородый.

Их повели к двухэтажному каменному дому, обнесенному оградой из угловатых камней. Слева и справа стояли другие дома, поменьше, с такими же оградами. Над крышами струился дымок, запах дыма был не смолистый, кизячный. Зеленели ветвистые чинары, кусты барбариса, но повсюду преобладал камень.

Все вошли во двор. Внутри него теснились хозяйственные постройки, пахло скотом и сеном. Сняв обувь, женщины вошли в горницу на первом этаже. Ее устлали пестрые половики, стояла легкая плетеная мебель, на беленых стенах висели портреты стариков в чалме и национальной одежде. В открытую дверь виднелась и вторая комната, светлая, с коврами, но туда их не пригласили. Их-то не пригласили, но что это? Занавески были подшиты златотканой лентой и красиво завязаны бантом! «Пять аулов...» — мелькнуло в уме. В горницу поместилось человек пять мужчин и хозяйка, пожилая чеченка в пестром, сложно-намотанном головном платке. Все молчали. Расстегнув чемодан, Татьяна Алексеевна спокойно, с врачебной приветливостью положила перед хозяйкой драгоценную скатерть в упаковке с окошечком, потом, неспешно высвобождая каждый предмет от шелестящей бумаги, принялась расставлять на лавке хрустальный сервиз, отделанный золотом. Закончила. Повернулась к Марианне. Та достала из сумки широкий черный футляр. Нажала на замочек и подала хозяйке бриллиантовое кольцо в овальном углублении черного бархата.

«Сережа, где ты?»

Один из мужчин поднялся. Они вышли во двор, приблизились к хлеву. Наклонившись, он толкнул дверь на ремнях. После яркого света показалось темно.

— Там.

В стороне от кур и овец на соломе лежал человек.

— Сережа! — кинулась Марианна.

Он не отозвался. Мать быстро надевала зеленый хирургический халат и шапочку.

— Кипяченой воды, и побольше.

Вода появилась. Она вымыла руки с мылом, протерла спиртом. Беспмятного Сергея вынесли на дневной свет, положили на кошму, которую быстро накрыли клеенкой. Натянули марлевый полог. Сергей был худ, небритость мешалась с куриным пухом.

Они не опоздали. Марианна разрезала на нем рубашку и майку. Ранение было в грудь, в верхушку легкого, рана уже воспалилась, краснота захватила грудь и плечо.

— Надень перчатки, Марианна, будешь помогать. И чтобы никаких обмороков. Протри спиртом вокруг раны, теперь иодом. Скальпель. Зажим, тампон.

Она погрузила зонд в рану. Сергей застонал. Главное — вынуть пулю, обработать рану, сделать внутривенное вливание, чтобы поддержать силы для обратного пути. В докторском чемоданчике нашлось все, что нужно. Чеченцы молча сидели в трех шагах. Хозяйка подавала воду, отгоняла назойливых мух. С ограды глазели ребяташки.

— Вдень шелк в иглу, Марианна... завяжи нить... залей йодом весь шов.

Наложил салфетку... Теперь широко бинтуй вокруг тела, руки, шеи. Все.

Хирург стянула перчатки. Марианна надевала на Сергея чистую рубаху. Старое, окровавленное она свернула в пакет, чтобы не оставлять на хозяйском дворе. Сергей очнулся. Затуманенным взглядом увидел Марианну, тень улыбки скользнула по лицу, он забылся сном от лекарств, которые ввели в его кровь.

— Пойди к ручью, вымойся, отдохни полчаса. Ты пока не нужна, — отослала Марианну мать.

После ее ухода они осторожными руками обнажили исхудалое молодое тело, крепко вымыли горячей водой с мылом и губкой. Доктор осмотрела его, смазала йодом кровоподтеки, разmassировала кровяные сгустки. Наконец, его переодели в чистое больничное белье. Хозяйка острой бритвой умело побрила ему лицо и голову. После всего окатили кипятком клеенку и повесили сушить на солнце. Видно было, что и клеенка, и марлевый полог пришлось ко двору.

Сергей спал, ухоженный и спасенный. Чеченцы о чем-то переговаривались. Бородатый водитель, который привез их в аул, подошел к Татьяне Алексеевне.

— Уважаемая, — застенчиво сказал он. — У нас в ауле есть раненые. Помоги им.

— Я врач, — ответила она. — Поехали.

Марианна осталась возле Сергея. День разгорелся, солнце припекало по южному, но здесь на высоте было прохладно. Аул стоял в теснине среди горных склонов на всхолмленном возвышении, опоясанном каменистым руслом ручья; шум пенистого ледяного потока доносился снизу, не замечаемый местными жителями. Ущелье замыкалось горами. По их отлогостям, чуть подернутым зеленоватой шкуркой, бродили пятна облаков. Облака неслись быстро и низко, ветер дул ровным теплым потоком снизу вверх из степей. Марианна достала из чемодана кусок хлеба. Увидев это, хозяйка вынесла ей простокваши и полную миску жареной баранины, горячей, необычайно вкусной. Поев, Марианна прилегла на кошму возле Сергея и заснула. Она не слышала, как вернулась мать, не видела, как смотрел на Татьяну Алексеевну бородач-водитель, вдовец с двумя детьми. Докторский саквояж был пуст, кроме раненых мужчин она осмотрела трех детей и двух женщин.

Машина покинула аул до сумерек. Дорога была столь же тряской, несмотря на все старания водителя. Сергей пришел в себя, силы его прибывали, он полусидел, вцепившись в поручень, удерживаясь от стонов. Марианна улыбалась. Он смотрел на нее и не верил.

— Как ты решилась? Отважная моя.

Горы отступили, вокруг тянулось гористое плоскогорье, прорезанное каменистыми гривками. Зеленый джип спустился на равнину и стрелой полетел в Северный без пересадок.

— Я разорву пропуск, мама?

— Конечно. Теперь нам все поверят.

Чего-чего они только не насмотрелись! Война, злая война. На шоссе их остановили наши, молодые ребята лет по девятнадцать-двадцать, удивленно посмотрели на женщин. Проверили их московские паспорта, документы Сергея. Они тоже слышали о нем, и тоже не верили своим глазам. И еще останавливали раз и другой.

Шофер сидел молча.

Наконец, показался аэропорт. Не доезжая очередных патрулей, водитель помог Сергею выбраться и тотчас уехал. На летном поле стоял большой пассажирский самолет. Они прибыли за

полчаса до московского рейса. Сергей не позволил себя нести, дошел сам и сам поднялся по трапу.

Марианна обняла мать.

— Мамочка, мы сделали это!

— Отчаянная твоя головушка!

— Золотые твои ручки!

Оля стояла на балконе, накинув куртку на праздничное платье. Еще пятнадцать минут. В одиннадцать появится белая машина ее счастья. Стиснув холодные руки, она пряталась за выступом, не смея верить в свою судьбу. Она была бледна, как мел. Встреча с Димой вновь перевернула все в ее душе, а ведь она не сомневалась в своей судьбе. Только он! После родов она словно перешла порог безгрешных девичьих грез, Дима снился ей как любимый мужчина, сны были смелы, горячи... И вот он перед ней. Он будет ее мужем. Мужем! За что ей такое?

Накануне вечером Анна Николаевна как бы между прочим известила всех соседей и знакомых из ближних домов о том, что... ну, чтобы, если есть время, желание, взглянули бы в окошечко или пришли к подъезду к этому времени. Никто не пренебрег. Ее уважали. День был свободный, нерабочий, всем хотелось счастья и сказки, а история Оли оказывалась такой, что хотелось увидеть все собственными глазами и прожить во всех подробностях. Не забыла Анна Николаевна и отправить радостную весточку Тарасику; его ответ на красочном бланке с поздравлением и пожеланием семейного счастья уже прилетел ранним утром.

Без трех минут одиннадцать в конце улицы показалась сверкающая белая машина, украшенная цветами и лентами, с двумя золотыми кольцами на крыше. Народ, запрудивший улицу перед подъездом, заволновался. Машина медленно подъехала и остановилась напротив входных дверей.

— Сюда, сюда, касатики, — засустились бабки, распахивая обе половинки.

Мужчины, отец и сын, оба крупные, празднично одетые, с достоинством проследовали в подъезд. Дверца лифта стукнула на этаже ровно в одиннадцать, и тут же раздался звонок в дверь. От-

крыла Анна Николаевна, разодетая, покрашенная, свежая, как молодуха. Позади нее, у порога в комнаты улыбался Рубен.

— Здравствуйте, — сочно поздоровался Соколов-старший, Андрей Евгеньевич, протягивая букет дорогих цветов. — Мир вашему дому, здоровья хозяину и хозяйке и всем милым детушкам.

— Проходите, милости просим, дорогие гости, — расплылась Анна Николаевна.

Мужчины переобулись в собственные тапочки, степенно проследовали по сверкающему паркету в гостиную.

— Мой муж Рубен Аветисович.

— Очень приятно. Андрей Евгеньевич. Дмитрий.

Расселись. Помолчали. Соколов-старший зачем-то посмотрел на свои руки, отмытые в бензине, с темными трещинками от автосмазки. Дима сидел возле него, напряженный, как струна.

— Хорошая погода установилась, как раз картошку сажать, — пришла на выручку Аня.

— Да, потеплело. Давеча отвозил дачников в Мырино, ни разу не застрял, сухая дорога, — Соколов-старший смутился, усмехнулся сам на себя и смело посмотрел на хозяев.

— Значит, так, дорогие хозяева. Мой сын, Дмитрий Соколов просит в жены вашу дочь Ольгу. Извините за простоту.

Аня церемонно повернулась к мужу. Рубен перевел взгляд с отца на сына. Оба нравились ему. Конечно, решение было давно принято, оно доставило семье радость и облегчение, но на все есть манера.

— Ваше предложение делает нам честь, многоуважаемый Андрей Евгеньевич, — с восточной цветистостью заговорил он. — Не скроем, мы много хорошего слышали о вашем сыне. Мы с супругой готовы дать вам положительный ответ. Дело за Ольгой. Как она скажет, так и будет.

— Я позову ее, — Аня выплыла из комнаты.

Дима похолодел. Что-то сжалось внутри, как перед боем, он сидел, почти не дыша. В дверях появилась Оля. Все поднялись. Стройная, в светло-голубом платье, с чистыми голубыми глазами, она тоже казалась едва живой от волнения.

— Садитесь, что стоять-то, — ласково заговорила хозяйка. — В ногах правды нет, как говорится.

Потом глубоко перевела дух и обратилась к дочери.

— Вот, Оля, это Андрей Евгеньевич, отец Димы.

— Здравствуйте, — прошептала девушка.

— Здравствуйте, — тот привстал и снова сел.

— Сейчас, Оля, ты должна решить судьбу свою и Димы. Он делает тебе предложение, просит стать его женой. Так, Дима?

Дима вскочил.

— Да.

— Скажи, Оля, дочь моя, согласна ли ты стать женой Дмитрия Андреевича Соколова?

Оля опустила глаза, залилась румянцем.

— Да. Согласна.

— Дима, встань около нее. Поздравляем вас, родные мои, со счастливым решением. Совет да любовь. Поцелуйтесь, дети.

И Анюта заплакала первая. За нею Оля. Дима осторожно повернул ее к себе и приложился к устам, как к иконе.

После этого все пошло само собой. Из родительской спальни выпустили мальчишек, они добавили шуму в общее торжество. Расписываться наметили на завтра, в рабочий день, гулять три дня, три ночи у невесты и жениха. Пусть все видят, как выходит замуж за отца своего ребенка честная Оля Краснова. Соколова! Дима и Оля уединились в комнате с малышом. Оставшуюся неделю отпуска он будет жить здесь, со своей семьей.

В конце обеда все почувствовали себя родными по настоящему.

— Андрей, — говорил Рубен своему куму. — Я слышал, ты специалист по нефтепродуктам? Чем ты сейчас занят? Шоферишь? Нам как раз нужен директор АЗС. Пойдешь?

— Грех отказываться, Рубен. Предложение капитальное. Потолкуем.

— Для меня родственник — это свято. В бизнесе доверие ценнее всего. Я рукам твоим трудовым верю.

— Хвалиться не буду, Рубен, работы не боюсь никакой.

Потом всем домом направились к Соколовым. Дима нес маленького Димку на руках, ребенку понравились военные значки на широкой груди отца. Анюта катила коляску. За ними шли соседи, вдоль улицы кланялись встречные. Повстречался Пал Палыч, трезвый, умный, поздравил, пожелал счастья. Им хлопали,

кричали «горько», ребяташки бежали впереди и баловались. Увидя сына с ребенком на руках, мать залилась слезами, обняла Олю, свата и сватью. И снова пошли разговоры, поздравления. Этот день затянулся за полночь.

А потом была ночь. И Дима, «опытный, бывалый» Дима с изумлением понял, что ничегошеньки он не знал-понимал, что любящая женщина, любящая одного тебя до глубины своей души, это бесценный дар судьбы. За эту ночь он словно переродился, он почувствовал в себе великую силу жизни.

— Оля! Ты... ты сделала меня мужчиной. Верное слово. Оля, жена моя!

... Прошло три года.

— Это кто, Марианна? Здесь, на фото?

— О, милый... Откуда оно у тебя?

— Случайно. Кто это?

— Знакомый. Давний-давний.

— Не тот ли художник?

— Тот. Убери, пожалуйста.

— Нет, почему же? Славный парень.

— Да. Убери.

— Какое лицо!

— Да, лицо.

— И сколько ему теперь?

— Перестань.

— А все-таки?

— Лет тридцать семь.

— А тогда?

— Сергей, прекрати.

— Почему же? Так интересно. А сколько было тебе?

— Восемнадцать.

— Мило. А в девятнадцать ты вышла за меня.

— Да. И счастлива.

— Допустим.

— И все на этом.

— Один вопрос.

— Никаких вопросов.

- Почему вы не поженились?
- Я тебя умоляю.
- Догадываюсь. Нечто непостижимо сложное.
- Напротив. Проще простого. Любовь неразделенная.
- У тебя? Невероятно! Я не знал.
- Я тебе говорила.
- Вскользь. Очень мило.
- Дай, положу в альбом. Все. Я ушла.
- Далеко?
- В Дом моды. Инга ждет меня. У нас новое изделие.
- Последний вопрос.
- Ну?
- С тех пор вы не виделись?
- Никогда.
- А если вдруг?
- Никаких «вдруг». Я ушла.

По улице мела настоящая февральская метель. Она осыпала Марианну снежной пылью, закрутила вокруг лихие вихри. Холода не было, в порывах свежего ветра слышалось прощальное озорство зимы. Марианна шла к автобусу, придерживая на голове пушистый мех. Лицо ее, раздумывавшееся от ударов белых стрел, постоянно меняло выражение. «Никаких «вдруг», — продолжался в ней острый разговор. — Никаких «вдруг». Той девочки давно нет, той робкой, влюбленной до обморока, странной девочки с косичками над ушами...» Она замедлила шаг, перебираясь через косой сугроб, наметенной у тумбы с афишами. «Давным-давно», прочитались яркие буквы. Она досадливо шевельнула бровями... и вдруг вспомнила его самого, его голос, его нестерпимое лицо. Нестор, без уменьшительных. О, что за имя! Он был снисходителен к ней, цепеневшей от нежности, снисходителен и недостижим. Разве не так? И не с тех ли пор ей видится один сон, редко, даже не каждый год: на дымно-алой заре взмахи серых журавлиных крыльев и жалобный журавлиный крик. Разве не так?

Ровно в четыре часа она была на Кузнецком мосту. Снегопад усилился. По проезжей части гуськом двигались снегоочистители, в колеблющейся снежной завесе тускло светились их

фары. Холмики снега белели на плечах и шапках пешеходов. Народу на этой старинной торговой улице было много. Марианна медленно прошла мимо броских витрин, уставленных экзотически одетыми манекенами, постояла в ожидании. Инга задерживалась. Потом зазвонил мобильный телефон.

— Марианна! Инга звонит. На кафедру нагрянули шведы, интересуются нашим направлением. Приезжай.

Марианна посмотрела на снег, на витрины.

— Нет, Инга, принимай их сама. Я настроилась на праздник. Привет Европе!

Она с усилием потянула на себя массивную, с прорезными окошечками, входную дверь. На втором этаже, в удлиненном двусветном зале с белыми колоннами и лепным потолком размещался длинный помост, покрытый светло-зеленым ковром. Он начинался от сцены и тянулся к середине зала между колоннами. Тройные ряды кресел окружали его с двух сторон. На сцене справа помещался столик ведущего. Свободных мест почти не было, ряды заполняли женщины, заглянувшие сюда по пути в магазины. Утомленные, в рыхлых от непогоды сапожках, они устало откинулись в удобных сидениях.

Обогнув на цыпочках половину зала, Марианна опустилась в третьем ряду.

Сеанс уже начался. Ведущий художник Дома моды, короткий знакомый Марианны, молодой, остро-элегантный мужчина с микрофоном у лацкана пиджака, со вкусом знакомил посетительниц с новинками сезона.

— Идеалом современной моды видится стройная женщина в расцвете тридцати лет, — вещал он с ослепительной улыбкой. — Романтическая и деловая, нежная и строгая, но всегда желанная хозяйка нашего безумного, безумного мира, она неизменно вдохновляет художников на поиски самых свежих, самых взрывных и сногшибательных решений. Мода — это великолепно! Доверяйте нам, как своим врачам, и вы обретете уверенность!

Раздались аплодисменты. Женщины любовались на мировую знаменитость, чье улыбающееся лицо мелькало на экранах, когда шли показы моды из европейских салонов от-кутюр.

Художник засмеялся, помахал залу рукой и жестом фокусника открыл сеанс. Вспыхнули светильники, полилась ритмичная

музыка. Из-за складок портьер показались манекенщицы. Началось чудо, мечта и тайна. Рея шелками шарфов и шлейфов, загадочные, яркие, словно тропические птицы, заскользили, заструились по зеленой дорожке зыблющиеся фигуры. Публика затаила дыхание. Не хотелось ни запоминать, ни зарисовывать, но лишь смотреть, отдаваться головокружительным одеяниям, этим платьям, сумкам, шляпкам, сработанным в единственном экземпляре вдохновением художественного дара и золотыми руками мастеров. В показе участвовали праздничные наряды, одежда для улицы, работы, спорта и отдыха, а также вечерние и свадебные туалеты, исполненные необычайной красоты и вкуса!

Лица женщин молитвенно просветлели.

В заключение на подиуме появилось юное белокурое существо в невесомой шубке из розовой норки. Игрой оттенков, медленно осветленных снизу вверх, достигалось впечатление особой воздушности, хрупкой неземной женственности. Это была авторская модель Марианны.

Вздых восхищения взлетел над рядами.

— Рекомендуемый подбор мехов, — отозвался комментатор, и зал тихо рассмеялся.

Освещение смеркло, стихла музыка. Вправленное в мраморную стену старинное овальное зеркало отразило толпу женщин, направляющихся вниз, в раздевалку. Мода — это великолепно! — еще цвело на их лицах, взлетевших над повседневной суетой.

Марианна тоже оделась, стянула талию кушаком, нахлобучила на голову пышный мех, бросила взгляд в зеркало. Мода — это великолепно! — пело и в ее душе тоже. — Розовая шубка, лихая тройка, бокал шампанского... эх! Мода — это... — она налегла на степенную резную дверь и вдруг отпрянула назад, на выходящих за нею следом.

Напротив, через улицу, у входа в картинную галерею, стоял Нестор. Он стоял и смотрел на снег, мятущийся в неоновом круге, по-прежнему легкий, отрешенный, подняв нестерпимое лицо.

Она вжалась в угол. Мимо нее шли люди, дверь открывалась и закрывалась. Она не двигалась, прижимая руки к груди. Так... Все по-прежнему. Он властительно спокоен, она — комочек темных перепуганных нервов. Все по-старому. Боже мой.

В тамбуре было темно, лишь окошечки серебристо мерцали. Посетительницы давно прошли, даже те, что покупали выкройки в киоске вестибюля. Внизу погасили свет. Она все стояла, водя носком по шашечкам пола. Наконец, после глубокого вздоха, осторожно приоткрыла дверь и выскользнула наружу. Налетевший вихрь взъерошил воротник, бросил в лицо пригоршню снега. Остро пахнуло оттепелью, близкой весной, нечаянной радостью.

И тогда... в розовой шубке, с бокалом шампанского, отчаянно и дерзко, она пересекла брусчатку и сугроб, приблизилась и положила руку на его плечо. Он ласково склонился. Марианна вновь увидела это лицо, глаза. Потянулась и поцеловала теплую, с сигаретной горчинкой щеку. И отстранилась.

Текла по Кузнецкому нескончаемая толпа, и в ней, под сумасшедшей весенней метелью бежала счастливая молодая женщина.

СОДЕРЖАНИЕ

РОЛЬ «ЗРЕЛОЙ ЖЕНЩИНЫ»	2
МАРИАННА.....	66

АСТРА

«РОЛЬ «ЗРЕЛОЙ ЖЕНЩИНЫ»

чувствительные истории

Собрание сочинений в шести книгах

Книга четвёртая

РОЛЬ «ЗРЕЛОЙ ЖЕНЩИНЫ» — М.: «Издательство «БПП»»,
2009.— 179 с.

ISBN 978-5-901746-07-3

©АСТРА, 2009

© Издательство «БПП», 2009